

ISSN 0012-6756

В номере:

«энджейтэнэйти»

«...Мы собрали пять самых жутких видео, которые можно найти на просторах всемирной паутины. Оставьте свет включённым и зовите близких – в одиночку будет страшно...» В центре сюжета повести-расследования Андрея ВЕРЕЦАГИНА «Глаз» – история появления в интернете загадочного видеоролика NJ-108-Y, после просмотра которого люди сходят с ума и наносят себе увечья. Главный герой, художник из Санкт-Петербурга, пытается выяснить, кто и зачем создал это видео. По ходу расследования он узнаёт о давних экспериментах спецслужб, направленных на психологическое воздействие, и сам постепенно теряет рассудок. Главы этого детективного текста сбиваются с псевдо-энциклопедической статьи то на новостные заметки и переписку в чате, то на классическую пьесу с лиху закрученным сюжетом.

«...только миг до Божьего суда»

Поэты часто задумываются: что такое жизнь? Один из дебютантов журнала Денис БАЛИН фиксирует реальную жизнь и жизнь в соцсетях: «только клик от лайка до репоста/ и только миг до Божьего суда». «Жизнь моя, коробка белого света,/ набитая голосами птиц», – определяет Любовь КОЛЕСНИК. Для Марии ЗАТОНСКОЙ, которая впервые публикуется в «ДН», жизнь – это «когда с самим собой совпал предмет». Обращаясь к судьбам русских классических поэтов, ищет ответ Константин КОМАРОВ.

«Две дорожки следов остались от прежних нас,/ тень улыбки и горечь смеха...» В рубрике «Поэт о поэте» напечатаны последние стихотворения недавно ушедшей от нас поэтессы Натальи АРИШНОЙ, давнего друга и автора журнала. Особенностям ее лирики, вызывающей у читателя особое чувство доверия, посвящено эссе Юрия РЯШЕНЦЕВА.

Так что же мы хотим услышать?

Море вопросов без ответа. «...С кем мы постоянно, беспрерывно, страстно разговариваем? С любимой женщиной? С другом? С врагом? С внутренним голосом, то есть, с самим собой? Подхожу к зеркалу; кто это там – в его темной глубине? Это я? Но, если так, то почему я не отвечаю на свои собственные вопросы?» – пытается понять прозаик Геннадий ПРАШКЕВИЧ, отправляя очередное письмо своему постоянному собеседнику.
«Мы хотим услышать нечто пока упускаемое и очень важное – так чем же оно может быть вообще? – подхватывает физик Алексей БУРОВ. – После Евангелия, рядом с ним – какая еще благая весть может нам добавить мудрости, силы духа, добродетели, воздуха свободы?»

Шорох слов

«Прежде война в воздухе велась пилотами, среди которых были свои мастера, асы – в современной войне самолеты все более вытесняются дронами. И легче, и дешевле, и мастерство пилота не требуется, поскольку не нужен сам пилот. Сходное ощущение и в поэзии. Словно небо над ней, в котором прежде демонстрировали высший пилотаж асы (и стремившиеся стать ими новички), теперь заполнили «дроны» – стихотворения, порой непонятно кем и откуда запущенные». По традиции в мартовском номере «ДН» происходит «Весенняя раздача слонов» – литературный критик Евгений АБДУЛЛАЕВ размышляет о поэтических сборниках минувшего года.

Дружба народов

*Независимый
литературно-художественный
и общественно-политический журнал*

*Основан
в марте 1939 года*

Адрес редакции:
117218, Москва,
ул. Кржижановского, д. 13, стр. 2,
журнал «Дружба народов»
Телефон (многоканальный):
8-499-519-02-12

E-mail: dn52@mail.ru,
Сайт журнала:
<http://дружбанародов.ком>

Юридическая поддержка:
Congress Consulting.
Свидетельство о регистрации
№ 73 от 14.09.1990 г.
в Министерстве печати
и массовой информации РСФСР.
Свидетельство о регистрации
товарного знака № 288681.
Зарегистрировано в
Государственном реестре
товарных знаков и знаков
обслуживания РФ
12 мая 2005 г.

Отпечатано с готовых файлов заказчика
в АО «Первая Образцовая типография»,
филиал «УЛЬЯНОВСКИЙ ДОМ ПЕЧАТИ»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

*Редакция не имеет возможности
рецензировать и возвращать
рукописи.*

*Во всех случаях полиграфического
брата в экземплярах журнала
 обращаться в типографию, указанную
 в выходных сведениях.*

*При перепечатке наших материалов
ссылка на журнал «Дружба народов»
обязательна.*

Сдано в набор 20.01.2023.
Подписано в печать 24.02.2023.
Формат бумаги 70 x 108 1/16
Печать офсетная.
Усл.-печ. л. 22,4. Усл. кр.-отт. 23,1.
Уч.-изд. л. 21. Тираж 1200 экз.
Заказ . Цена свободная.

Редакционная коллегия

Главный редактор Сергей НАДЕЕВ

Ольга БРЕЙНИНГЕР

Ирина ДОРОНИНА

Елена ЖИРНОВА

Первый заместитель главного редактора Наталья ИГРУНОВА

Галина КЛИМОВА

Владимир МЕДВЕДЕВ

Заместитель главного редактора Александр СНЕГИРЕВ

Редакционный совет

Мария АНУФРИЕВА

Сухбат АФЛАТУНИ

Муса АХМАДОВ

Ольга БАЛЛА

Дмитрий БИРМАН

Денис ГУЦКО

Ольга ЛЕБЕДУШКИНА

Фарид НАГИМ

Илья ОДЕГОВ

Валерия ПУСТОВАЯ

Кнут СКУЕНИЕКС

Сергей ФИЛАТОВ

Ренат ХАРИС

Александр ЧАНЦЕВ

ЭЛЬЧИН

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЗА И ПОЭЗИЯ

Любовь КОЛЕСНИК. Коробка белого цвета. Стихи	3
Андрей ВЕРЕЩАГИН. Глаз. Повесть	7
Евгений ЧИЖОВ. Боль. Рассказ	50
Денис БАЛИН. По запятым из дантовского ада. Стихи	62
Андрей ВОЛОС. Облака перемен. Роман. Окончание	65
Константин КОМАРОВ. Из цикла «Стихи о русских поэтах»	138
Валентин АНОЦКИЙ. Теория вырождения. Рассказы	141
Олег ЗОБЕРН. Бесермяне. Повесть о малом народе	165
Мария ЗАТОНСКАЯ. Когда с самим собой совпал предмет. Стихи	175
Мария ДАВЫДЕНКО. В позе ребёнка. Рассказы	177
Анна ШИПИЛОВА. Второе пришествие. Рассказы	187

ПОЭТ О ПОЭТЕ

Юрий РЯШЕНЦЕВ. Памяти Натальи Аришиной	195
Наталья АРИШИНА. Смотрящему из-под руки. Стихи	196

ДРУЖБА НА ВЫРОСТ

Марина КАРТАШЕВА. Марысины сказки	201
---	-----

ПУБЛИЦИСТИКА

Алексей БУРОВ, Геннадий ПРАШКЕВИЧ. О том, что хотим услышать.	
Два письма на одну тему	204

ЖИЗНЬ В ЛИТЕРАТУРЕ

Максим ГУРЕЕВ. «Путешествие — старое слово». Из будущей книги	
«Андрей Битов. Мираж сюжета»	216

КРИТИКА

Евгений АБДУЛЛАЕВ. Весенняя раздача слонов. О поэтических сборниках	
2022 года	228

NON-FICTION PRO

Александр ЧАНЦЕВ. Стеклянные самолёты внутри,	
или Трипы с Эрнстом Юнгером	242

БИБЛИОНАВТИКА

Ольга БАЛЛА. Пульсирующие точки нового состояния мира	
(Ксения Голубович. «Постмодерн в раю: О творчестве Ольги Седаковой»)	265

ПРАВИЛА ИГРЫ

Борис МИНАЕВ. Добро пожаловать в Берлин	269
Summary	272

© «Дружба народов», 2023

Любовь Колесник

Коробка белого цвета

* * *

До марта ещё подморозит, а дальше — теплеть,
откроется солнце и грянет скворцовая ода.
В оврагах река заворачается, как медведь,
и треснет от радости гулкой пустая порода.

Всё будет: пичужья борьба и лихая вода,
весёлые травы проколют покровы позвонками.
И я никогда не умру, никогда-никогда —
извергнутый почвой, под гору катящийся камень.

Я выучу, вымолчу: в зычном зиянии дня
понурая вечность на грудь мне копытом вставала!
«Тепляк» на Торжок пробежит, дребезжа и звеня,
и вовсе исчезнет, как будто его и меня,
и этого тонкого дня никогда не бывало.

* * *

Депутат Федерального Собрания Российской Федерации
в деревню сбагрил чистокровного коня.
Дочеке надоело им заниматься,
а платить за постой в московской конюшне не хотелось ни дня.

Конь понуро стоял на цепи, стреноженный —
чёрный красавчик, ехавший большой приз.
— А ещё с ним седло отдали хорошее, —
сказал дядя Коля, пьяница, гармонист,

и вытащил немецкий Kieffer тыщ за двести —
поеденный мышами, обсаженный кошками, весь в пыли.
— Бесхозяйный ты дед, догадался б седло повесить!
Ты ж его испортил!
— Ой, никак! Ой, рука болит!

Колесник Любовь Валерьевна — поэт. Родилась в 1977 году в Москве. Автор пяти книг стихов, среди них «Мир Труд Май» (М., 2018), «Музыка и мазут» (СПб., 2020). Победитель Международного Волошинского конкурса (2019), лауреат премии журнала «Дружба народов» (2020). Живёт во Ржеве.

— Так продай!
 — Не могу, ведь оно чужое —
 боязно, шкуру спустит же депутат!
 — Депутат в Москве за родину болеет душою,
 последний раз был в деревне пять лет назад.

Конь кивал головой, над глазами роились слепни.
 Лохматая кошка свернулась клубком на седле.
 Нет ничего отчаяннее и великолепнее,
 чем жить на земле:

я это седло, я эта Россия,
 я гремящий колхозной цепью чистокровный конь.
 Я дяди Колина трёхрядная сиплая
 «Прощание славянки» играющая гармонь.

* * *

На вилах дрожало живое сено
 тысячекратными горлами птиц.
 Лошадь ходила в путах, не понимая плена,
 солнце за край болота валилось ниц.

Закат закрывал медленное забрало,
 поле погружалось в вечный покой.
 Я докосила, заскирдовала.
 Ты попросил: «Постой,

пока в березняке пересвистываются совы,
 от земли поднимается белый дым —
 сделай так, чтобы мир снова стал словом
 и остался им».

* * *

Междур небом и мной — невесомый дымок пуповиной.
 Журавлина стая над ельником тянется длинной,
 подгоняемой ветром, растрёпанной ветхой верёвкой.
 Я хватаюсь за хвостик, бегу далеко и неловко —
 по раскисшему полю к деревне Лубёнки, Дубёнки.
 Полустёртые карты и полуслепые иконки,
 мина кислая бабья и ждущая мина земная —
 это всё — не рождащая льна моя глина родная.
 Вековая осина вершит двоеперстье Иисуса.
 Добежала и падаю, мам, ты железного вкуса.

* * *

Набухает железной рудой водоём.
Мы сначала намокнем, а после сгниём.
В небе — рваная рана рассвета.
Вот такое степенное лето.

Выдь на Волгу выть волком: куда, на луну ль?
На пестрядинном небе колеблется нуль —
это я оторвался от ветки
и лечу от колядки до клетки.

Я нечаянно, мама! Не злись на меня.
Бересклет да суглинок, кипрей да стерня —
я люблю тебя всю и жалею.
И стараюсь не гнить, прорастая из пня,
и держаться корней, как умею.

* * *

Знаешь, что это? Тропка
заячья под кустом,
холм, травяная штопка,
зёрнышко под листом.

Вьюга, как суеверие:
видеть, терпеть, вертеть.
Кровь на снегу и перья.
Знаешь, что это? Смерть.

Небо с глазами Вия,
дымные купола.
Знаешь, кто я? Россия,
за перелеском мгла.

* * *

Я качусь не спеша, не резвей лошадиного шага.
В небе чёртова бабушка вьюгу взбивает мешалкой.
В доме тихая женщина ставит тарелки на стол.
За четыреста вёрст площадями идёт комсомол.

Здесь земля как неволя, а значит, не выйдет быстрее.
Под ногой прогибается времени скользкое стремя.
Показалось, изба? Нет, заснеженный угол голбца
да рванина пырея, над ними пурга без конца.

Ты откуда, цыганская девочка в чёрной цигейке?
Замедляются музыки сдавшиеся батарейки.
Расскажу без неё: буря мглою по-прежнему кроет.
Мы спаслись. Скоро Сретенье — знаешь такое?

* * *

Там, где Куекша течёт, перекликаясь с Сендейой,
на косогорах стоят вековые сосны.
Пока люди спят, они водят хороводы,
ловят друг друга за зелёные косы.

А когда приходит черёд, деревья падают в белый снег
плоскими бабыми лицами с золотым румянцем —
Снегурочки ложатся на пуховые перины
в ожидании Мизгирей.

Те прогревают свои фуры с московскими номерами.
Переносят тела стволов в стальные гробы
и едут, напевая грустные песни
о том, что ничего уже не осталось:
ни золота в синих куполах,
ни деревьев в лесу, ни Бога в небе.
Течёт Куекша.
Звенит Сендега.
Ветер воет вдоль пустых берегов.

* * *

Собаки — звонки, поленницы — позвонки.
Старуха рубит курицу на заднем дворе.
Курица бежит, забывши о голове,
бабка плачет, дед ругается, я смотрю.

Собака лает, трактор работает, люди — нет,
жизнь тупым топором тяпает по горбу.
Курица бежит и бежит на свет.
Я бегу, бабушка, я бегу.

* * *

Жизнь моя, коробка белого света,
нabitая голосами птиц.
Короткая ночь, наутро которой — лето,
собранное из косточек и крупиц.

Красивый ельник на месте старой деревни,
страшный ельник по краю болотных вод.
Зимородок с заревом в оперении,
лосёнок, матери тычущийся в живот.

Посреди леса — яблоня.
Я её не сажала,
она сама,
в сердце радость — тоже сама.
Смерть-змея, воткни в себя своё жало.
Отступи, тьма.

Проза

Андрей Верещагин

Глаз

Повесть

Часть первая, в которой тянет на Запад

*NJ-108-Y
Материал из Википедии — свободной энциклопедии*

Эта статья предлагается к удалению.

Пояснение причин и соответствующее обсуждение вы можете найти на странице Википедия: К удалению/19 января 2018.

Пока процесс обсуждения не завершён, статью можно попытаться улучшить, однако следует воздерживаться от переименований или немотивированного удаления содержания, подробнее см. руководство к дальнейшему действию.

Не снимайте пометку о выставлении на удаление до подведения итога обсуждения.

Последнее изменение сделано участником VladKashmarov (вклад · журналы) в 17:21, 20 октября 2021 (UTC; около 63 дней назад).

NJ-108-Y (предполож. читается как «энджейтэнэйти») — видеоролик, якобы способный оказывать воздействие на психику. Первое его упоминание появилось на 4chan в начале 2016 года.

Автор поста утверждал, что в сентябре 2015-го модераторы YouTube получили более пятидесяти жалоб на ролик под названием NJ-108-Y. Посмотревшие его сообщали об острых головных болях, тошноте и необъяснимом чувстве тревоги. Модерация видеохостинга не нашла оснований для удаления, однако уже в ноябре ролик исчез вместе с каналом GODrkuv1889, на котором он находился. На тот момент уже существовало несколько перезаливов, которые собирали не более двадцати просмотров каждый.

Андрей Верещагин — журналист, прозаик. Родился в Санкт-Петербурге в 1992 году, окончил Санкт-Петербургский государственный университет культуры (2009). Живёт в Санкт-Петербурге.

Предыдущая публикация в «ДН» — 2021, № 8.

Само видео представляет собой 40-секундный чёрно-белый мультфильм, в котором три человеческие фигуры без лиц синхронно поднимают и опускают руки. Фигуры абсолютно идентичны, за исключением пуговиц на рубашках — у крайней левой на них изображён трилистник. На 38 секунде крупным планом показывают одну из голов. Картинка сопровождается металлическим лязгом, гулом, треском и чуть слышной синтезаторной мелодией. Неизвестно, было ли у оригинального видео какое-то продолжение.

О NJ-108-Y забыли до февраля 2017-го, когда вирусным стал ролик «Пьянчуга молится алкогольным богам» (Drunkard prays to alcoholic gods). Снятый камерой наружного наблюдения, он демонстрировал один из перекрёстков города Шайенна, в центре которого женщина поднимала руки к небу и громко напевала. Редактор PanicSasquatch обратил внимание на то, что движения женщины совпадают с движениями фигур в NJ-108-Y, а её песня похожа на мелодию оттуда же.

На волне вновь обретённой популярности NJ-108-Y появилось множество пародий на него, но большинство каналов с первыми перезаливами к тому времени были заблокированы. «Каноничным» считается видео, на которое указывал PanicSasquatch — оно было загружено пользователем JamesDork в конце января 2016 года. Сам JamesDork с тех пор не опубликовал ни одного ролика, а все попытки связаться были безуспешны.

До сих пор ведутся споры о том, видела ли женщина из Шайенна этот ролик и есть ли в нём что-то дальше сороковой секунды. Само название NJ-108-Y также расшифровать не удалось.

* * *

posted by u/[deleted] 3 years ago

Что-то странное с пьяничкой

С тем роликом о тётке из Вайоминга, орущей на облака. Я, конечно, могу додумывать, но её поведение больно смахивает на поведение чуваков из старого криповского видоса NJ-108-Y. А ещё она вроде бы даже поёт музыку оттуда. Скажите, я не схожу с ума?

Sort By: Old

RibbRoy 3y

А как ещё руки вскидывать, лол?

[deleted] 3y

Меня больше песня её волнует

RibbRoy 3y

Так вот же она — youtu.be/dQw4w9WgXcQ

[deleted] 3y

Очень смешно

ClareThomas 3y

Ух... видео реально криповое. Ты как его вообще нашёл?

[deleted] 3y

Угарал в своё время по всяким ФС, а тут вспомнил вдруг

SamSpade93 3y

не знаю, сходишь ли ты с ума, но сходство вроде бы есть. Сюда бы кого-то, кто звук на «Пьянчуге» почистил, чтоб яснее было

Juan9669 3y

Сука, я помню этот ролик. Когда смотрел его раньше, было не по себе, а сейчас уже совсем не страшно.

[deleted] 3y

А мне некомфортно, как в первый раз!

RibbRoy 3y
С С Ы К Л О

tea-spotter-tea 3y

А что с роликом этим? Уж не ты ли сам часом его сделал? На creepypasta wiki никакой инфы нет про него.

[deleted] 3y

PanicSasquatch выше отвечал, что раньше увлекался ФС.

tea-spotter-tea 3y

Это ничего не доказывает

LastNightofSaddness 3y

Чел, глянь на дату публикации видео.

JollyJoyggggg 3y

Ты поиском пользоваться не умеешь совсем, да?

[deleted] 3y

короче, вот ОТНОСИТЕЛЬНО чистый звук из мема с пьяной бабой, а вот ОТНОСИТЕЛЬНО чистая музыка из твоего NJ-108-Y. Это буквально одна и та же музыка

risethetide451 3y

похоже, что и движения пьянчуга совершают тогда же, когда и челы из мультика

[deleted] 3y

ДА

[deleted] 3y

спасибо! но теперь мне действительно страшно

[deleted] 3y
МНЕ ТОЖЕ

RibbRoy 3y

С С Ы К Л О

burnouttheday 3y

ну фейк же ну

Gray_yarD 3y

Что-то интересное назревает! Запасаюсь попкорном.

[deleted] 3y

Женщина стопудов то же самое поёт и так же руки вскидывает. Есть инфа о том, кто она такая?

follyofman 3y

Ничего. Я сама из Шайенна, у нас тут только постфактум сообщили, мол, вот вышла женщина и орала. Ни имени, ничего.

[deleted] 3y

Но полиция-то её, наверное, задержала?

follyofman 3y

Ничего не знаю об этом.

LastNightoSaddness 3y

на cheyennepd.org пусто. Местные сайты тоже не сообщают

follyofman 3y

В комментах на YouTube говорят, что видели её вживую.

[deleted] 3y

Может, у них спрашивать?

* * *

Пьянчуга молится алкогольным богам

Владимир Фреголи <panicsasquatch1934@gmail.com>

кому: Рик

Рик, здравствуйте! Меня зовут Владимир, я увидел ваш комментарий под видео «Пьянчуга молится алкогольным богам». Вы написали, что воочию видели запечатлённое. Я провожу небольшое расследование. Не могли бы вы рассказать об этой женщине? Заранее спасибо!

Рик Клементс <slaythecock101@gmail.com>

кому: мне

Здравствуйте, Владимир! Без проблем. Это было, кажется, 17 февраля, на пересечении Логан-авеню и E 20th st. Я тогда не придал значения, хотя и посмеялся, проходя мимо. Женщину эту, кстати, я пару раз видел и до этого. Она, похоже, живёт где-то неподалёку.

Владимир Фреголи <panicsasquatch1934@gmail.com>

кому: Рик

Спасибо! Вы мне уже здорово помогли, но, может быть, вы знаете, что произошло с этой женщиной после «молитвы»?

Рик Клементс <slaythecock101@gmail.com>

кому: мне

Полиция забрала, наверняка — этого я уже не застал. Если хотите, я могу уточнить у знакомого копа, что стало с женщиной. Только скажите, зачем вам всё это?

Владимир Фреголи <panicsasquatch1934@gmail.com>

кому: Рик

Было бы просто отлично! Я бы вам по гроб был благодарен!

Что до моего интереса, то я занимаюсь исследованием интернет-мемов, а для всестороннего исследования нужен контекст. Вот и всё.

Рик Клементс <slaythecock101@gmail.com>

кому: мне

OK. Понял вас. Ну, я тогда у друга узнаю и сообщу, если будут какие-то новости.

Владимир Фреголи <panicsasquatch1934@gmail.com>

кому: Рик

Спасибо огромное ещё раз! Буду ждать вашего ответа.

* * *

Аноним 20/03/17 Пнд 00:25:08 № 149229403

Сап, двач. Четыре года был модератором ютуба. Задавайте вопросы.

Ответы: >>149229458 >>149229466 >>149229478 >>149229509

Аноним 20/03/17 Пнд 00:26:29 № 149229446

Бамп

Аноним 20/03/17 Пнд 00:26:57 № 149229458

>>149229403 (OP)

Буй будешь?

Ответы: >>149229504

Аноним 20/03/17 Пнд 00:27:11 № 149229466

>>149229403 (OP)

ЦП много видел?

Ответы: >>149229504

Аноним 20/03/17 Пнд 00:27:32 № 149229478

>>149229403 (OP)

Как там вообще принимают решение об удалении видео?

Ответы: >>149229504

Аноним 20/03/17 Пнд 00:29:58 № 149229504

>>149229458

Нет ты.

>>149229466

На самом деле, не особо. Оно всё автоматикой отсеивается. Вот у меня знакомый в FB работает, он такого насмотрелся, что врагу не пожелаешь.

>>149229478

Сначала включаются алгоритмы, которые определяют, есть ли в видео порево и музыка с копирайтами. Они, конечно, иногда ошибаются, но в целом своё дело делают. Непосредственно удаляют видео не так часто — только если на них нажалуются или, например, какой-нибудь РКН придёт. Причём жалоб должно быть реально много.

Ответы: >>149229527

Аноним 20/03/17 Пнд 00:30:01 № 149229509

>>149229403 (ОР)

Пруфов не будет, я так понимаю?

Аноним 20/03/17 Пнд 00:30:33 № 149229527

>>149229502

На что обычно жалуются?

Ответы: >>149229567

Аноним 20/03/17 Пнд 00:30:35 № 149229530

Бамп

Аноним 20/03/17 Пнд 00:31:48 № 149229567

>>149229529

Обычно на оскорбление чести и достоинства какого-нибудь депутата, актёра или блогера. Иногда на что-то мерзкое, когда, не знаю, прыщи, например, выдавливают крупным планом. Но в таких случаях, как правило, ставят маркировку «18+» и лишают монетизации, если она была.

Ответы: >>149229595

Аноним 20/03/17 Пнд 00:32:27 № 149229595

>>149229567

а что по поводу всяких криповых видео вроде Mereana Mordegard Glesgorv? Могут удалить, если будут жаловаться на понос после просмотра?

Ответы: >>149229634

Аноним 20/03/17 Пнд 00:33:40 № 149229634

>>149229595

Могут, да. С Mereana я, понятно, не работал, но при мне был похожий случай с другим роликом, мультиком каким-то про трёх мужиков. На него нам накатали полсотни жалоб, и его вроде как подрезали, потому что там в конце что-то стрёмное происходило. Не я этим занимался, но слухи всякие ходили. В общем, его сперва обрезали на несколько секунд, а через какое-то время канал, на который он был залит, удалили. Не знаю, почему это произошло.

Ответы: >>149229645 >>149229667

Аноним 20/03/17 Пнд 00:33:57 № 149229645

>>149229634

Сдаётся мне, ты фуфлишь.

Аноним 20/03/17 Пнд 00:34:21 № 149229667
>>149229634

NJ-108-Y? Анон, если не врёшь, то ты просто обязан достать полную версию видео! Наверняка где-то сохранилась же.

* * *

По поводу пьяничуги

Рик Клементс <slaythecock101@gmail.com>

кому: Владимир

Владимир, здравствуйте! Есть новости по поводу видео. Мой друг говорит, что составлял протокол той женщины. Зовут её то ли Долорес Рейс, то ли Дженна Хейз — он уже не помнит. Когда её привели в участок, она некоторое время продолжала петь, потом уснула, а проснувшись, совсем не помнила, что с ней происходило. Её отправили на экспертизу, но в крови ничего не обнаружили. Возможно, она была под какими-нибудь марками или чем-то таким.

Владимир Фреголи <panicsasquatch1934@gmail.com>

кому: мне

Спасибо, Рик. Вы меня очень выручили. Скажите, а неизвестно, что с ней сейчас? Можно ли как-то с ней связаться?

Рик Клементс <slaythecock101@gmail.com>

кому: Владимир

Нет, тут, к сожалению, я вам помочь не могу. Это всё-таки личные данные, их разглашать никто не будет.

Владимир Фреголи <panicsasquatch1934@gmail.com>

кому: мне

Понимаю. А замечена ли эта Райс или Хейз ранее в употреблении наркотиков (надеюсь, это не конфиденциальная информация)? И вообще, подобные случаи у вас в Шайенне когда-нибудь происходили?

* * *

Пять самых страшных видео в интернете.

Если хочется пощекотать нервишки.

Интернет is for rotg, как поётся в одной знаменитой песне, но, кроме того, это место, где можно получить новые знания, посмеяться от души и до дрожи в коленках испугаться. В общем, есть тут развлечения на любой вкус.

Мы собрали пять самых жутких видео, которые можно найти на просторах всемирной паутины. Оставьте свет включённым и зовите близких — в одиночку будет страшно.

Barbie.avi

Согласно интернет-легенде, это видео было найдено на жёстком диске выброшенного на помойку компьютера. Автор оригинальной крипипасты (страшилки — *Прим. редакции*) утверждал, что длилось оно примерно час. Целый час девушка со светлыми волосами что-то рассказывала на камеру — предположительно, она давала интервью, но звук в ролике был таким плохим, что речи не разобрать.

Где-то на 16-й минуте девушка начинала заметно нервничать, а к 40-й и вовсе принималась плакать. При этом она, судя по движениям губ, говорила что-то о своей коже.

В самом конце видео показывали железнодорожные пути, в которых лирический герой узнавал окрестности своего дома. Взяв в помощь мускулистого друга, он отправлялся в то самое место и набредал на заброшенный дом. В нём обнаруживались слишком чистая ванная, новая мебель и запертая дверь в подвал. Далее автор крипипасты заявляет, что услышал стон и в ужасе убежал.

В дополнение к этой истории есть ещё одна — о деле Барбары и Мэган Нойт, которые пропали в августе 1996 года в Великобритании. В том же месяце полиции удалось найти Мэган. Девушка рассказала о психиатрической больнице, где её и сестру держал некий «он». Прибывшая на место полиция обнаружила VHS-кассету, на которую и был записан тот самый разговор с, как оказывалось, Барбарой Нойт. Сотрудник полиции, которому было поручено оцифровать видео, скёг носитель и повесился, предварительно выбросив свой компьютер.

На самом деле в жуткой байке, подкрепляемой не менее жуткими видео (ни в одном из которых, кстати, нет рыданий девушки и кадров с железной дорогой), нет, похоже, ни грамма правды. Благодаря пользователю «ВКонтакте» Ивану Черняку, взявшемуся за собственное расследование, стало известно, что девушку на видео зовут Тэмми и она модель. В двенадцать лет в результате несчастного случая со стиральной машиной Тэмми потеряла правую руку, а ролики, судя по всему, — это просто интервью для какого-то издания.

Suicidemouse.avi

Микки Маус шагает по тротуару, фоном звучит весьма тревожная музыка, которая становится всё более невыносимой и превращается сперва в белый шум, а потом и вовсе в истеричные крики. С изображением тоже происходят метаморфозы — город искается, грустный мышонок теряет черты лица, но продолжает идти, чтобы в финале оказаться совсем близко к камере.

9-минутный ролик способен нагнать жути, особенно в связке с крипипастой, призванной раскрыть тайну его происхождения. Согласно ей, мультфильм, который был создан в 30-х, хотели оцифровать для выпуска на DVD, но в процессе один из сотрудников Disney натурально сошёл с ума. Он семь раз выкрикнул фразу «настоящие страдания непостижимы», а затем выхватил пистолет у охранника и застрелился.

Конечно же, как и в случае с barbie.avi, всё это выдумки. Звучащая в ролике какофония — это проигранная задом наперёд «Шутка» Иоганна Баха; мелькающий в кадре телевизор в 1930-х ещё не изобрели, да и эффекты, наложенные на картинку, с потрохами выдают Movie Maker (стандартный редактор видео в Windows — *Прим. редакции*).

NJ-108-Y

Единственный ролик в нашей подборке, фейковость которого так и не доказана. Версия, загруженная 25 января 2016 года, длится 40 секунд, на протяжении которых три долговязых нарисованных человека под скрежет и странную электронную музыку выбрасывают руки в воздух. В самом конце один из них пристально смотрит в камеру. Ну, как смотрит — как и у Микки из suicidemouse.avi, у главных героев NJ-108-Y нет ни глаз, ни рта, ни каких-либо других черт лица.

По легенде, зародившейся, как водится, на 4chan (анонимный форум — *Прим. редакции*) оригинал видео был удалён администрацией YouTube, так как оказывал угнетающее воздействие на нервную систему зрителей. Судя по всему, из того ролика, что у нас остался, вырезали какую-то важную часть, потому что никакого физического

дискомфорта, о котором говорилось в крипипасте, он не вызывает, хоть смотреть видео и неприятно.

Так почему же мы упоминаем его в пятёрке самых жутких? А потому что с ним связана очень загадочная история. Помните то мемное видео с женщиной, молящейся алкогольным богам? Так вот её пассы руками и напевы, как выяснил пользователь Reddit под ником PanicSasquatch, полностью повторяют NJ-108-Y. И это, пожалуй, единственный задокументированный случай, когда жуткий ролик из интернета повлиял на психику посмотревшего.

Разумеется, дело может быть в простом совпадении. Можно было бы найти ту женщину и спросить её напрямую, но вот ещё одна странность — никто не знает, кто она такая и куда пропала. Выйти с ней на связь пока никому не удалось. Это таинственное исчезновение заставило пользователей сети строить самые смелые теории: от мистических до конспирологических.

Согласно одной из последних, например, NJ-108-Y — часть секретной программы ЦРУ MKUltra, в рамках которой власти США разрабатывали способы манипулирования сознанием людей. Если это так, то женщину точно похитило правительство. Чтобы не разболтала лишнего.

Mereana Mordegard Glesgorv

В видео с труднопроизносимым названием (по одной из версий оно переводится как «Мереана — убийца глаз») не происходит ничего прямо жуткого. Просто мужчина 20 секунд смотрит в камеру, а в финале появляется его же исковерканная фотография. Всё это под красным фильтром и, внимание, без какого-либо звукового сопровождения.

Согласно крипипасте, найти оригинал невозможно — как и в случае с NJ-108-Y, нам остался лишь «огрызок», который администрация YouTube решила не удалять, дабы не злить пользователей. «Режиссёрская версия», в свою очередь, длится аж две минуты и заставляет посмотревших сперва вырезать себе глаза, а потом и совершать суицид. Говорят, что жертвами «Мереаны» стали десятки человек.

Так что же происходит по истечении первых 20-ти секунд? Этого мы не знаем, но всё та же крипипаста рассказывает о сотруднике YouTube, решившем посмотреть видео целиком. На 40-й секунде он вдруг начал истерично кричать, а находившиеся рядом коллеги, не осмелившись взглянуть на экран, слышали «высокий звук сверления». Сотрудник, кстати, выжил, но, конечно, об увиденном не помнил.

Со временем эта история обросла подробностями: говорили, что название ролика отсылает к секретной американской службе, создавшей его; о том, что мужчина из видео болен шизофренией, лишён пупка, съел свою сестру и многое, многое другое. Разумеется, это выдумки.

В действительности главного героя «Мереаны» зовут Байрон Кортез и он — маркетолог из США. Видео создали без его ведома. Сам Кортез знать не знал о своей популярности до тех пор, пока энтузиасты не нашли его профиль в Фейсбуке и не принялись заваливать его сообщениями.

I Feel Fantastic

На протяжении двух с половиной минут робот в парике поёт под синтезаторную какофонию о том, что отлично себя чувствует. Меняются позы и наряды, а ближе к финалу камера фокусируется на куче листьев и веток где-то, по-видимому, в лесу. Эффект «зловещей долины» как он есть. Масла в огонь подливает и описание под оригинальным роликом, загруженным в 2009 году: в нём пересказывается миф о Пигмалионе, что наводит на нехорошие мысли.

Собственно, нехорошие мысли пришли и автору крипипасты, попытавшемуся объяснить происходящее. По его словам, некий Джо Берджерон убил свою жену,

Евгений Чижов

Боль

Рассказ

К середине октября дачный посёлок пустел. Семьи дачников одна за другой возвращались в Москву, последние уезжали на нескольких машинах, дружно и шумно, Андрей Зябликов провожал их, старательно всем улыбаясь.

— Смотри тут без нас! — говорили ему отъезжающие. — Веди себя как следует, не расслабляйся. А то, сам знаешь... Если что, нам сразу доложат.

Особенно беспокоились об одиноком Зябликове женщины, и он, как мог, убедительно заверял их, что нет, ни за что не расслабится, будет скучать по ним и вспоминать, но когда рёв последней машины растворился в воздухе, вздохнул с облегчением: наконец-то наступала давно предвкушаемая им тишина.

В посёлке и раньше было обычно тихо, но с отъездом дачников тишина обретала иное качество — роскошь безлюдья. Едва различимый за облаками самолёт или кукушка из дальнего леса нисколько не уменьшали, а, наоборот, расширяли её гулкий объём за пределы видимого пространства. К вечеру, когда из низин поднимался туман, тишина делалась зrimой, материализуясь в его стелющихся по окрестным полям и улицам посёлка белёсых облаках, иногда розовых на закате. Отправляясь на вечернюю прогулку, Зябликов шёл сквозь расступающиеся перед ним пластины тишины. Но и днём, особенно по утрам, бывали часы, когда во всём, на чём останавливался взгляд, Андрей видел воплощения тишины: в тучах, в движении далёких деревьев, дыма над крышами, в крадущихся вдоль заборов кошках, которых после отъезда дачников оставалось в посёлке больше, чем людей. Наблюдая за их беззвучными перемещениями, за их сложными отношениями, союзами и интригами, Зябликов чувствовал, что кошки гораздо лучше него понимают жизнь опустевшего осеннего посёлка. Он, как и прочие оставшиеся здесь люди, был слишком неуклюж для неё, невнимателен и нечуток. Кошки замечали каждый неспешно планирующий на землю лист, застывали и оборачивались на любой звук, на шорох крыльев низко пролетевшей птицы или шелест ветки. О таком совершенном внимании Зябликов мог только мечтать.

Чижов Евгений Львович — прозаик, переводчик, журналист. Родился в 1966 году в Москве. Автор романов «Тёмное прошлое человека будущего», «Персонаж без роли», «Перевод с подстрочника», «Собиратель рая», а также повестей, рассказов и эссе, лауреат премий «Венец» СП Москвы за «Перевод с подстрочника» и «Ясная Поляна» за роман «Собиратель рая». Живёт в Зеленограде.

Предыдущая публикация в «ДН» — 2021, № 11.

Андрей переехал в посёлок шесть лет назад, сдав свою городскую квартиру, и с тех пор жил здесь круглый год, изредка, не чаще раза в сезон, навещая своё московское жильё и его меняющихся обитателей, чтобы убедиться, что там всё в порядке. Цель переезда была в том, чтобы написать книгу, работе над которой в Москве мешали суета, шум, общая нервозность и враждебность городской среды, ощущаемые Зябликовым на каждом шагу. И действительно, первый год он что-то писал, строил планы, набрасывал варианты, но всё чаще отвлекался от работы, засмотревшись на ходящую на ветру листву дубов и клёнов, выметавшую мысли из головы так, что он терял нить повествования, а там и забывал, для чего вообще его затеял. Чем больше он взглядался в жизнь деревьев, кошек и птиц, в смену освещения, манёвры облаков и неслышное скольжение теней, тем менее нужными и даже просто нелепыми представлялись ему усилия добавить что-то своё, искусственно сконструированное, к этому безупречному, в мельчайших деталях согласованному миру. Спустя год, находя в самых неожиданных местах, вроде шаткой будки сортира или хранившейся под кроватью кучи старых газет для розжига печи, свои черновики и наброски, Андрей прочитывал их с недоумением, а потом и со смехом — неужели ему принадлежат эти жалкие потуги на значительность, претензии на глубину и усилия заинтриговать читателя, которого нет и не будет. Начав смеяться над своими неуклюжими каракулями, он долго не мог остановиться, случалось, что смеялся до слёз. От дачной жизни он вообще сделался смешлив и многие человеческие проявления, как свои собственные, так и встречавшихся ему изредка на поселковых улицах соседей, в которых он прежде не находил ничего особенного, теперь казались ему комичными. Всегдашняя деловая озабоченность соседей, притом, что большинство дел были, по мнению Зябликова, никому не нужными, придуманными только для того, чтобы чем-то себя занять, вызывала у него с трудом сдерживаемую усмешку, а их постоянная тревожность, растерянность, ожидание перемен к худшему, а то и полной катастрофы, хотя и мало отличались от таких же настроений, регулярно возникавших у него самого, всё-таки смешили Андрея. Вероятно, дело было в том, что, сведя общение с немногочисленными постоянными обитателями посёлка, в основном, к разговорам о погоде, Зябликов постепенно отдалился от людей на расстояние, с которого человек в целом, или, во всяком случае, местный его подвид — человек поселковый — виделся ему существом довольно нелепым, особенно на фоне огромных старых деревьев, громоздившихся над ними многоярусных облаков и открывавшихся в просветах между домами желтеющих далей. Для себя Зябликов тоже не делал исключения и не раз, уже никого не стесняясь, разражался смехом, встретившись в ночном окне со своим отплывающим книзу, опухшим от бессонницы лицом или увидев в высоком зеркале свою неуклюжую фигуру. (Он постоянно боролся с полнотой, пытался даже заниматься скандинавской ходьбой, но результата это не приносило.) В доставшемся ему от родителей большом старом доме он мог, не сдерживаясь, смеяться в полный голос, и так и делал, но проглотившая эхо его смеха тишина, которой отвечал ему дом, Андрею совсем не нравилась.

Предки Зябликова достраивали и перестраивали дом, каждое поколение предпринимало усилия по его ремонту, но он всё-таки неумолимо ветшал и Андрею достался совсем уже дышащим на ладан, издающим старческие скрипты, полным мышиных шорохов и крысиных писков, с просыпающейся изо всех щелей древесной трухой. Можно было попытаться продлить ему жизнь, затеяв новый ремонт, но для этого нужны были средства, а главное — немыслимое для Зябликова количество энергии и сил. Но и сносить дом до основания, чтобы построить на его месте новое компактное жилище, как советовали знающие люди, он тоже был не готов. Решил, что так и будет жить в разваливающемся доме, понемногу разваливаясь вместе с ним.

Лет с тридцати Зябликов чувствовал, что начал стареть, и переваливший за сотню лет дом особенно нравился ему тем, что наглядно демонстрировал, что старение — естественное состояние вещества, оно может длиться долго, возможно, даже почти бесконечно. Когда у Андрея болели колени, кололо в боку или в сердце, ныли суставы или поясница, он вслушивался в раздающиеся при каждом шаге скрипы старых досок, в протяжные стоны несмазанных дверей, в свист ветра в щелях на чердаке и ощущал греющую душу гармонию распада, думал о том, что они с домом подходят друг другу, он живёт именно там, где и должен жить.

Многочисленными болезнями, глуша смутное чувство вины, Зябликов оправдывал свою нежелание затевать ремонт, а если хвори его оставляли, в придачу к старым с лёгкостью воображал новые, угадывая их по непрерывно питавшим его мнительность сигналам организма. Своё массивное туловище, с трудом помещавшееся в узком овальном зеркале на двери шкафа, Зябликов воспринимал изнутри как бесконечно уязвимое, хрупкое, полное необъяснимых болей, покалываний и урчаний в желудке, не суливших ничего хорошего. Часто, раздевшись перед зеркалом, Андрей пристально изучал его, пытаясь угадать, каких ещё опасностей ему ждать и откуда. И всё-таки, как бы ему этого порой ни хотелось, Зябликов не позволял себе капитулировать окончательно. Мылся до пояса ледяной водой из колонки, ходил на длинные прогулки, а по утрам даже занимался гимнастикой: размахивал руками и ногами, жмурясь от напряжения и кряхтя, тянулся пальцами к мыскам. Потом не меньше получаса приходилось отлёживаться.

Со стороны могло показаться, что он целыми днями ничего не делает, но это было совсем не так. В действительности Зябликов жил напряжённой и сложной жизнью. Он много читал и продолжал, уже без всякого расчёта на публикацию, писать, ведя учёт своим дням, раздувающимся, как грозящие лопнуть радужные пузыри, от переполнявшей их пустоты, в которой любое, даже самое ничтожное происшествие обретало значение и смысл. Но главное — он наблюдал. Ни одно изменение в пейзаже, в цвете неба или облачной архитектуре не проходило мимо Зябликова, каждое становилось событием его внутренней жизни, находило в ней своё место. От этого душа Зябликова, изнурённая гнём его тяжкого тела, понемногу высвобождалась, расправлялась, начинала чувствовать воздух и ветер. Наискось пересекавшая двор кошка щекотала её своей осторожной походкой, а от стремительного выражения ласточки над головой перехватывало дыхание. Однажды, уйдя в созерцание, Зябликов застыл настолько неподвижно, что на плечо ему села небольшая птица. От неожиданности он вздрогнул и спугнул её. Принявшая его за дерево птица поняла свою ошибку и улетела раньше, чем Андрей смог её разглядеть, но он всё равно почувствовал, что почти достиг поставленной цели — близок к тому, чтобы сделаться своим среди явлений природы и населяющих их существ.

К таким природным существам относил Зябликов и своих соседей, обитавших в посёлке, как и он, круглый год. В основном это были пожилые люди, четыре семьи и несколько одиночек. Отношения с ними сложились у Андрея вполне дружелюбные, а кое с кем даже задушевные. Без лишних объяснений соседи сумели понять, что Зябликов не просто так подолгу простояивает столбом на своём участке, на опушке леса или на обочине дороги, а занят важным, пусть и непонятным им делом. Завидев его с улицы сидящим за столом и что-то пишущим, они пришли к выводу, что Зябликов писатель и отстранённо зауважали, поскольку в далёких от Москвы небольших населённых пунктах к странным москвичам на всякий случай относятся с уважением, но стали и жалеть, так как было очевидно, что денег за эту писанину ему много не платят, а работа тяжёлая. Бывало, видели его за столом не только днём, но и ночью, и переглядывались тогда между собой, вздыхая с пониманием: вот ведь, нет покоя

Денис Балин

По запятым из дантовского ада

* * *

Иду по двору, вспоминаю стихи Басё,
пугаю ворон, ругаю за сырость погоду,
и брызги рассвета горят, освещая всё,
людская толпа напирает, бежит на работу.
Пейзаж городской, к которому с детства привык,
не радует глаз, сбежать бы к Балтийскому морю
с бутылкой вина и, выучив птичий язык,
беседовать с чайкой о рыbach, про горе и волю...
Но времени нет, сжимает тисками толпы.
Висит на гвозде календарь — обрываю недели.
Проспекты, что линии жизни, туннели судьбы,
И, словно Басё, надоели.

* * *

Нырнув в Балтийское море,
в объятия мутной воды,
забыл про всякое горе,
и всякой не стало беды.
Не стало ни левых, ни правых,
не стало друзей и врагов,
не стало позора и славы,
ни умных, ни дураков.
Забыл о стихах и поэмах,
руками хватаясь за ил,
забыл о счетах и проблемах,
но лишь о тебе не забыл.
Всплывая с глубин обратно,
на свет, что со мною жесток,

где волны рифмуются складно
и море, как мятый платок,
хотелось мне сделаться рыбой
и жабрами пить кислород,
на дно опуститься либо
уплыть до южных широт.
Быть рыбой, наверное, лучше,
чем тело держать на плаву,
но я, рождённый на суше,
до берега вновь доплыбу.
Там ты меня ждёшь, волнуясь,
поскольку уплыл за буйки,
и жизнь проходит, рифмуясь,
как две строки.

Балин Денис Александрович — поэт, прозаик, публицист. Родился в 1988 году. Окончил Институт телевидения, бизнеса и дизайна («Невский университет»). Автор трёх сборников стихов. Участник Форумов молодых писателей «Липки». Лауреат международной премии «Лицей» имени Александра Пушкина (2022), победитель первой Всероссийской мастерской «Мир литературы. Новое поколение» (АСПИР, 2022). Живёт в посёлке Мга Ленинградской области. В журнале «Дружба народов» печатается впервые.

* * *

Вот женщина, а вот её мужчина,
их голые, горячие тела —
вот мы с тобой, нам целый мир чужбина,
куда бы нас судьба не привела.
Представим, что квартира наша — бункер,
наш двор — бумажный лист черновика,
где хмурый день, как Пушкин камер-юнкер,
где в небе друг на друге облака.
Я лучше бы не смог придумать оды:
вот мы одни, и крутится земля,
на ней шумят любые непогоды,
прогнозы врут и вырос курс рубля,
а мы лежим — прекрасны и едины,
не ведая стыда; мы в том кино,
где сны любые неисповедимы,
где мы стихотворение одно.

* * *

Зима! Что делать нам в стихах
меж рэперов и рэперессок
со звучной рифмой на битах
в большой общаге литпроцесса?

Блеск улиц снежный, лёд в реке!
Январь и солнце! День как пуля.
Зима! Так будем жить в грехе,
мужчину с женщиной рифмуя.

Под сенью стихотворных строк,
неведом всяким стиховедам,
родится маленький стишок
зимой и закричит об этом.

* * *

по запятым из дантовского ада
пройдя свой путь от соски до пивной
я похмеляюсь стопкой винограда
и полусладкий день
горит кормой
тут люди врут
они гордятся этим
посмотришь
а вокруг поля поля
земной любви беспризорные дети
плывут облака
жуют журавля
а мы живём
назло московским гостям
в тоске еженедельного труда
где только клик от лайка до репоста
и только миг до Божьего суда

* * *

Январский мороз наливал чистоган —
от холода мёрзла душа,
я пил с Моргенштерном на станции Мга
и было не больно ушам;

и были от снега платформы стройны,
дрожала железная гладь,
в товарных вагонах везли из страны
земную её благодать.

Я счёт потерял им в какой-то момент,
был воздух прозрачный такой,
был вечер, и многоя далёких планет,
и парусник лунный дугой.

Смотрели во тьму светофора глаза,
зелёным и красным, светло.
И снилась вокзалу во мгинских лесах
одна остановка метро.

И снилось вокзалу, что он космодром,
что в небо одно устремлён.
Его весь украли и сдали на лом,
проснулся от ужаса он:

как долгая жизнь проходил товарняк,
как долгой зимы торжество.
Во Мге на вокзале был жёсткий дубак,
и не было там никого.

Андрей Волос

Облака перемен

Роман

Глава 2

Перемена участи

Соглашаясь с предложенным графиком работы — два раза в неделю по три часа, я не выражал сомнений, но сам пребывал в полной уверенности, что наши с Кондрашовым встречи не продлятся долго.

Чужие блуждания в лабиринтах прошлого скучны, и я не знал, насколько хватит моего терпения как слушателя и редактора.

Кроме того, скоро мне пришлось сделать вывод, что Василий Степанович вообще не понимает смысла воспоминаний. В той форме, какая виделась ему наиболее подходящей, всё без остатка выкладывалось на бумагу десятком фраз. Идеал же анабазиса в случае его достижения состоял бы из трёх строк, если не слов: родился, жил, умер.

Меня подмывало одобрить этот подход: дескать, никчёмные подробности лишь запутывают читателя, — но это был, конечно, чистой воды эгоизм и желание отделаться. Приходилось учитывать формат книжного издания. Стоило ли городить огород ради куцего конспекта, с досадой думал я.

Не знаю уж, совесть победила или что-то ещё, но я почему-то стал принимать его потуги близко к сердцу. Однако всё-таки это были не мои воспоминания, так что я не настаивал, а просто пытался вывести Василия Степановича на верную дорогу.

Нельзя отказать в справедливости того мнения, мягко говорил я, что судьба в целом складывается из десятка-другого значительных событий. Если смотреть издалека, любая жизнь — как стены Соловецкого монастыря, — глыбы наперечёт, а что там между ними, дресва или цемент, того и не видно. Но ведь в данном случае это вовсе не любая, не какая-то схваченная наспех случайная жизнь! Это именно его, Василия Степановича, личная жизнь — ваша, Василий Степанович, собственная жизнь! — единственное, в сущности, что может быть у человека своего.

Поэтому не пристало вам, Василий Степанович, смотреть на неё издалека. Если же вы подойдёте вплотную, тут же увидите, что складывающие её глыбы — не твердейшие валуны габбро или роговой обманки, от которых не отколешь ни кусочка, а кристаллы слюды.

При этом главное свойство сего чудного минерала состоит в том, что он способен бесконечно расслаиваться. От плоского кристалла всегда можно отщепить тонкий слой. При удаче получится целый лист — такие до изобретения стекла вставляли в проёмы окон.

И сколь бы тонкими ни казались слюдяные пластины, любую из них можно разделить на две — а потом ещё на две, и ещё, и ещё. Сколь бы ни были вы уверены, что достигнут предел и новые старания тщетны — но и теперь из каждой можно получить две, и опять это будет не окончание дела.

Так что вы должны смело расслаивать свою слюду, отщепляя год за годом, а потом и день за днём. Рассказ о происшествии занимает в разы больше времени, чем само событие. Гибельная катастрофа случается в мгновение ока — а говорят о ней веками.

Вам придётся расслоить прошлое и рассказать обо всём, что вас окружало, отметить всё, что хоть как-то касалось ваших чувств, — включая блики, шорохи, случайные касания и иные ничтожные мелочи, — и это трудная задача, требующая настойчивости, упорства, внимания и тщательности, зато и плодотворная, как, возможно, никакая иная.

Так что расслаивайте, Василий Степанович, расслаивайте дальше — ибо как раз между этими бессчётными слоями и заключены все чудеса, все чертоги, все бесконечные отражения и блики доставшейся вам жизни!..

* * *

Дело шло, и по прошествии некоторого времени я и думать забыл о своих опасениях.

Нашему сближению способствовало ещё и то, что Василий Степанович любил повитать в эмпиреях.

Его отвлечённые рассуждения о том о сём могли (а может быть, и должны были) составить отдельную главу: какое-то, возможно, предисловие. Так я, во всяком случае, думал, прикидывая формат будущей рукописи.

Желание воспарить, оторваться от тусклых закономерностей жизни — да хоть бы и самого здравого смысла! — возникло смолоду, не погасло по сей день, но, как он с огорчением замечал, с годами очень мало стало тех, кто мог бы составить ему компанию.

Их и прежде-то было немного, качал головой Василий Степанович. Видите ли, Серёжа, далеко не каждый способен невозбранно левитировать. Нужно иметь особое душевное устройство. Согласитесь, даже в мире животных не всякий имеет подходящий к полёту организм. Стоит ли в этой связи толковать о людях?

Кроме того, вздыхал он, чтобы бескорыстно рассуждать об искусстве, о роли художника в мире, требуется обширный досуг. А как раз его-то с течением времени становится всё меньше — следовательно, меньше становится и тех, кто мог бы разделить с ним его тягу. Да, такой уж у художника механизм — на душевной тяге.

Горестно мне смотреть на это оскудение, сообщал Василий Степанович.

Разумеется, основы существования остаются прежними. Как сто лет назад, так и ныне полно юнцов: хлебом не корми, дай поговорить о возвышенном. Искусство, призвание художника, смысл жизни: именно потому, что они в этом ещё ничего не понимают, их слова горячи и увлекательны. Пройдёт год-другой — ряды смельчаков поредеют... Да ведь спасу нет от новобранцев: найдётся кому возгонять мечты и дерзания, и жечь свечки с обоих концов, и пылать уверенностью, что именно им дано высказать истину, от которой содрогнётся косная Вселенная!.. Всё осталось как было и будет как сейчас, — жалко лишь, что тебя самого выталкивает за дверь безжалостная рука возраста, вздыхал Василий Степанович.

В общем, мы находили о чём потолковать на досуге.

Нам даже перестало хватать времени: важные рассуждения и пустые разглагольствования, разборы, повторы, проекты, планы и просто приятные словопрения никак не укладывались в оговорённые рамки.

Я тратил уже не три часа, а пять; а потом не пять, а все семь. Через раз приходилось уезжать в глубоких сумерках — зато являться спозаранку, полным новых идей и ещё не высказанных соображений.

В те дни, когда Лилиана находила способ сорваться с работы пораньше и приехать к нам, я оставался ночевать.

К середине лета я практически переселился в Кондрашовку.

* * *

Лилиана проявляла исключительную находчивость в нахождении верных способов как самой не сделать ненароком чего-нибудь полезного, так и мне не позволить уклониться от внимательного отношения к *dolce, понимаешь, far niente*.

Утро проходило во всякой чепухе и щебетаниях, столь свойственных мужчинам и женщинам, если им нечём заняться и вдобавок они не безразличны друг другу.

К тому времени, когда Василий Степанович, клокоча и откашливаясь, выдвигался с кружкой на террасу, чтобы сорвать листок календаря и пробудить окрестности зычным звоном «*Василиса!*», начав тем самым декретный день, я подчас чувствовал себя порядком утомлённым.

Лилиана же, напротив, вспархивала бодро, весело, всклянь налитая здоровой женской энергией.

Так бывало, если она не спешила в город.

Но обычно дела требовали её утреннего присутствия. Часть студентов проходила практику на кафедре; преподавательский состав был активно задействован на летних курсах повышения квалификации для учителей средних школ и лицеев.

Чтобы не оказаться в непролазных пробках на Можайке, бедняжке приходилось начинать движение спозаранку.

Проехавшись с ней, хмурой, на пассажирском сиденье до сказочных ворот, поцеловав на прощание душистую щеку и помахав затем быстро удаляющемуся блику на заднем стекле, я перекидывался словечком с тем, кто нынче стоял на охране. Вариантов было немного: Коля, Егор, Валентин Петрович.

Потом я неспешно брёл в сторону дома.

Лето перевалило за середину, был жаркий июль.

Позже, в разгар дня, недвижное латунное солнце жестоко палило с неба.

В звонком золотом пекле всё затихало, пруды тысячекратно умножали сияние светила, несчётно отражавшегося в менисках влаги при каждом стебле аира или ситника. Вода лежала тяжёлыми пластами недвижного серебра: намертво вчеканено было в него золото кувшинок. Обмирала листва ракит, изредка и с натугой шевелившая язычками. Стрекозы, залипшие в смолу тягучего воздуха над шишаками рогоза, выглядели музейными экспонатами, пока всё-таки не срывались на сторону, бешено треща тысячами крыльев и просыпая с них осколки света на невозмутимых водомерок...

Но утро — утро было чудесным.

Поляны между Большой и Малой аллеями Василий Степанович, при всей любви к благоустройству, оставлял в природной нетронутости. Их пышное разнотравье издалека выглядело ворсистым ковром, вблизи же вздыпалось стеной зелёного перламутра. Роса окатывала ноги, мокрые ступни скользили в сандалиях.

Фиолетово-розовые метёлки душицы соседствовали с чуть более тёмным колером дикой гвоздики. Резные лепестки петрова батога, сиречь цикория, выкрашенные жидкой акварельностью морозного неба, смотрелись явными самозванцами при семействах васильков, что светились парижской синью в некотором отдалении.

Хризолитовые, с переливом, венерины башмачки под своими траурно-железистыми лентами... ещё дальше оранжево-коричневые, камелопардовые снопы бузульника.

Добравшись до кошеного, я смахивал с коленок росу, шаркал ладонями по куцым, сочно промокшим штанинам шорт.

Со стороны Вознесенского погруживало: это к быстро подсыхающим лугам кучно летели пчёлы.

Одни совершали несколько кругов над разноцветьем, явно размышляя, к какому именно источнику следует приникнуть, другие с разлёту пикровали на первое попавшееся лакомство. Нагрузившись под завязку, ошелото покачивались на лепестках, стояния дурман сладкого погружения, покручивали головами, сучили лапками и краткими взуживаниями пробовали крылья.

Окончательно собравшись, с натугой и густым жужжанием перегруза вздымались в пропасть голубого окоёма — и, мало-помалу разгоняясь, ровно, как по нитке, не тратя сил на лишние виражи, уходили обратно на Вознесенское.

Тысячи разноразмерных мушек наполняли воздух шелестом, звоном, жужжанием, шорохом. Переливчатый шум накатывал волнами небесного прибоя, то отчего-то ненадолго стихая, то снова подымаясь, — и время от времени его призрачные волны пробивал басовый промельк шмеля или опасный взвыв разбойника-шершня.

Я шагал к Малому пруду, где на Сосновом взгорке можно было нащипать горсть кровавой земляники, или по Донной тропе в сторону Пригорья, а уже оттуда, обойдя малое урочище, полное своих собственных запахов, голосов, лепетаний и шорохов, поворачивал назад к дому: крадучись пройти на кухню, без лишних бряканьй заварить чашку чаю и снова выйти.

Утренняя свежесть ускользала, сменяясь сухим теплом и медленными колыханиями заново прогревающегося воздуха.

Устроившись на скамье у цветника, я рассеянно разглядывал, как фиолетово-голубые сущения цветущей лаванды теснят красные и пурпурно-синие соцветия вербены.

Тогда я не мог и вообразить, что мы с Лилианой можем расстаться.

Как бы это могло случиться? Зачем?

Да, мне странно было даже подумать об этом.

Мы ещё балансировали на границе, что отделяет состояние всегдашней настороженности от окончательного примирения и пренебрежения условностями: одно свойственно любовным отношениям, другое характерно для супружества.

Легко было вообразить, что в один прекрасный день — или, скорее, одной чудной ночью — мы её окончательно пересечём и окажемся по эту сторону, станем мужем и женой.

В пользу такого развития событий говорило и то, что, хоть в наших ночных по-прежнему было много телесного, но всё больше возникало и чего-то древесного: обоядные прорастания, множественные взаимопереплетения. Мы ветвились друг в друге, словно поднимались, изначально произрастая от одного корня.

Может, так и должно быть, думал я, — сам не зная, о чём думаю и стоит ли вообще думать о подобном.

Неясные мысли о нашем будущем посещали не одного меня. То есть про себя я мог сказать определённо: они меня посещали. Что касается Лилианы, она была щедра на словесные подтверждения: ну да, мол, она вот именно так думает, такие вот у неё в этой связи мысли. Но я знал, что слова её немного стоят; весомее было то, о чём я сам на её счёт догадывался.

Что же до Василия Степановича — как-то я случайно услышал обрывок телефонного разговора. Речь явно шла обо мне, и я на несколько секунд замер — не для того чтобы подслушивать, а просто от неожиданности; когда в следующие несколько секунд Василий Степанович дважды произнес слово «зятёк», я, выпячиваясь

Поэзия

Константин Комаров

Из цикла «Стихи о русских поэтах»

Державин

Не ржавые петли держали
ту дверь, что он вынес с ноги —
подтянут, суров и державен,
раскатистой рифмы снегирь.

Не знали высокие лица
глубинной его высоты,
но смелость ценилась Фелицей,
и он перешёл с ней на ты.

В содружестве с гулкою сутью
он плавил себя, как звезда,
властителям льстивым и судьям
по строгости полной воздав.

Сквозь званское звязанье рюмок
почтив грандиозность руин,
идёт он — большой и угрюмый,
дворянства мудрейший друид,

с мирской рассчитавшийся славой —
на смертный стремительный свист,
чтоб вышел из тени кудрявый
отмеченный им лицейст.

Комаров Константин Маркович — поэт, литературный критик, литературовед. Родился в 1988 году в Свердловске. Окончил Уральский федеральный университет им. Б.Н.Ельцина. Кандидат филологических наук. Автор семи сборников стихов. Финалист премии «Лицеист» (2018, 2021), лауреат «Филатов-феста» (2020) и других. Живёт в г. Липецк.

Жуковский

Чтоб огнь сердечный не потух,
есть в языке родном опора —
схватить германский мрачный дух
морозцем русского фольклора,

невыразимое постичь,
сокрыть элегию в балладе,
и романтизма кинуть клич,
и с царским отроком поладить,

дать обессилевшей душе
звук, что высок, но не напыщен,

доступным сделать для ушей
безмолвье сельского кладбища;

с достоинством себя нести
и музыку вочековечить,
в сквозящий воплощая стих
дыхание туманной речи;

сквозь заросли черновика
нашупать красоты лакуны,
и воспитать ученика,
и проиграть ему, ликуя!

Батюшков

До чёрных недр познавший сплин,
запаянный в страданье пленный,
усталый русский Гельдерлин,
Ахилл лихой страды военной.

Жаль, от безумья нету лат,
 пятно на сердце в мозг пролезет,
и песен итальянский лад
сомнёт душевная болезнь.

Среди рассыпчатых теней
душа на выдох слова просит,

мы кое-что поймём о ней
по опытам в стихах и prose,

чуть приоткроется для нас
та мощь психических вечей,
что на вопрос — который час? —
даёт права ответить — вечность.

Над Вологдой порхает снег,
и птицы белые пернаты,
и мудрый, как Мельхиседек,
Бог ждёт его в свои пенаты...

Баратынский

Чьи бы тут надежды не померкли
перед миром, что наполнен злом,
если кража вшивой табакерки
бытие бросает на излом?

Голос чист, когда в слезах омылся,
и мягка могила, как постель,
прочен стих, налитый скорбной мыслью,
вскрывшей анатомию страстей.

И не страшно до сердца раздетым,
словно в финский ледяной залив,

в сумерки входить перед рассветом,
чернотою зренье опалив.

Ласковая радость, словно Эда,
тлением глухим развращена,
и к словам последнего поэта
зябко подступает тишина.

Высверлить колючими лучами
прорубь света — так ли дар «убог»
подлинного гения печали,
смотанной в бессмертия клубок?

Пушкин

В том, как смеётся он и плачет,
чёрнь не признает своего.
И мал, и мерзок он — иначе,
и всё иначе у него.

Клубится в небе царскосельском
словесной магии туман,
и в отзывающемся сердце
даёт ростки зерно ума.

Движеньем в животворной призме,
как светоносный луч, возник
ведомый чутким протеизмом
воздуховидческий язык.

Вот он идёт дорогой цельной,
блестящей, словно невский лёд.
Вот этот опыт драгоценный
на полке вплавлен в переплёт.

Нырнёшь — выныриваешь бодрый,
счастливый тем, что под рукой
великой росчерки свободы
и воли трепетный покой.

Анненский

Царскосельский директор
в неприметном пальто.
Ускользающий некто.
Одинокий никто.

Он грызёт заусенцы,
строит даль из песка,
колет мягкое сердце
поездная тоска.

И стучит на репите
по мозгам кэк-уок.
Ищет он в Еврипиде
краткой стойкости срок.

Баррикады на Пресне,
на Неве тонкий лёд.
Льются тихие песни
и трилистник цветёт.

И кончается воздух,
хрусткий, как огурец,
но качается в звёздах
кипарисов ларец.

Валентин Аноцкий

Теория вырождения

Рассказы

Не было бы счастья...

Возрастной электрический самокат с первой же поездки пришёлся Размыхляеву по душе. И это несмотря на солидный возраст самого Размыхляева, цепляющий за полу двадцатипятилетие. Когда он мчался по дороге, ему представлялось, что он пересекает невидимые временные линии, а самокат — это краткосрочная портативная машина времени, позволяющая опережать время лишь на минуты. В самом деле, приближаясь к перекрёстку, на котором столкнулись два автомобиля, Размыхляев понимал, что если бы не самокат, то он бы просто не застал этого рядового события — оно бы уже завершилось, а значит, — это и был краткий рывок в будущее.

Он остановился у небольшого неухоженного озера, где желающим передохнуть предлагались две неокрашенные скамейки, стоящие рядом друг с другом в обветшалом одеянии опадающей краски, как стареющая пара, задумчиво взглядающаяся в зеркало воды, как в своё прошлое. Размыхляев сел на одну и тоже задумался, удивляясь, почему две скамейки поставили рядом — можно было их разнести по берегу, и тогда бы получилось два места для уединения. Эта его привычка — размышлять о пустом — выводила из себя его мать, властную женщину, воспитывающую сына в одиночку, поскольку отец не выдержал сурового жизненного экзамена и однажды ушёл и не вернулся — пропал без вести. Вероятно, после этого таинственного и необъяснимого «ушёл и не вернулся» у Размыхляева и появилась привычка часами обдумывать простые и понятные для других вещи, но для него — скрывающие своё происхождение и назначение.

На этот раз, даже на заброшенном озере, поразмышлять ему не дали: за его спиной послышался шум двигателя, хлопнула дверь автомобиля, послышались голоса, женские и мужские в перемешку. Размыхляев недовольно оглянулся. Там остановились два автомобиля, две иномарки. Прибывшие осматривали место, а заодно и самого Размыхляева. В их взглядах ясно читалось, что он здесь лишний. Переглянувшись, незнакомцы принялись вытаскивать из багажников сумки, которые затем перекочевали

Аноцкий Валентин Романович — прозаик. Родился в 1950 году в Горловке Донецкой области. Окончил Иркутский государственный педагогический институт иностранных языков им. Хо Ши Мина. Печатался в журнале «Дальний Восток», автор сборников «Шестая степень защиты», «Гиппократово лицо». Живёт в Санкт-Петербурге.

Предыдущая публикация в «ДН» — 2021, № 9.

к свободной скамейке. По праву первого Размыхляев не сдвинулся с места и продолжал, теперь уже безо всякого размышления, смотреть на воду. Изредка он бросал косые взгляды на шумных соседей. Компания была живописной: две толстые до мешкообразного состояния женщины, пожилая и помоложе, два молодых человека и девушка. Молодые люди, закончив с сумками, вернулись к машинам, с багажника одной из них сняли металлическую конструкцию, которая через несколько секунд превратилась в инвалидную коляску, затем помогли выбраться из кабины старику. Ступня правой ноги отсутствовала. Через минуту старику в коляске оказался рядом с Размыхляевым, и это было похоже на попытку выдавливания постороннего с облюбованного места. В качестве успокоительного женщина постарше принесла две бутылки пива и поставила на скамейку перед стариком и Размыхляевым.

— У моего мужа день рождения, — пояснила она, и Размыхляев с удивлением заметил в её лице черты былой симпатичности — когда же она превратилась в такой бесформенный каток?

— Поздравляю, — он повернулся к старику, пытаясь и в его лице найти черты былого гусарства, но не нашёл, затерявшись в многочисленных морщинах и недельной седой щетине.

— Спасибо. Шестьдесят лет! — гордо ответил старик.

— Сколько? — переспросил Размыхляев, думая, что старику от слабеющей памяти перевернул девятку на шестёрку. Ему показалось, что он сделал привычный скачок во времени в будущее вместе со стариком, а потом Размыхляев успел заскочить в машину времени в последний момент, а дед не успел и вернулся в прошлое пешком, состарившись при этом до девяностолетия, но сохранив память о том, что он — шестидесятилетний.

— Шестьдесят, — упрямо повторил старик, и пояснил: — это была моя жена, а та — в ёлтому — моя дочь. Двое молодых — парень и девушка — друзья дочери.

Размыхляев оглядел компанию и заметил, что не назван ещё один участник веселья.

— А тот, худенький, чёрный, похоже, не здешний?

— Это муж моей дочери. Из Средней Азии.

Старик взял бутылку и ловко открыл её о выступ на своём луноходе.

— Пей! — предложил он.

Компания разогрелась очень быстро, чему способствовала музыка. Они вообще перестали замечать Размыхляева, приключив его к своему обществу как ненужный, но не подвластный их воле предмет, например, как куст какой-нибудь колючки из красной книги посреди цветника — и мешает, и не уберёшь. Черноволосый зять взялся за привычное дело — разводить угли для шашлыка — и, собирая ветки, в какой-то момент оказался вблизи Размыхляева.

— Это правда твоя жена? — уточнил Размыхляев, кивнув на жёлтый куль, пытающийся изобразить танец. Такое сочетание форм и цветов кожи для одной семьи показалось ему невероятным.

— Да, — кратко ответил азиат и продолжил поиски топлива для мангала.

— Паспорт российский, наверное, получил?

— Нет.

— А для чего тогда женился на русской? — удивился Размыхляев.

— А для чего женятся? — невинно поинтересовался непонятливый муж.

— Ты хочешь сказать... — Размыхляев не мог выговорить слово, обычно применяемое при слиянии двух сердец, заканчивающихся браком.

Но азиат быстро покинул неудобную для него дискуссионную площадку, и Размыхляеву пришлось додумать про себя причину этого странного брака — «по любви!» Но это было невозможным! Также невозможно было поверить в искренность

происходящего, когда две тушки по очереди подплывали к девяностошестидесятилетнему старику и мусолили ему щёки.

— Ты мой мусечка!

— Ты мой папулечка!

Он представил, как худенький азиат забирается на одну из этих туш, а потом в изнеможении соскальзывает с неё на мокрую от пота простыню, и почувствовал отвращение ко всему человеческому.

— Похоже, у вас счастливая семья? — Размыхляев устал от своих наблюдений и поднялся, снимая самокат со стоячного рычага.

— Да, это верно — именно счастливая! — подтвердил молодой стариk, вливая напиток в то, что обычно называют телом.

Размыхляев летел над гладью асфальта, кратко успевая поглядывать по сторонам, но всё больше чувствуя разбухающее недовольство, непонимание и несогласие. Когда эти чувства достигли критической массы, он остановился у обочины, за которой начинался лесной участок.

— Ну не может этого быть! — воскликнул он. — Ну какое может быть счастье? Не верю!

— Почему не веришь? — послышался из кустов хриплый голос. — Я в самом деле был начальником участка. Сорок восемь человек. Тебе что, удостоверение показать?

Размыхляев разглядел в кустах мужика, раскинувшего на траве закуску и бутылку водки. Лица его не было видно. Он приглашающе махнул рукой, задев при этом ветку, и получилось, будто ветка тоже пригласила Размыхляева.

— Присаживайся, брат. Немножко осталось ещё...

Но Размыхляев не видел смысла беседовать с человеком, который максимально погрузился в прошлое без всяких специальных устройств и даже сохранил потерявшее силу удостоверение о том, что он когда-то был начальником неведомого участка. Размыхляев вскочил на свой ковёр-самокат и помчался в сторону дома.

А дома на удивлённый взгляд матери поспешил объяснить:

— Мужику одному помог яму выкопать под погреб, он расплатился подержанным самокатом — денег у него не оказалось. Я бы сам никогда не купил.

— А у тебя мозгов не оказалось? Балбес! Что я приготовлю на обед из твоего самохода?

— Ну, иногда бывает, что у человека денег нет.

— Этот человек — ты! Тебе хоть что скажи, ты и поверишь. Олух!

Привыкший к такого рода материнской критике, Размыхляев поставил самокат на балкон и сел к столу. Стол ломился от двух тарелок — материнской и его.

— Представляешь, — примирительно сказал он, — остановился на озере, а там подъехала встречать день рождения старика весёлая компания. Старику на вид девяносто, а на самом деле — шестьдесят. Мать и дочь — два баобаба разного возраста, муж дочери — то ли узбек, то ли таджик, худой, маленький. Но самое интересное, что все выглядят как самое счастливое семейство на свете.

— Ну и что?

— Как что! Разве можно в таком состоянии, при таких формах быть счастливыми?

— А что мешает? — упорствовала мать. — Что мешает крокодилу быть счастливым? Его формы?

Размыхляев затух и больше не пытался спорить, оставшись при своём. Он молча принялся за обед, не вникая, что он ест и в каком количестве, но в какой-то момент решил уточнить возникшую новую мысль.

— А ты была в своей жизни счастлива?

Спросив это, он отвёл глаза в сторону, как бы застеснявшись своего любопытства, и тут же получил удар по лбу тяжёлой мельхиоровой ложкой.

— Счастлива! — гневно закричала мать. — С твоим отцом — пьянью подзaborной или с тобой — охламоном-переростком? Учиться не хотел, работаешь где попало, ни семьи, ни своего жилья, самокат на третьем десятке наработал! Герой!

Размыхляев вырвался из-за стола, роняя за собой стул, а заодно и тарелку с недоеденными деликатесами.

У дверей он приостановился и возмущённо и, по его мнению, справедливо воскликнул:

— А не от твоей ли дикой свирепости запил отец?

Пока ёщё гибкий талией, он легко увернулся от брошенной в него вилки и выскочил за дверь, пожалев, что самокат теперь оказался в заложниках.

К неразрешимой загадке под названием «счастье» добавилось раздражение от непредсказуемого поведения матери. Вспышки были и раньше, но ограничивались гневными криками и угрожающими замахами, а дошло — он потрогал созревающую шишку на лбу — до рукоприкладства.

В микроскверике между домами он нашёл свободную скамейку и сел, раздумывая, как быть? Мать, конечно, отайдёт, успокоится, но всё зашло слишком далеко. Сплошная нелепость — их семья, его жизнь...

Одомашненные берёзы встревоженно зашелестели зелёной мишурой. Всякого они наслушались возле этой скамейки. Вот, ёщё один.

— Не помешаю? — услышал он вежливый мужской голос.

Рядом стоял ухоженный, в приличном светлом костюме старик, интеллигентная седая бородка и внимательный взгляд серых глаз располагали к соседству.

— Нет, скамейка для всех, — великодушно разрешил Размыхляев и даже подвинулся, хотя в этом не было нужды.

Старик с облегчением присел, и от него пахнуло древним одеколоном, запах которого помнился Размыхляеву ёщё с тех пор, когда у него был отец. Именно такой запах исходил от него в тот последний день, заманивший его в молчаливую компанию «без вести пропавших».

— Что с ценами делается! — удручённо сказал старик, то ли приглашая к беседе, то ли просто привычно удивляясь тому, чему удивляться уже не имело смысла. — Счастливое было время! — неожиданно добавил он, и Размыхляев напрягся, искоса взглянув на собеседника.

— Если само время было счастливое, — не выдержал он, — то должны быть счастливы и те, кто жил в нём. Но могут ли быть счастливыми все?

— Очень логичное замечание, — согласно кивнул старик. — Счастливое время — это как тёплая вода: его замечаешь, когда из неё попадаешь в ледяную. Ты вот, например, сразу родился в ледяной воде и не знаешь, что такое счастливое время. Как и другие молодые.

— А по-моему, счастье — это прыжок в будущее, — радуясь, что появилась возможность порассуждать на тревожащую его воображение тему, заявил Размыхляев. — Прыгнул, порадовался, согрелся в тёплой воде, и вернулся в серые будни.

— Не за эти ли размышления ты сегодня получил в лоб? — поинтересовался старик и протянул руку. — Ефим Гордеевич.

— Пётр... Действительно, получил от матери за вопрос: была ли она счастлива?

— Ответ на лице, — вздохнул старик. — И какие планы на счастливое будущее?

— Да есть у меня приятель, пока у него перекантуюсь. А потом... Может, уеду куда.

Старик задумался, несколько раз бросил оценивающие взгляды на соседа и сказал:

— Похоже, мой юный друг, не успел ты собрать необходимый для твоего возраста багаж. Профессии нет, образования тоже. Почему не учился?

— Скучно было. Хотелось сразу получить ответы на все вопросы.

— Нет ничего скучнее получить ответы на все вопросы сразу! — воскликнул старик. — Нужно стремиться «найти», а не «получить». Если ты получаешь готовый ответ, тебя могут с ним обмануть, а если ты сам найдёшь ответ, обмануть тебя невозможно.

Чувствовалось, что он по неизвестной Размыхляеву причине разгорячился.

— Николай Лосский писал: в душе каждого человека пылает фаустовская жажда бесконечной широты жизни. А бесконечную широту жизни и даёт знание!

Размыхляев с опаской взглянул на старика.

— А вы кто?

— Это неважно для случайной встречи. Но она может оказаться для тебя полезной. Я могу предложить тебе работу. Не очень интеллигентную, но, как сказать, многие яркие умы прошли через это занятие.

— Выкопать траншею?

— Нет, попроше. Сторожем ко мне на дачу. Я, к сожалению, по состоянию здоровья уже не могу там жить постоянно, а хозяйство требует надзора. Сын всё время в морях, а внучка ещё мала для управления хозяйством. А жить там можно: вода, электричество, небольшая сторожка с печкой.

— Сторожем я могу, — обрадовался Размыхляев. — Могу дремать, как собака. Вставать в любое время суток.

— Да, можно спать, район там спокойный. Есть только одно препятствие, которое не все переносят.

— Свалка рядом?

— Нет, Боже упаси! Рядом проходит железная дорога, не все могут привыкнуть.

— А зачем такую покупали?

— Я не покупал, покупали мои родители. Но когда её строили, там был только лес. А потом возникла железная дорога. Кто знает, может, потом и космодром построят. Но мне он уже помешать не сможет, — старик потёр грудь в области сердца.

— Думаю, привыкну, — осторожно, чтобы не выглядеть слишком навязчивым и не спугнуть удачу сказал Размыхляев. — Я всё равно сплю с мыслями, а днём как во сне. Таким уродился. А почитать у вас там есть что-нибудь?

— Полн! Правда, больше устаревшее.

— Книга устареть не может, — уверенno заявил Размыхляев. — Устареть может только обложка.

— Мне нравится ход твоих мыслей, — удовлетворённо сказал старик. — Сейчас напишу адрес и как добраться. Это недалеко. Учитывая непредвиденные обстоятельства, ты можешь ехать прямо сейчас, ключи от калитки и сторожки я всегда ношу с собой. На первый случай прихвати с собой еды.

Размыхляев опустил голову, и это заметил старик.

— Что случилось?

— Еды взять негде, мать не даст.

Старик достал старинный кожаный портмоне и пошевелил в нём пальцами.

— Будем считать авансом.

Он ушёл медленно и осторожно, словно нёс незакрытую банку с молоком, а Размыхляев вдруг с теплотой подумал о матери: если бы не заехала ему в лоб, не было бы встречи со стариком. Не было бы сторожки с печкой. И с ещё большей теплотой подумал о старике: вот бы жить с таким рядом. Размышлять каждый вечер...

Олег Зоберн

Бесермяне

Повесть о малом народе

Среди нашихъ инородцевъ есть еще немало такихъ, о которыхъ мы имѣемъ крайне скучныя сѣденія, если не сказать болѣе. Къ числу такихъ инородцевъ относятся бесермяне, составляющіе небольшой остатокъ одной какою-то загадочной народности, заброшенной въ сѣверо-восточную часть Россіи.

Д.П. Никольский. «Этнографическая замѣтки», апрель 1885 г.

1

Прилетел в Ижевск. Купил по объявлению подержанный мотоцикл «Иж» за пятнадцать тысяч рублей, чтобы добраться на нём до бесермянских деревень, которые хотел увидеть. Мотоцикл был красного цвета, сильно дымил, но ехал уверенно. На бензобаке — наклейка с эмблемой местного футбольного клуба, навсегда застрявшего во втором дивизионе. Начало августа. Жара.

В полях Удмуртии как раз поспела дикая сладкая мелкая клубничка, которой нигде больше не сыщешь. Это основа основ. Бесермяне гонят из неё самогон, варят варенье, пекут с ней пироги, замораживают в ледяных кладовых на весь год. Орнамент национальной одежды бесермянок похож на клубничный куст. С помощью дикой клубники бесермяне лечатся и задабривают бога. Даже приданое у бесермян исчисляется по старинке в пудах мороженой ягоды.

По традиции вместе с приданым мужчина получает право выпороть свою жену розгами, скрутив ей руки за спиной толстой льняной верёвкой. Бесермянка принимает порку с благодарностью и удовольствием. Это происходит во время первой брачной ночи. Затем порка продолжается всю жизнь. Бесермянские розги делаются из ветвей молодой рябины.

Гонят самогон бесермяне в особых избушках, рубленных «в чашу». Они похожи на обычные жилые постройки, только раза в три меньше и с одним оконцем, обращённым на запад.

Зоберн Олег Владимирович — российский писатель и издатель. Родился в 1980 году в Москве. Окончил Литературный институт им. А.М. Горького. Имеет богословское образование. Лауреат ряда литературных премии, в т.ч. «Дебют» (2004), «НОС» (2016; под псевдонимом Борис Лего). Рассказы печатались в журналах «Новый мир», «Октябрь», «Знамя» и др. Автор сборников рассказов и романа «Автобиография Иисуса Христа» (2018).

Предыдущая публикация в «ДН» — 2006, № 11.

Согласно поверью, в каждой самогонной избушке под полом живёт губечкузё¹ — маленький мужик, который следит за состоянием самогонного аппарата. Раз в неделю ночью он осматривает аппарат: подкручивает винтики, следит за герметичностью соединений и проверяет, не пережата ли где трубка.

Когда бесермяне строят самогонную избушку, обязательно выпиливают в стене, на высоте трёх пальцев от пола, круглое отверстие такого размера, чтобы в него могла пролезть кошка. Губечкузё будет приходить из подполья через эту дыру. Бесермяне говорят: «Куда кошка пролезет, туда и губечкузё протиснется».

Дыру в полу нельзя закрывать. Если бесермянин неожиданно взял молоток, гвозди, доски, пошёл и заколотил дыру в самогонной избушке, считается, что он сошёл с ума.

Бесермяне задабривают губечкузё вкусной едой. Салом, колбаской. Пекут для них крошечные перепечи² размером с рублёвую монету. Особенно любят губечкузё перепечи с лесными грибами. Раз в неделю на полу избушки расстилается скатерть, кладётся угощение и оставляется на ночь. Наливают для них и самогон в рюмочки. Губечкузё ходят друг к другу в гости и пирут. Говорят, если в поздний час тихо подойти к самогонной избушке и приложить ухо к двери, можно услышать, как подвыпившие губечкузё поют песни тонкими голосами. Самые популярные песни у губечкузё, как и у бесермян, — про любовь и про разлуку.

Самогонные избушки стоят веками. Бесермяне строят их из сосны, лиственницы и дуба. Когда избушка обветшает и покосится настолько, что вот-вот рухнет, её сжигают. Перед этим бережно выносят самогонный аппарат и всю утварь. Губечкузё перестают кормить за месяц до сожжения избушки, и он уходит. Жгут избушку ночью, собравшись возле неё всей деревней. Обливают углы керосином, бросают горящую спичку. Называется этот ритуал у бесермян «проводы избушки». Оплакивая, водят вокруг неё хоровод. Каждый должен сказать несколько добрых слов вслед догорающей избушке. Тут же при свете фонарей пьют в память о ней семидесятиградусный самогон из чёрной бузины.

2

Когда в начале августа дикая клубника отходит, бесермяне начинают гнать самогон из малины, черники и смородины.

В конце сентября, когда собрана последняя клюква по болотам, бесермяне отмечают день пустого лукошка, после которого дни становятся ещё короче, а самогон целую неделю гонят впрок из ржаных сухарей, чтобы зима была хлебной.

«Зима» у бесермян — бранное слово и по смыслу близко старым русским словам «лихо» и «жуть».

Новый год бесермяне не празднуют, с недоверием относятся к культу Деда Мороза, а новогоднее выступление президента для них пустой звук.

Днём первого января, когда вся страна гуляет, в заснеженных бесермянских деревнях тихо — бесермяне спят. Спали они и предыдущей ночью. Ворота и двери заперты, собаки отвязаны, потрескивают угли в печи. Бесермяне вообще любят хорошенъко спать, и в этом секрет их невозмутимости, а первого января бесермяне спят особо — вопреки невзгодам жизни.

Второго января, когда всю остальную Россию мутит с похмелья, трезвые и выспавшиеся бесермянские мужчины выходят из своих уютных и чистых избушек, чтобы заготовить свежие рябиновые розги на весь год.

¹ Дух подполья (*бесерм.*).

² Перепеч — распространённое в Удмуртии блюдо в виде корзинки из теста с начинкой.

Розги они связывают в пучки и вешают в амбары сушиться. Амбары у бесермян двухэтажные, на первом этаже сундуки с продуктами запасами и летние кровати, а на втором — сушатся розги, висят пучки пижмы, душицы и лекарственной ромашки, хранится одежда.

Когда на закате дня заготовка розг окончена, бесермянин возвращается в жилую избушку, выпивает рюмку клубничного самогона, ничем не закусывая, и ложится в кровать к жене, которая ждёт его, голая и горячая, под лоскутным одеялом. Подывает ветер в трубе, стрекочет за печкой «чилик иванович»¹.

Третьего января бесермяне снова спят весь день, просыпаются в глубоких сумерках и садятся пить чай. Пьют долго, несколько часов подряд, закусывают конфетами и слушают, как за окном гуляет метель на просторах Предуралья, а в простенках шебуршатся мыши.

Четвёртого января у бесермян музыкальный день. Мужчины достают свои волынки и флейты, играют на них и поют. Волынки делаются из телячьей кожи, а флейты — из кожи молодого лося.

Пятого января бесермяне чистят и промывают самогонные аппараты, ставят зреть новую брагу и начинают гнать самогон из браги, оставшейся с прошлого года. В печках самогонных избушек по всей Удмуртии одновременно разводят огонь, из труб устремляется в холодное небо весёлый дымок.

Седьмого января с раннего утра бесермяне начинают торговать самогоном.

Январь и февраль — самые жаркие месяцы самогонной торговли, в это время значительно пополняется бесермянская касса.

Но деньги для бесермян дело второстепенное. Главное для них — стремление к совершенству. Символ этого процесса — национальный самогонный аппарат. С его помощью происходит «перегонка духа» — когда мутная брага жизни превращается в прозрачный напиток, который умиряет ум и веселит сердце.

Старинные самогонные аппараты у бесермян передаются по наследству, большинство из них сделаны на ижевском заводе в первой половине девятнадцатого века.

В последнюю субботу февраля бесермяне заняты рукоделием: вырезают из мягких пород дерева игрушки, которые бывают двух видов: детские, для игр, и срамные, для удовольствия. Каждая игрушка уникальна: сочетание узора и формы никогда не повторяется. «В каждой избушке свои игрушки», — говорят бесермяне.

3

Всю зиму бесермяне ждут весенний праздник Порки на вешних водах, который приходится на первое воскресенье апреля. Рябиновые розги для этой самой главной в году порки предварительно замачиваются в деревянном долблённом корыте, наполненном талой водой, которая имеет особую животворящую силу.

Годится для этого только вода из чистого лесного ручья, который выше по течению ни в коем случае не должен быть перегорожен плотиной, потому что, согласно поверью, это делает воду мёртвой. Отсюда неприязнь бесермян к бобрам и бобровому меху. «Не наживёшь добра, коль кафтан из бобра», — гласит бесермянская пословица, а самый неудачливый персонаж бесермянского фольклора — это похотливый мужичок по имени Мудякузе, герой сказки «Дурень в бобровой шкуре», чем-то похожий на русского Ивана-дурака.

Порка на вешних водах устраивается в священной берёзовой роще, строго до полудня и на голодный желудок, после чего прямо в лесу накрываются столы

¹ Сверчок (бесерм.).

с угощениями, звучат волынки и флейты, самогон льётся рекой. Празднуют до позднего вечера. Именно в ночь после этого долгого застолья бесермяне зачинают детей, и помогает им в этом дух плодородия и вешней воды Вукузё, сила которого переходит в бесермянских женщин из талых вод через мочёные розги.

В лесах Удмуртии миллионы троп, но только бесермяне знают, какие ведут к рощам для порки.

Третьего мая бесермянские женщины собираются после полудня в заброшенном доме и делают вид, что живут в нём. Подметают пол, занимаются рукодельем. Закусывают, пьют сладкие настойки. Это день уважения к тем, кого бесермянские женщины когда-то любили, но перестали любить и давно не видели. Из дома надо успеть выйти до того, как зайдёт солнце, иначе быть беде.

Восьмого июня — единственный день в году, когда бесермянин имеет право выпороть жену соседа или какую-нибудь другую постороннюю женщину. В этот день по традиции готовится много простой и сытной еды и жители деревни обязаны сообща приготовить особое блюдо — огромный перепеч с бычьей кровью. В диаметре он полтора метра и называется «Глаз Инмара». Бесермяне говорят в этот день: «Инмар всё видит, от него подлавкой не спрячешься»; а ещё говорят: «Инмар не комар, газетой не отмахнёшься». Перепеч этот едят всей деревней, а крошки с большого деревянного блюда отдают склёвывать птицам. Инмар — главный бог бесермян. Он терпелив, закрывает глаза на многие пороки и слабости, однако не любит вранья, сплетен, скандалов, беспактности и всякого рода преувеличений.

Девятого июля — день бесермянского мороженого. Делают его из жирного козьего молока и свежих ягод. Бесермяне говорят, что мороженое это остужает сердце и проясняет ум.

4

Город Ижевск бесермяне своей столицей не считают и любить его не хотят.

Не будем лукавить и мы: город Ижевск похож на бомжа, которого нарядили в кафтан перед приездом начальства, а оно так и не приехало.

Впрочем, бесермяне охотно селятся на окраинах Ижевска, в частном секторе, там, где народу много, но город напоминает большую деревню и можно найти правильное место, чтобы построить самогонную избушку и торговать самогоном в хороших объёмах.

В Ижевске, на берегу реки Иж, ниже плотины, сохранилась бесермянская самогонная избушка, которой больше пятисот лет. Построена она была из морёного дуба в то время, когда Русью здесь и не пахло. Самогон в ней, конечно, давно не гонят. Показывают туристам.

В конце девятнадцатого века эта избушка от времени почти целиком вросла в землю, но бесермяне бережно откопали её и поставили повыше на сухом месте, продуваемом ветерком. Древние чёрные брёвна обработали консервирующим составом на основе керосина и яичного белка. Событие вошло в бесермянскую летопись. Других столь же древних достопримечательностей в Ижевске нет. По свидетельству археологов, культурный слой здесь формируется исключительно за счёт кладбищ со средней скоростью один метр в сто лет.

Бесермянские старики говорят, что если бесермянин решил выбиться в большие люди, стать здесь каким-нибудь начальником, то навлечёт этим гнев Инмара на весь народ. Поэтому бесермяне с незапамятных времён держатся в тени, с краю, в сторонке от общественной жизни, от попов и депутатов, попивають свой клубничный самогон и, как сообщает летописец, не ищут ни чинов, ни славы, ни государственной милости.

Впрочем, однажды бесермяне решили напомнить о себе и отправили в Москву товарищу Сталину подарок от всего бесермянского народа. Это была волынка, наполненная, как бурдюк, клубничным самогоном. Но по пути волынка порвалась где-то под Чебоксарами, а фельдъегерь, который её вёз, был арестован.

5

Время идёт, совершенствуется Уголовный кодекс, тени предков всё реже встают из братских могил, тропинки к старым священным рощам бесермян зарастают и теряются, но молодые бесермяне находят другие места для ритуальной порки, а взамен покосившихся самогонных избушек появляются новые, и пахнет в них свежей стружкой и смолой. Неизменным остаётся только рецепт клубничного самогона.

Бесермяне беззлобны. Сдержаные и мягкие, они мало грустят о прошлом, видят во всём волю Инмара, и каждый день у них начинается с чистого листа. От природы они наделены бурной фантазией, однако поводов для волнений не ищут, полагая, что, раз уж все мы живём в придуманном мире, воображать надо что-то приятное. Например, как летает жарким летним днём по бесермянской деревне посланница божья — зородка-лободка¹ — и выбирает, к кому на голову сесть. Тот, кого она выберет, разбогатеет до неприличия, и все станут его любить в несколько раз сильнее.

Бесермяне считают, что любовь — это настолько осозаемая штука, что её можно потрогать. Было бы желание.

Список больших и малых удовольствий, доступных бесермянам, дополняется с каждым годом.

Бесермяне знают в них толк.

Может быть, России пора услышать мудрый голос бесермянского народа, чтобы, наконец, прийти в себя?

Этот вопрос я задал деду Кузьме — бесермянину-долгожителю. Живёт он один в лесной избушке на крутом берегу речки Самогоновки. В прежние времена здесь, в тридцати верстах от Ижевска, находился духовный центр Бесермянии: в сосновом бору под тёсаной крышей стоял самый большой в мире идол Инмара, покрытый золотом, рядом была многолюдная бесермянская деревня. За свои сто три года жизни Кузьма Васильевич Хухарь ни разу не покидал родной край и только однажды был в Ижевске, сходив туда пешком. Люди считают его мудрецом, обращаются за советами. Хоть старец никуда и не выбирается, но любит слушать радио, а по праздникам даже смотрит телевизор — большой советский ящик с выпуклым экраном. Сверху на нём постелено домотканое полотенце и стоит стеклянная ваза с конфетами, баракками и зефиrom в шоколаде.

Дед Кузьма принял меня доброжелательно. Сели за стол у него в избушке. Пили чай, заваренный раз в десять крепче обычного, и заедали каждый глоток ложечкой клубничного варенья, чтобы не так горько было. На мой вопрос дед Кузьма ответил так:

— Вот я чай хорошо заварил, да? И варенья у нас предостаточно. А если бы чай нам с тобой заваривало государство? Не чай бы это был, а бурда. И вместо варенья — шиш. Так потом ещё и не расплатишься. Так что ты там у себя в Москве напиши, что бесермян не существует, чтобы никто к нам не лез.

Некоторое время старец сидел молча и перебирал чётки, затем добавил:

— Да, нету теперь прежних бесермян, но есть Бесермяния, доступная каждому.

¹ Божья коровка (*бесерм.*).

Мария Затонская

Когда с самим собой совпал предмет

* * *

не спрашивай что станет наконец
когда так тесно что души не сдвинуть
и колченогий вязнет табурет
в преступной бытности неумолимой
когда с самим собой совпал предмет
затихло холодильника урчанье
но отчего-то это не молчанье
а свет

* * *

вороны сидят выемками в снегу
снег засыпающий на бегу
люки расставлены как ловушки
с балкона верной моей однушки
в пространстве похожем на зимний сплошной сквозняк
дует в трещины рамы —
заклеиваешь — никак
а ещё тепловоза длинный тугой гудок
будущего развеивающийся холодок

* * *

как мне это удержать
завтра выпорхнешь наружу
сквознячок такой безбожный
будто прошлого не стало
будто прошлого не будет
и забыв что не бессмертный
скрип заброшенных качелей
на окраине посёлка
кто качается без тела
светом снегом переполнен

Затонская Мария Романовна родилась в 1991 году в городе Сарове. Окончила Государственный институт русского языка им. А.С.Пушкина в Москве. Автор двух книг стихов «Дом с птицами» (М., 2020) и «Миниатюры» (М., 2021). Победительница Национальной премии «Русские рифмы» (2019) и международной литературной премии им. Иннокентия Анненского (2021). Участница итоговой «Мастерской» АСПИР в Москве (2022). Живёт в г. Сарове.

В журнале «Дружба народов» публикуется впервые.

* * *

проводы по которым пробирается снег
от этого дома к тому
блестят как будто летел самолёт
прямо здесь, над какой-то там улицей в нашей глухи,
в остальном — ни души
идёшь сквозь крылатый иней, автомобильный пар
на собственный воздух ступаешь, как будто украл

* * *

я была здесь за деревом пряталась что ли
и курила первую за второй
и в обратном порядке росли растения
а ещё куда-то сходились дали
в тонкую точку в конце прямой
и лечили стволы выходящие бензопилы
мужики сворачивали провода
потом я встретила полюбила
а дальше не вспомнила никогда

* * *

по площади на белорусском вокзале
мимо светящихся шпилей
со мной шла рядом любовь с пустыми древнегреческими глазами
не отражая ни сада ни поезда ни движенья
бессмертное изваянье кем же ты было
гулом пронзительным а остальное забыла

* * *

Не уходи — забор с нехорошим словом
голуби потерявшиеся в саду
это не я в очереди в продуктовом
в старых ботинках у всех на виду
что они видят: шарфик из крепдешина
из прошлой эпохи из города этого не,
пса за окном сидящего гордо и длинно
тень перил улицы по длине
скоро и снег пойдёт, и пейзаж размоет
свет этот дальний пухнет из глубины
и наступает большое такое море
которое переживём и мы

Проза

Мария Давыденко

В позе ребёнка

Рассказы

Караватка

Эти облака не были похожи на сахарную вату. Они не напоминали ни фигурки животных из шариков-колбасок, ни детские каракули белой краской на голубом фоне, ни светлый вариант рисунков Роршаха, ни горы перьев, ни тонны овечьей шерсти, ни перину в доме бабушки. Эти облака были чем-то действительно эфемерным, воплощающим чистоту, благородство, безгрешность. Они были мягких оттенков всех цветов радуги. Они растворялись подобно сливочному маслу, и их словно можно было почувствовать на вкус.

Вадик сидел в своей китайской малолитражке и думал, что наблюдает за чудом. Никогда в жизни он не видел облаков красивее, а он много где побывал. Это были облака «пять звёзд», vip-зона атмосферных образований.

На бесконечной тропе среди лугов и коров появился человек. Он опирался на две палки.

Какой молодец старичок! Занимается скандинавской ходьбой.

Потом Вадик заметил, что в руках у старика обычные деревяшки. На голове у него была повязана белая тряпка. Это знамение. Я на верном пути. Это дух моего истинного пути.

— Сынок, ты пугаешь коров своей тарахтелкой!

Вадик вернулся в окружающую его реальность, спустился с ангельских облаков на дешманскую землю.

— Слыши, отец, а как добраться до Караватки?

— Так это ещё километров пять. Проедешь мимо церкви, кладбища, домов.

— Спасибо. Понял, отец.

Вадик сложил руки за спиной в позу коровы — гомухасаны. Затем он поднял ноги на сиденье, чтобы размять их. Старик посмотрел на него с недоумением.

— Тебе плохо, сынок?

— Мне хорошо. Впервые за долгое время.

Давыденко Мария Юрьевна — участница проекта АСПИР «Мастерские»—2022. Родилась в 1988 году в городе Калач-на-Дону Волгоградской области. Окончила Волгоградский Государственный университет по специальности журналистика. Работала в газете городского поселения «Калач-на-Дону». Печаталась в журнале «Новый мир».

В «Дружбе народов» публикуется впервые.

Он завёл машину и двинулся дальше. Всё вокруг казалось ему первозданным и незатронутым цивилизацией. Он решил, что именно здесь проведёт своё лето отрешения от действительности. Здесь он отдохнёт от несовершенства мира и информационного потока. Вадиксшта нашёл пристанище. Он возжелал ум, лишённый желаний в отношении объектов.

Белокаменная дорога напоминала дорогу к морю, а не к берегу Дона. Он увидел россыпь покинутых глиняных домов. Его удивило, что все они располагались в некотором отдалении друг от друга, словно проживающие там люди были интровертами и предпочитали избегать соседей. Вадик остановился у первого попавшегося дома с деревянной крышей. Внутри он даже нашёл печь и алюминиевые утюги, но окна были или выбиты, или растасканы. Вадик бросил сумку на пол и пошёл к реке.

Он быстро разделся и с разбегу прыгнул в воду. В мае река была ещё достаточно прохладной. Проплыл метров двадцать и развернулся. Увидел, что течение далеко унесло его от одежды. Беспокойный Дон показал ему свой характер.

— Твою ж мать!

Вернулся к машине он только через полчаса. Вадик в мокрых шортах сел на одинокую табуретку посреди землянки и изобразил из себя «Мыслителя» Родена. Шелест полиэтиленовых пакетов нарушил тишину. Из соседней комнаты раздался громкий кашель, а затем появился мужик в панаме с улыбающимися баклажанами.

— Ты кто? — ошеломлённо изрёк он.

— Турист. Вадик. А ты?

— Местный. Петрович. Прячусь от жены. Хочешь выпить?

— Я вообще-то не пью, но ради знакомства с местными обычаями можно.

Мужик неопределённого возраста поставил перед ним большую бутыль с деревянной пробкой и две кружки с героями мультика «Маша и медведь». Они молча выпили.

— Отличная самогонка. Митя её почти задаром отдал после того, как его брат насмерть траванулся.

Вадик закашлял то ли от слов о качестве выпивки, то ли от крепости напитка. Петрович похлопал его по спине могучей рукой.

— Не ссы! Его брат богатый был, а за нормальной бутылкой водки Митя не послал, вот от жадности и загнулся. А так чистый продукт. Чистых душой не забирает.

Вадику казалось, что он больше никогда не сможет дышать. Жидкость ошпарила все внутренности. Он вспомнил про дыхание уджайи: в любой непонятной ситуации — дыхание уджайи. И это сработало — он выжил.

— Так ты откуда будешь, Вадик?

— Из Москвы. Путешествую. Решил здесь остаться до осени. Колоритно тут у вас.

— У тебя есть варианты, а ты решил остановиться здесь? Дурак, что сказать! Жена, дети есть?

— Жена и маленький ребёнок. Они в Турции. Ей сейчас оттуда проще вести мой ютуб-канал.

— Блогер, что ли?

— Типа того. Йог и духовный наставник.

— И жену одну в Турции оставил? Дурак, что сказать!

— Да ребёнку меньше года. Не до аниматоров жене моей.

— Турецкие аниматоры они такие: и твоего ребёнка спать уложат, и твою жену.

— Прекрати нагнетать!

— Так я правду тебе говорю.

— Во время социальных экспериментов над собой не хотел бы я подобного слышать.

— Как знаешь, брат, — успокоился Петрович.

— А ты чем занимаешься?

— Чаще всего пью, а так поэт и разнорабочий.

— Прочитай что-нибудь из своего, раз такая пьянка!

— Доля ж, доля ты моя,
Ты лихая доля!
Уж себя сломил бы я,
Кабы только воля!
И от зари готов с тобой
Вести беседу эту я...
Говори лишь мне, допой
Ты песнь недопетую!

— Браво! Твои?

— Аполлон Григорьев.

— Он местный? — наивно спросил Вадик.

— Дурында, — московский. Девятнадцатого века.

— Я больше по йога-сутрам.

— Я просто учился на библиотекаря, вот много книжек и прочёл.

— Ты учился на библиотекаря, Петрович?! Там же одни бабы!

— Вот поэтому я там и учился. Я был самым популярным парнем на курсе. В смысле, единственным. Ещё хотел на работе сидеть в тишине и читать книжки. Но там пить нельзя.

— Вот засада! Везде свои подводные камни.

— И не говори!

Из соседней комнаты появилась женщина в красном платье с пайетками. Она демонстративно зевнула, прикрыв губы в красной помаде рукой. Вадик заметил, что зубы у неё тоже стали алыми.

— Это Светка. Фельдшер. С ней полезно пить. Она несколько раз мне жизнь спасла. Светка, это Вадиксша, йог-путешественник.

— А мест получше он не нашёл? — недовольно произнесла Светка.

— Он ищет отрешения от всего мирского.

— Это в монастырь ему надо.

— Он, можно сказать, буддист.

— А у вас там больше никого в подполье нет? А то, может, там весь хутор собрался? — осведомился Вадик.

— Нет, брат, только мы.

Вадик проснулся с ощущением лёгкой амнезии: часов пять вылетели из его головы напрочь. Ещё ему казалось, будто во рту насрали стрижки — настолько мерзкий вкус он чувствовал. Вадик лежал на лавке во дворе, укутавшись в плед. Он вспомнил, что именно здесь ловит Интернет. Его смартфон подал признаки жизни. Оксана звонила по видеосвязи.

— Привет, любовь моя! — хриплым голосом произнёс Вадик.

— Боже мой!

— Всего лишь твой Вадиксша.

— Что с твоим лицом?

Анна Шипилова

Второе пришествие

Рассказы

Отче наш

Для Егора праздник пахнет шпротами. Мама вскрывает консервную банку, ставит её на стол рядом с дымящейся картошкой, и мальчик сглатывает: он представляет, как прижимает сочашуюся маслом рыбку к небу, как колются её жёсткие плавники и как он раскусывает «сахарные косточки». Мама включает звук телевизора, щёлкнув реле. Человека, который вместо обещанного «дедушки Бори» сидит за столом, сложив руки на зелёном сукне, Егор никогда раньше не видел. Он говорит про какую-то конституцию, выборы, а потом поздравляет всех с Новым годом. Присев на край табуретки, мама напряжённо смотрит на него, зажав в руках мокрое полотенце, — на её единственной выходной юбке расплывается пятно. Егор решается спросить о том, о чём давно собирался:

— Мам, а где мой папа?

Она, не отрываясь от телевизора, отвечает:

— А вот твой папа, он на работе в Москве, видишь, в Кремле.

Наевшись картошки, Егор засыпает на мамином диване с выпирающими пружинами: из своей детской кровати он вырос. На следующее утро похмельный и мрачный сосед распиливает кровать, расставляет и прибивает новые доски. Егор внимательно следит и подаёт ему то гвозди, то рулетку. Засовывая в карман выданную мамой бутылку, сосед говорит:

— Такой пацан растёт, ему бы батю.

— А у меня есть, — гордо отвечает мальчик. — Он в Москве работает. С Новым годом вчера всех поздравлял.

Мама прячет глаза и выпроваживает соседа, закрывая за ним дверь комнаты.

— Никому не говори больше, это будет наш секрет, — говорит она. И вполголоса добавляет: — И не надо нам другого папу.

На зимних каникулах во втором классе Егор целыми днями дома, пока мама на работе: разгоняется на велосипеде по коридору коммуналки, резко тормозит перед входной дверью и задевает её колесом — она открывается. Её часто так и оставляют,

Шипилова Анна Константиновна родилась в Москве в 1989 году. Окончила ВГИК им. Герасимова. Рассказы публиковались в сборниках издательства «Эксмо».

Предыдущая публикация в «ДН» — 2022, № 11.

хотя соседи свои комнаты запирают, а на холодильники вешают замки. Егор выглядывает на лестницу, чует запах варящейся свёклы из соседней коммуналки, стягивает слону и притворяет дверь. На большой кухне с шестью плитами соседи смотрят телевизор, курят, обсуждают, как скоро Америка уйдёт под воду из-за того, что изменится гравитационное поле Земли. Егор прислушивается, представляя Землю тарелкой супа, которая вдруг переворачивается. Едет обратно, без рук, глядит на себя, пролетая мимо пыльного стекла шкафа — белобрысый парень в тельняшке на настоящем взрослом велосипеде, — и думает, что он похож на папу больше, чем на маму, и это ему нравится. Засмотревшись и вильнув, он слетает с седла и расквашивает подбородок о выступ засаленного паркета.

О папе он проговаривается только лучшему другу, когда на уроке географии учительница рассказывает о Курилах, их важности для России и о том, как правильно его отец делает, что не отдаёт острова японцам. На следующий день его секрет знают уже все. На перемене ему забивают стрелку после уроков за школой. Друг с ним не идёт — убегает домой через дырку в заборе сразу после последней физкультуры. Егора избивают впятером, и спасает только то, что на улице поздняя весна и все в кедах, а не в тяжёлых ботинках. «Нехрен выпендриваться», — говорят ему. Две недели он пишет кровью, а потом узнаёт от отца, что бить надо первым, и обещает себе поймать после школы по очереди всех пятерых и отмудохать по одному. Больше о папе он не упоминает, но кличка Брехун прилипает к нему надолго.

Он приходит в спортшколу около дома и смотрит расписание: шахматы, ритмика для малышей, балет, дзюдо, самбо и айкидо. «Местов нету, — говорит ему вышедший покурить охранник, — ты опоздун». «А на дзюдо тоже?» — спрашивает Егор. «На дзюдо группу первой набрали, там родители сами чуть ли не передрались», — усмехается тот.

Когда учительница доходит до главы о двадцать первом веке в хрустящем учебнике новейшей истории для девятого класса, Егор слышит фамилию Отца и вытягивает голову с последней парты — впервые заинтересовавшись. Его сосед выщапывает на лакированной столешнице соскальзывающим ножиком «мама анарх...» — дела хватит на целый урок. Бывший лучший друг, сидящий в соседнем ряду, замечает оживление Егора, пихает локтем своего соседа по парте, что-то говорит ему, и они смеются.

Он шмыгает носом, платок носить западло — сопли приходится вытираять рукавом, и девочки из параллельного класса, ради которых он и курит прямо на ступеньках школы, фыркают и отворачиваются. Одна из них, проходя мимо него, роняет так, чтобы он слышал: «Я с брехунами не гуляю», — и Егор, задумавшись и вспоминая слова Отца: «Настоящий мужчина всегда должен пытаться, а настоящая девушка — сопротивляться», — не замечает, как сигарета дрогает до фильтра и обжигает.

Отчество у него дедово, мама сказала, что настоящее записывать было нельзя, но он иногда воображает, как Отец приедет, зайдёт к ним в коммуналку и скажет со своей хитрой улыбкой: «Поехали оформлять тебе паспорт с настоящими отчеством и фамилией». Как они потом поедут по перекрытому Невскому, зайдут к нему в школу и охранник отдаст Отцу честь. Как сам он будет стоять и не обращать внимания ни на одноклассников, ни на девочек из параллели, Отец похлопает его по плечу, усмехнётся и произнесёт: «Ничего, я тоже был троечником».

Егор представляет Отца то выше, то одного с ним роста, но когда он перерастает и маму, и дядю Витю, которого всегда просят вкрутить лампочку в туалете, потому что

он единственный дотягивается до неё с унитаза, ему становится не по себе: как же он будет возвышаться над Отцом, когда они встретятся, что он будет видеть — его лысину? А Отец будет смотреть на него снизу вверх и не сможет потрепать по волосам?

Мама начинает ходить в церковь после трансляции из храма Христа Спасителя в честь очередного праздника, когда видит у Отца Егора слёзы на глазах.

— Раз он верит, то и мне нужно сходить.

На следующий день после восемнадцатилетия Егор идёт в военкомат: Отец наверняка оставил распоряжение, чтобы его отправили сразу в элитные войска, а потом поближе к нему, в Москву. Сидя в очереди, он представляет, как онтонет в подводной лодке в ледяном море, но остаётся жив в последний момент, потому что Отец лично руководит спасательной операцией, или как он по приказу Отца врывается в захваченный боевиками концертный зал и спасает заложников, а потом Отец прикалывает медаль ему на грудь. На медкомиссии врач привычно констатирует сколиоз, плоскостопие, слушает сердце и с подозрением спрашивает, состоит ли Егор на учёте у кардиолога. Он честно отвечает «нет», у мамы никогда не было времени водить его по врачам, а школьные диспансеризации проводились для галочки. В больнице по направлению из военкомата бесстрастная медсестра прицепляет холодные металлические датчики ему на грудь и щекочущие присоски на бока и живот, и он лежит, стараясь не засмеяться от нервов, пока аппарат выдаёт длинную распечатку. Что такое порок сердца, Егор не знает, но, со слов врача, понимает, что в армию его точно не возьмут. Военком в ответ на его заявление о том, что он готов служить своей стране и своему Президенту, говорит: «Угомонись, кому ты сдался — отвечать за тебя?» Выйдя из военкомата, он не глядя выбрасывает снимки, историю болезни и военный билет в урну.

Баллы по ЕГЭ у него низкие, и ни в один вуз его не берут. За поступление всех его одноклассников заплатили родители — в этом Егор уверен, а у мамы на сберкнижке — карточкам она не доверяет — денег нет, он посмотрел.

«Что бы он сделал на моём месте?» — без конца думает Егор, разгружая коробки с овощами и фруктами на рынке около дома. Торговцы помнят его с детства, подкидывают ему то яблоко, то пятидесятирублёвку, когда он подметает у их прилавков раздавленные овощи и шелуху. Ему отдают рыбы головы и плавники на суп, и он несёт пакет, не замечая, что за ним возникает кровавый след, пока не натыкается на «скорую», перегородившую вход в парадное его дома. На каталке везут маму, и он тянется к ней — то ли ухватить за свисающий хвост платка, то ли удержать поручень окровавленными руками, при виде которых у неё округляются глаза и кривится рот. Санитары оттесняют его и говорят номер больницы, куда они едут. Забыв о выпавшем пакете, он поднимается в квартиру и застает соседок, заглядывающих к ним в комнату, они причитают: «Что-то с сердцем».

Оставшись один, Егор по инерции ходит на работу, за батоном хлеба и пельменями в магазин у дома, иногда пьёт пиво на набережной, свесив ноги над рекой, но к маме в больницу не ездит, боится. «Лучше думать об Отце. Интересно, что он делает сейчас», — Егор включает телевизор. Ему нравится наблюдать, как отец путешествует, как достаёт амфору из моря и треплет за уши подаренных щенков, как катается на лошади и пытается завести новую «Ладу», а она, конечно, не заводится, и Егор посмеивается про себя: Отец не знает, как дядя Витя говорит, что новую машину сначала надо «допилить по месту напильником». Если он включает канал, где Отец ведёт заседания с министрами или выслушивает губернаторов, то ему скучно, он не понимает про «девальвацию», «диверсификацию» и «монетизацию», но всегда

оживляется и ловит слова, когда Отец кого-то ругает или шутит. Он долго потом повторяет, пока моется на кухне за шторкой: «Бойцы вспоминали минувшие дни и битвы, что вместе продули они», — и улыбается, будто это про него и про школьные драки, и думает, что Отца, наверное, тоже били, и он его поймёт.

Дядя Витя иногда скребётся к нему в комнату: то просит на опохмел, то предлагает Егору вместе «пройтись за сокровищами» — посмотреть, что выбросили из соседних коммуналок, которые повадились скупать иностранцы, москвичи и инвесторы под мини-отели. Двухсотлетнюю лепнину закрывают гипсокартоном, выдирают покоробленный паркет, выкидывают латунные шпингалеты и зеркала в рассохшихся резных рамках, выставляют стулья с гладкими гнутыми спинками. «Ни хрена не понимают в искусстве», — говорит дядя Витя, пока Егор помогает ему нести двухметровое зеркало в подвал на соседней улице, где скупают антиквариат. Денег дядя Витя даёт ему немного — «маме на апельсины» — и удаляется в тусклый магазин за блоком сигарет и мерзавчиком, — сорвав крышку, он прикладывается к горлышку, и его пробивает на слёзу: «Такой здоровый лоб, порода деревенская, как у меня, а сердцем в мамку пошёл, да что ж такое-то». Егору неловко видеть его плачущим, и он уходит, чтобы как раз на эти деньги сесть в троллейбус до больницы, но на остановке не задерживается.

После больницы мама не выходит на работу, лежит дома на диване и смотрит телевизор, оттуда доносится: «Восстановим монархию», «император Владимир Первый», «Боже, царя храни». Она шаркает по коридору на кухню, варит себе самую дешёвую тонкую вермишель, посыпает её сыром «Российский» и перемешивает в клейкую кисло-солёную массу. Егор не привык видеть маму целыми днями, она всегда после работы в библиотеке убиралась в школе неподалёку, а по выходным брала смены на кассе в продуктовом. Он переставляет раскладушку и обычно закрытую, заставленную пыльными шкафами кладовку без окна, примыкающую к их комнате, старается заходить туда, когда соседи не видят, и вести себя тихо. Он лежит, смотрит на лампочку и расходящуюся от неё по потолку паутину и прикидывает, как ему привлечь внимание Отца. Из темноты он слышит его голос — наверное, он доносится из маминого телевизора. Отец повторяет ему: «Кто нас обидит, трёх дней не проживёт», — так настойчиво, что Егор задумывается: «О ком он?» — и вспоминает, что недавно видел передачу о несогласованном марше, намеченном на конец лета.

Он второй раз в жизни идёт в библиотеку, изучает выцветшие брошюры и учебники по взрывотехнике и выносит их под курткой. Перерыв кладовку, Егор находит гвозди, болты, гайки, другую металлическую мелочь. Мутные стеклянные банки с верхних полок он обёртывает тряпками, осторожно разбивает и толчёт осколки в пыль. В большой бутыли, завёрнутой в газету 1984 года, обнаруживается керосин, и Егор долго нюхает его, пытаясь определить, сработает ли. Остальное он спрашивает на рынке, на него смотрят удивлённо, но потом тихо называют цену — денег с маминой книжки хватает впритык. Химию он никогда не понимал, но украшенные учебники штудирует с впервые проснувшимся интересом, некоторые страницы перечитывает по несколько раз. Со старого телефона с разбитым экраном, который мама подарила ему на окончание школы, он регистрируется на форумах, подписывается на паблики, чтобы найти недостающую информацию, и понимает, что он такой не один: ему охотно отвечают, узнав, что он «за Царя». На сходках в реале, с обритой, чтобы не выделяться, головой, он сидит и слушает: в основном там пьют пиво и болтают о том, как им надоело жить с родителями, обсуждают, как здорово поехать воевать добровольцем, и тех, кто уже уехал, — им важнее всего уехать, неважно

куда. По разговорам он понимает, что почти все учатся в техникумах: кто-то на токаря, кто-то на повара. Его зовут шабашить на стройку и грузчиком в порт, чтобы заработать на билет и камуфляж. Егор отмалчивается — сомневается, одобрят Отец или нет, если он поедет в Донецк со всеми, он ничего по этому поводу не говорил. Наконец, появляется Вано93, с которым Егор переписывался на форуме: тот обещал рассказать об аммиачной селитре.

К маршруту Егора всё готово. Он читает молитву перед календарём с фотографией Отца, который повесил в кладовке, — как учила мама, но перевиная на ходу: про Отца, Его царство, которое скоро наступит на всей земле, про искушения — представляя одноклассницу, которую видел недавно, — и про лукавого — представляя блогера, который постоянно копает под Отца и призывает выйти на марш. Закончив, Егор крестится слева направо двумя пальцами, как видел в кино. Получится ли всё, как запланировано, и что будет, если нет, он старается не думать. Потренировавшись в песчаном карьере по совету «камрадов» с форума он не смог: побоялся охранников с собаками. Егор выбирается из кладовки и косится на свои прыщавые щёки в тусклом коридорном зеркале. Он вспоминает картину на форзаце школьного учебника — вооружённого копьём конного воина-монаха, который всегда казался ему списанным с Отца, — и натягивает капюшон своей вытертой толстовки, чтобы больше походить на него.

К маме он заглядывает ненадолго: она смотрит телевизор и не обращает на него внимания. Он неловко обнимает её, она просит не загораживать интересную передачу. У входной двери Егор встречает дядю Витю, вдыхает привычный, родной запах перегара и пота, сосед осматривает его мешковатые штаны и чью-то старую ветровку на два размера больше, тоже взятую из кладовки, и весело говорит: «Растёшь! Деревенская порода всё-таки». Егор молча обходит его, чтобы не вступать в разговор, думая, что Отец сейчас гордился бы им, и бежит вниз по лестнице.

Второе пришествие

Маша ходит мимо забора «ящика», как называет его дедушка, — закрытого завода с тусклой табличкой около ворот — каждый день по несколько раз: в школу и из школы, в магазин, на почту за марками и конвертами для дедушки и в аптеку за корвалолом и валидолом для него же. Мир она воспринимает так: с одной стороны серый бетонный забор «кубиками», а с другой — дорога и обкорнанные тополя. Окна их квартиры выходят на задворки завода — каждое утро Машу будят мусоровозы, въезжающие и выезжающие из лязгающих ворот. Когда дедушка выпивает, то может хлопнуть ладонью по рассохшемуся столу, погрозить солёным хрустящим огурцом в сторону окон и сказать что-то страшное и непонятное «там собак ножами режут» или «эмбрионы двухголовые оттуда выбрасывают в мусорку в кровавых пелёнках. Я всё вижу!».

Жёковскому электрику дяде Саше он жалуется:

— Травят нас оттуда гамма-излучением, да, Сань? Вот дочь мою, Варюшку, всю жизнь травили, и она стала шмарой и уехала в Москву, а была светлая голова, в школе одни пятёрки по труду! Вон, прихватки она шила. — Он кивает на заскорузлые, с чёрными подпалинами ситцевые варежки в цветочек, висящие на гвоздике под глянцевыми блюдцами с портретами Ленина и Сталина. — Теперь одна у меня радость — Машенька. — Он притягивает к себе проходящую мимо внучку, гладит по голове мокрыми от рассола пальцами и целует в макушку, дыхнув перегаром. — У Машеньки пять по истории и русскому, будет на радио работать.

Маша смотрит на блюдца, в которых отражается закатное солнце, и лица кажутся ей живыми.

Вещи Маша донашивает за соседскими детьми: зная, что они живут на одну дедушкину пенсию, соседки собирают вещи по родственникам и подругам. Дедушка проводит ёжесткую ревизию: платья с легкомысленными нашитыми бантиками и юбки в цветочек выбрасывает, оставляет только штаны и майки, футболки и свитера тёмно-коричневых, бурых и свекольных цветов — тёмные немаркие вещи.

— Светлое не настираешься, — ворчит он, замачивая в тазу с натёртым на тёрке хозяйственным мылом вещи, свои синие треники и машину байковую пижаму, и засыпая содой — от радиации.

Когда Маша вызывается помочь, он отвечает, не разгибаясь:

— Иди учись, постирать я сам могу, а у тебя контрольная скоро.

После обеда дедушка, покемарив, садится писать письма, вырывая листки из машинных тетрадей. Маша заглядывает ему из-за плеча, он пишет: «Дорогой Иосиф Виссарионович!» или «Родной близкий тов. Сталин», «сознаю, что отнимаю у Вас драгоценное время», «прошу обратить внимание на товарищей на местах» — когда дедушкину «ракушку» у дома признают незаконным строением, и «ядовитая голова гидры прячется в Администрации Советского района» — когда на месте их СНТ решают построить федеральную трассу и начинают сносить дома. Дачные вёдра и лопаты, старый велосипед «Украина», корзины для грибов и сломанные зонты перекочёвывают на их балкон. «Всегда задавай себе вопрос: хороший ли ты человек и коммунист?» — пишет дедушка в машинном дневнике, который читает каждый вечер. Вместо кукол и мягких игрушек дедушка дарит Маше танки и металлический конструктор, книгу «Логические задачи для мальчиков». Раз в две недели стрижет её волосы машинкой — от вшей. В задачах нет ответов, и Маша никогда так и не узнает, правильно ли она посадила в лодку козу и волка, а пастуха оставила на берегу.

У дедушки над кроватью прибита книжная полка, регулярно он достаёт одну из книг, открывает на замусоленной странице и читает вслух — Маше полагается слушать, свои книги она читать в это время не может, и за «вольности» дедушка может запереть её на ночь в ванной с выключенным светом. Читает дедушка медленно, делает паузы, на каких-то словах повышает голос и поворачивается к Маше, проверяя, слушает ли она его. Маша сидит на своей кровати и не отрываясь глядит на дедушку.

— Ложись, — закончив читать, говорит он. — Изба-читальня на сегодня закрывается.

Маше снится изба, в которой везде расставлены книги: не только дедушкины, с полки, но и школьные, книги из библиотеки, книги одноклассниц, которыми они обмениваются. Она ходит по избе почему-то в лаптях, скрипя половицами, топает и распугивает мышей, не давая им грызть книги. Дедушка во сне растапливает печь — Маша видит, что в ведре вместо поленьев книги в мягкой обложке: детективы про милиционеров, убийства из-за наследства или из-за измен. Дедушка бросает очередную книгу в огонь.

— Время было такое, пойми, мы ни при чём, одна дверь закрылась, другая открылась, и хлынули оттуда на нас всякие ублюдки и шушера, кока-кола, фильмы про блядство, песни без мелодии, один ихний мат, факи эти, и нахрен нам такая свобода, от которой блевать хочется и трупы на улицах валяются.

Избу заволакивает дым, и Маша просыпается: дедушка спалил гречку на плите и матерится.

Пока Маша после школы делает уроки, дедушка приговаривает:

— Нет в мире таких крепостей, которых не могли бы взять трудающиеся.

Погулять на улицу он отпускает её, только проверив все задания по дневнику — даже на несколько дней вперёд. Маша всегда гуляет под окнами, там, где её видно из квартиры, играет с мальчиками в ободранный сдущий мяч, а когда мальчиков нет, — лепит куличики с малышами. Девочки её, одетую в мальчишескую одежду и коротко подстриженную, в свою компанию не берут. Перед ужином раскрасневшийся и пахнущий перегаром дедушка выходит во двор, здоровается с соседками, которые приглядывают за детьми, любовно окидывает взглядом сущающуюся на верёвках одежду, сломанные качели, валяющихся в песке собак и греющихся на солнце котов, стоящие на последнем приколе машины со сдущими шинами, вдыхает воздух с горьким запахом стирола и ручается со слесарем Михалычем.

— Погода шепчет, а, Михалыч? — Он зовёт внучку: — Машок! Ужинать и спать! — И добавляет бабушкам: — А на ночь мы читаем Отца народов!

Когда он уходит, бабушки крестятся.

В девятом классе Машу отправляют на областную олимпиаду по истории защищать честь школы. Она наизусть цитирует все самые известные речи Сталина: о текущем моменте и о кадрах, которые решают всё, о многонациональном государстве и о победе над Германией — её рвение очень нравится учительницам. На олимпиаде Маша проваливается — не занимает никакого места, вопросы ей попадаются про царей и дипломатов, русско-японскую войну — дореволюционный период она знает плохо, зато советский отскакивает от зубов по годам и месяцам: съезды, указы, освобождённые Красной армией города. Несколько дней она боится признаться, что провалилась на олимпиаде, и вышивает крестиком портрет вождя — подарить дедушке, чтобы он не сердился.

— Всё никак не успокаются со своим кровавым царским режимом, — говорит он. — Ещё и учить заставляют, когда кто отпредлся и помер и кто сколько солдат и матросов отправил за себя на смерть. Мы столько не учили, зато знали наизусть все достижения всех пятилеток.

Когда на уроке ОБЖ учитель гоняет их в противогазах по лестнице вверх и вниз, с нагруженными кирпичами рюкзаками, у Маши темнеет в глазах и начинаются месячные — она отпрашивается в туалет и идёт застирывать штаны. Из-за месячных с ней перестают дружить мальчики, один из них говорит:

— У тебя течка началась, ты больше не наш кореш.

Пытаясь подружиться с девочками, Маша даже решает больше не стричься — она давно делает это ножницами сама, дедушке тяжело подстричь её ровно. Волосы отрастают неравномерно — торчат во все стороны, каждое утро она приглаживает их водой и расчёсывает пятерней, но, высыхая, они только путаются и сбиваются в колтуны. Дедушке всё тяжелее становится готовить, убираться и стирать, но Маше он заниматься хозяйством не разрешает, поэтому едят они теперь китайскую лапшу со вкусом говядины или курицы и порошковое пюре, которые дедушка заливает кипятком, а дырявый линолеум покрывается липкими грязными пятнами. От его одежды, обычно выстиранной и выглаженной, начинает пахнуть, а Машину одежду он может замочить в тазу и забыть, отчего та начинает пованивать.

Дедушка ходит на все митинги, надев форму и ордена своего отца, с портретом вождя в рамке: за Президента, против пенсионной реформы, против мусорного полигона около «ящика», за закрытие «ящика», потом опять за Президента и за поддержку результатов выборов, против повышения ЖКХ, за отмену транспортного налога. Потом митинги запрещают, и всем «активом», как дедушка их называет, они с соседями собираются на лавочке во дворе и обсуждают политику и повышение цен.

После этих «собраний» Маша старается дедушке на глаза не попадаться, он приходит злой и заведённый и может и обматерить, и мокрым полотенцем по ногам хлестнуть.

Однажды осенью, когда река мелеет, обнажается памятник, распиленный и сброшенный в воду шестьдесят лет назад — почти неузнаваемая голова и плечи в шинели. Дедушка, узнав об этом, надевает рыбакские сапоги и берёт у Михалыча трос для обвязки, а дядю Сашу просит подогнать свой УАЗик, чтобы вытянуть. В подмогу он берёт Машу — он помнит подростком, что памятник был большим и как его распиливали на части, и понимает, что не справится один. Вытягивают они грязные куски бетона вместе до ночи. Маша обвязывает верёвкой, дедушка подкладывает под них доски и куски фанеры и командует дяде Саше: «Давай! Пошё-ё-ё-л!» Тот газует и долго волочит по берегу куски памятника с илом и водорослями, пока дедушка кричит: «Хорош! Хорош!» — а потом материт дядю Сашу, но тот не слышит: глуховат.

После этого они полночи пьют и обсуждают, как хорошо было раньше, не давая заснуть Маше, лежащей на кушетке за тонкой стенкой. Памятник долго стоит во дворе мастерской надгробий и бордюрного камня: дедушка обращается в администрацию, но денег на реставрацию не выделяют, пишет в газеты, звонит на городское телевидение и радио, но только через год удаётся собрать нужную сумму: спонсором становится завод.

Получив аттестат, Маша сообщает дедушке, что хочет уехать в Москву поступать на исторический. В столице библиотеки и лучшие преподаватели, окончив истфак, она сможет работать не учительницей, как здесь — и продлить школьный кошмар, думает она, — а заниматься наукой, работать в журналах, газетах, на телевидении. Дедушка против — с поджатыми губами и непроницаемым лицом говорит, что он ей запрещает. Маше не удается разжалобить его, даже заплакав: он начинает чеканить про предателей и врагов народа — все они, по его мнению, в столице, начиная с её матери и заканчивая оппозиционными политиками. Маша уговаривает дедушку несколько дней, потом понимает, что ей придётся собрать вещи и уехать тайком, пока его нет дома. Вещи она собирает под кроватью в старый школьный рюкзак, чтобы не привлекать внимание: учебники, кеды, носки, трусы, паспорт и аттестат, пару дошираков в поезд и пакетики чая. На вокзале покупает билет в один конец в плацкарт. В Москве планирует сразу попроситься в общежитие, а там уже получать стипендию и устроиться на работу. Мысли о том, что она может не поступить, она от себя гонит.

Вернувшись домой с выпускного, Маша не замечает, что рюкзак под кроватью нет, а дедушка более мрачный, чем обычно, варит пельмени из морозилки.

— Давай пожарю, — говорит она, мягко отодвигая дедушку от плиты плечом, и наклоняется за сковородкой.

Дедушка сзади накидывает ей на шею кусок верёвки, ещё грязной и жёсткой от ила. Он держит, пока она не валится на грязный линолеум и, подёргавшись, не затихает, а потом отпускает, осев на колченогую табуретку. Смотрит в окно — не смотрят ли из «ящика» в бинокль? Переводит взгляд на мусорные контейнеры под окном и думает, что надо найти крепкие мешки для мусора.

Памятник устанавливают у проходной «ящика» на очередной юбилей Победы. Разрезают ленточку, хор школьников, одетых в военную форму, поёт песни, из колонок на ступеньках раздаётся минусовка, ветераны сидят на лавочках с красными гвоздиками в руках, греются на солнце. Дедушке пожимает руку директор «ящика», и он вытирает ладонь о штанину: надо будет первым делом, прия домой, вымыть руки с щёткой и мылом и замочить штаны с содой, лучшим средством от радиации.

Юрий Ряшенцев

Памяти Натальи Аришиной

Доверие — вот что прежде всего чувствует человек, читающий стихи Натальи Аришиной.

На днях попалось на глаза одно заметное издание, где в большом количестве опубликованы разного качества стихи. Авторы были не похожи друг на друга, но всех объединяло одно: содержание любого стихотворения — второстепенно, оно лишь повод для выражения поэтической личности. Само по себе это бы ещё ничего при наличии этой самой личности и сильных стиховых средств. Но средства эти, даже в тех нечастых случаях, когда они проявлены, не помогали поэтической мысли. Поэтическая мысль и поэтический образ сохраняли полное равнодушие друг к другу, не вызывая доверия у читателя.

Я позволил себе распространиться на эту тему именно после того, как прочёл последние (и, увы, последние в жизни) Наташины стихи, читательское приятие которых начинается именно с доверия к произнесённому автором.

Время

Всё напрасно? Всё не в счёт?
Время, ты меня не слышишь?
Знаю, что в затылок дышишь,
но люблю твой горький мёд.
Обгоняй, лети, спеши,
упраздняй карандаши,
скрип пера, бумаги шелест,
всё, чего уже не ценишь,
весь состав моей души.
Сушишь горло, режешь ухо,
ужасаешь мыслю злой.
А строка жужжит, как муха,
тщетно хочет быть пчелой.

Хочется, как Станиславский, воскликнуть: «Верю!»

Именно это или примерно это чувствуют люди, чья жизнь связана с поэзией, а значит, с размышлениями о загадочности времени, понять суть которого наша обречённая, но отнюдь не отменяемая задача.

Всё в стихах Натальи Аришиной устремлено к неприкрашенной, но к прекрасной правде. Никакого украшательства. Она зачастую лишает себя такой роскошной помощницы как рифма. Много белых стихов, а иногда и просто верлибра. Хотя этот *просто верлибр* — разумный верлибр, и его создание — дело более трудное, чем рифмованные стихи.

Вообще Наталья Аришина очень свободна в обращении со стихотворной ритмикой. В её арсенале есть даже такие экзотические для русской поэзии формы как лимерик — «Народ маракайя».

* * *

Есть славный народ маракайя
не знает он кто я такая
он в Андах живёт
а мой бы прилёт
воспринял от счастья сияя

Уж если совсем затоскую —
об этом стишок смаракую
лишь несколько строчек
без скобок без точек
и съем на десерт маракайю

Когда я читал прозу Натальи Аришиной, то ловил себя на чувстве досады: почему этот великолепный камчатский пейзаж не оказался в стихах? Цеховая ревность... Впрочем, и в стихах пейзаж у Наташи точен, лишён красивостей и вызывает доверие, как и всё, ею написанное.

А сколько бы ещё она могла написать...

Наталья Аришина (1943–2022)

Смотрящему из-под руки

Под утро

московские крыши — в нетронутом снегу
перебираю в уме глагольные рифмы
вялый стих задуман по колодке
постыдное равнодушие к результату
моё домоседство — со звоном в ушах
с головокруженьем
с избытком сонливости
наблюдаю заинтересованные экранные лица
декабрьского нон-фикшн

приснился сын в ребяческом возрасте
тёплый незаслуженный сон под утро

Из-под руки

Легко любить тебя заочно,
потерянный когда-то дом
с трубой поющей водосточной,
со ставнями, с верандой прочной,
с крыльцом, ходящим ходуном.
Уже не мой платочек синий
мелькнёт в толпе на берегу.
Я заполночный говор пиний
давно припомнить не могу.
Уже дрянной клоповник блочный
теснит пейзаж моей строки.
И не везёт курьерский почту
смотрящему из-под руки.

Скоро осень

Скоро осень разрисует ржой лепные потолки,
на твоем оставит dome тень от памятной доски.
«Это осень, это осень, — осмелев, свистит сквозняк, —
объявляю: завтра сносим этот дряхлый особняк.
Видишь, технику нагнали — самосвал, бульдозер, кран».
А в твоём окне мигает затухающий экран.
Напряжение теряя, сбоку лампочка торчит.
Сердце слабое мерцает, боль привычная горчит.
На рассвете в мутном небе — грозовые облака.
Рядом плавают вороны, обалдевшие слегка.
Покидают переулок, улетают в никуда.
С потолка, гремя тазами, каплет ржавая вода.

Teatrik

Давнего века загадки.
Дворик в осенней грязи.
Стены добротнейшей кладки,
окна в слепых жалюзи.
Голубь бесстрастно и ловко
меряет дряхлый карниз,
и заглушает ливнёвка
эхо былых антреприз.

Про театральные были,
про безрассудный размах
даже деревья забыли,
те, что росли на задах.
Клён позолоченной кроной
скрыл слуховое окно.
Но по ночам незаконно
изредка светит оно.

Дождик легко занавесил
призрачный строгий танцкласс.
Триста посадочных кресел
не дожидаются нас.
Из непроглядного мрака
звёзды навстречу плывут.
Он не слушен, однако,
наш по соседству приют.

Близостью этой руины
дом тяготится жилой,
не различают машины
след от парковки былой.
Близко надвинулась туча
парусом, чёрным, как дым.
Дряхлым пенатам наскуча,
вместе мы прочь улетим.

Англичане

она встречает их в московском сквере:
весной — среди луж и капели
летом — они не щадят газонов
в листвопаде, во вчерашней метели
знакомства они не ищут —
ирландский сеттер и его хозяин

пёс заявляет свои права неутомимо:
метит английский клён
выстреливая в полушария рыхлого нароста
обметая хвостом снег застрявший в морщинах
ей клён напоминает Одена
она зовёт его сэр Уистен...

хозяин не снимает наушников
плавает в каких-то звуках
отвечает на чьи-то вызовы
не зовёт пса по имени
нетерпеливо подзывает свистом
и уводит на коротком поводке

«Англичане... — шепчет она себе под нос,
англичане...»
подобным образом
подзывают ядовитого гада
или науськивают пса на жертву
отрицательные герои Конан Дойла

Дуэт

Не храни ты ни бронзы, ни книг.

Константин Случевский

Лиши в баснях ценится мораль,
но не пишу я их покуда.
На антресолях спит хрусталь,
фраже, дарёная посуда.
Подкатит мусорка к окну —
задребезжит стекло и пластик.
Проулок узкий свой кляну,
забытый, как прошедший праздник.

А было здесь светло в ночи,
в соседней лавочке пылились
на плошках синие мечи,
ретиво кабаре плодились.
В подвале сладился дуэт,
в котором оба очень милы,
поклонникам отбою нет,
без перерыва на обед
он тратит творческие силы...
Сквозняк с насмешкой просвистит,
свое являя постоянство,
и щедро пылью одарит
из заоконного пространства.
Неужто в прошлое уйдёт
дуэт? — А как согласно пели!
Но даже эху не расчёт
сегодня множить эти трели.

На антресолях — связки книг
и гостевая раскладушка.
Но навсегда ушёл старик
и, торопясь, ушла старушка.

Окно

На письменном столе — следы былых чернил.
Тревожат сквозняки пустую птичью клетку.
Озябший клён совсем окно мне затемnil,
повесив на карниз расхристанную ветку.
Она была полна и листьев золотых,
и в крыльышках сквозных своих семян летучих.
И снова тщилась я понять свободный стих.
И старый дом был тих, и небо — в низких тучах.

А мой ручной щегол? А детских санок бег?
 Сосульки под окном щё вчера звенели...
 Потом взвилась метель. Опять растаял снег.
 Проснулась — а виски заметно побелели.
 Не тает седина от близкого тепла,
 по-прежнему легко во сне летают сани.
 А то, что о тебе в стихах я наплела,
 в отпущеные дни распутываем сами.

Нотрдамские пчёлки

Нотрдамские пчёлки, бедные погорелки,
 вот уже две недели я не в своей тарелке.
 Растревоженным роем вы надо мной кружите,
 понабились в подушку, целую ночь жужжите.
 В старом застрияли пухе, в левом скребётесь ухе.
 Я не хочу быть ульем, я обойдусь без мёда,
 мне не по нраву ваша сладкая несвобода,
 соты, царица, трутни, зимние посиделки,
 но не могу покуда я разлепить гляделки.
 Сон меня держит цепко, чую, что влипла крепко.
 Вот уже завозились возле правого уха.
 «Есть, — мне жужжат, — старуха, и на тебя проруха,
 милости не дождёшься, прошлого не воротишь.
 Если уста отверзнешь — худшего напророчишь».

До предела

Александровский сад заметён до предела.
 Слишком рано зима, не таясь, поседела.
 Снег надолго залёг, не отступит мороз.
 Я забросила краску свою для волос.
 Спят ненужные рифмы, как сытые мыши.
 Спит узор на стекле и тарелка на крыше.
 Вереница авто утонула в снегах.
 Удивляюсь себе, что щё на ногах,
 что ковёр по старинке я снегом почищу,
 что подобных занятий придумаю тышу.
 А тебя на прогулку я вытащу в сад,
 над которым холодные звёзды горят.

Две дорожки следов

От льдины, что под ногами, до звезды у меня за плечом —
 всюду ночь без единого лишнего звука.
 Не мучай меня, не спрашивай ни о чём.
 Всюду зимняя оторопь, имя которой — скука.
 За горизонт ушёл последний баркас.
 В каменном лабиринте спряталось эхо.
 Две дорожки следов остались от прежних нас,
 тень улыбки и горечь смеха.

Дружба на высоте

Марина Карташева

Марысины сказки

Сказка о пунктуальном Коте, который всегда знал, где перекусить

Жил-был Кот, который всегда знал, где можно перекусить. И поэтому он жил на пять домов одновременно. Расписание посещений было очень сложным, но Кот отличался пунктуальностью. Рано утром он завтракал у Одинокой Бабушки, которая вставала раньше всех. После этого у Сварщика, работавшего на заводе в первую смену. Затем перебирался в Семью, где дети ходили в школу, а папа на работу. Далее следовало посетить студенческое общежитие, а после последнего завтрака у Творческого Человека нужно было быстро перебежать в дом Бабушки, которая уже сидилась обедать. И далее по плану.

Конечно, Кот очень уставал. Он бы даже остался жить у Одинокой Бабушки, которая кормила его лучше всех, но, во-первых, Бабушка-то не вечная, а во-вторых, пока дают — нужно брать.

Так Кот трудился. Трудился, и толстел, и толстел, и толстел. И в один прекрасный день не смог совершить свой обычный обход домов, потому что упал на полпути к дому Одинокой Бабушки. Прямо на дороге. И расписание дало сбой.

И Бабушка заохала, запричитала и побежала, да-да, именно побежала с палочкой под мышкой искать своего Кисоньку. И дети в Семье заплакали и отказались идти в школу, а пошли с Мамой на поиски Котика. И Сварщик решил по дороге на смену посмотреть, где Кошак. А студенты проспали первую пару, потому что обычно их будил Кот. Ну, раз проспал первую пару, на второй уже и делать нечего. Значит, пошли искать Кота. А Творческий Человек, который ориентировался во времени исключительно по Пунктуальному Коту и не особо мог отличать день от ночи и завтрак от обеда, забыл в этот день поесть. Пропажи Кота он не обнаружил, так как любую пропажу если и обнаруживал, то не раньше, чем через три-четыре дня.

Таким образом, Бабушка, Семья, Сварщик и Студенты шли-шли и, наконец, встретились, ведь городок был маленький, а все улицы в нём сходились. И сошлись они прямиком на том месте, где Кот лежал.

— Это, — говорит Сварщик, — мой Кошак, оно сразу видно, рабочего вида зверюга.

Мария Карташева — участница проекта АСПИР «Мастерские»—2022. Родилась в г. Алма-Ате в 1988 году. С отличием окончила Калининградский областной колледж им. С.В.Рахманинова по специальности народный хор и Воронежскую государственную академию искусств, отделение этномузыкаологии. Аспирантка РАМ им. Гнесиных. Живёт в г. Светлогорске Калининградской области. В журнале «Дружба народов» публикуется впервые.

— Почему это — ваш? — возмутилась Мама. — Это наш Котик, и мои дети его очень любят!

— Так это ваш Кот? А почему он который год бедных студентов объедает? Плохо кормите, вероятно.

— Обознались вы, люди добрые, это же моя Кисонька ненаглядная! — запричитала старушка.

И такой они подняли гвалт, что, как ни плохо было Коту, он понял, что дальше так продолжаться не может. Поднял голову и сказал:

— Да успокойтесь вы, товарищи хозяева! Всё решим мирно. Жить я буду у Бабушки, потому что она Одинокая. Сварщик тоже одинокий, конечно, но он одним покупным кормить может. Маме с детьми некогда, а Студентам и самим есть нечего, они только дополнительное питание могут обеспечить. Остальные будут навещать. А Бабушка меня в завещании на Семью отпишет.

И стали они жить-поживать и добра наживать. Как только Маму и Бабушку из обморока вывели. А когда Бабушка совсем состарилась, её вместе с Котом Семья взяла к себе. А Сварщик женился вскоре. На Студентке, которая за Котом приходила. Так у Кота стало два дома. А к Творческому Человеку он иногда просто заходил, чаю попить.

И там покормят, и здесь угостят. Ну как тут похудеешь?

Поэт и Муза

В одном маленьком городе жил-был Поэт. Обычный Поэт, с бородой, усами, длинными волосами и вечным недоеданием. Но о нём мы много рассказывать не будем, так как он вообще ни в чём не выходил за рамки своего вида. Скажем только, что это был Настоящий Поэт и Особо Впечатлительная Творческая Личность.

Однажды Поэт сидел у окна. Вечер был очень поэтичный, но стихи не сочинялись. И вдруг он увидел, что по другую сторону окна стоит Прекрасное Нечто в белом балахоне. Стоит и царапает на стекле: «Отвори! Я твоя Муза!»

Поэт испугался, потом обрадовался, потом хотел было упасть в обморок, но передумал. Глотнул воды и открыл окно. Дело в том, что Поэт всегда считал, что Муза — это прекрасная белокурая девушка. Поэтому он раскинул руки и закричал:

— О моя Муза, приди!

В тот же миг в его объятья пришло Прекрасное Нечто. Мокрое, грязное и почему-то — мохнатое. Вот тут-то Поэт и грохнулся без чувств.

Ведь он не знал, что:

Жил-был на свете Кот. Обычный кот, с усами, хвостом, лапами, мохнатостью и прожорливостью. Было у него только два качества отличительных: первое — продолжительность жизни долгая, и второе — Кот этот был говорящий... Причём владел он в совершенстве несколькими языками и даже диалектными их особенностями. Кроме того, Кот имел некое представление о географии и физике, немного разбирался в музыке и любил при случае похвастать знанием нескольких исторических фактов. В остальном же не выходил за рамки своего биологического вида.

За исключением того, что зарабатывал на жизнь. Обычно Кот устраивался секретарём, переписчиком или натурщиком. Иногда, когда было совсем тускло, он нанимался петь колыбельные. Однако больше всего Кот любил то время, когда подрабатывал Просто Музой для Особо Впечатлительных Творческих Личностей.

— Я твоя Муза! — вопил Кот и лил на Поэта воду из графина. — Вставай! Пиши! Диктуй быстро!

От воды Поэт очнулся и увидел Кота в тюле. И опять упал в обморок. А потом всё-таки окончательно пришёл в себя, и они стали пить чай с вареньем. Так Поэт и Кот пили чай и разговаривали, пока не загорелись звёзды. И тогда они поняли оба,

что больше не одиноки. А потом они залезли вместе на крышу и смотрели на небо. И Поэт читал Коту свои стихи. Им было очень хорошо вместе. Так что, если вы поедете в тот город, не поленитесь, зайдите на улицу, где живёт Поэт, они и сейчас пьют вечерний чай и разговаривают. Уютненько.

Кошка-Принцесса

Жила-была Кошка. Она очень любила воровать котлеты. А люди Кошку за это очень не любили. Но Кошке это было совершенно всё равно, ведь она всегда считала, что она — заколдованная Принцесса. Значит, котлеты готовятся для неё. И думала, что люди — так, просто завидуют.

А люди всё время думали, как бы от этой Кошки избавиться. И подарили её соседке на День Рождения. Принесли Кошку в корзиночке и вручили. Соседка была женщина подслеповатая, и показалось ей, что это шапка меховая в корзинке. Обрадовалась.

Люди говорят:

— Это вам подарочек.

А соседка возьми да на голову Кошку и надень. Кошка от этого проснулась и в волосы соседке вцепилась. Соседка со страху заорала, Кошку из волос выдрала да об стену со всего размаху как шмякнет!

А Кошка вдруг взяла да и превратилась в Принцессу. Все удивились очень. А Кошка больше всех.

Тут сразу приехали Король и Королева, и свита, и прочие. А квартирка маленькая, все не помещаются. И пришлось праздновать День Рождения соседки на улице. Ей, правда, Король потом особняк подарил. Но это уже к делу не относится.

А люди сидят дома и расстраиваются. Аж котлеты жарить перестали.

Сказка о Принце, сидевшем на крыше

Жил-был Принц. У него было три любимых дела: сидеть на крыше, играть на гитаре и писать стихи. И потому он целый день на крыше пел под гитару свои стихи. Звёздам.

А потом на крышу повадились Принцессы. Сначала Принц обрадовался, что будет кому его слушать, и начал сочинять в три раза быстрее и в пять раз больше. Но Принцессы всё лезли и лезли, а места было всё меньше и меньше, а песен всё больше и больше, и Принцессам это надоело, и они стали кричать, что пришли не за песнями, а чтобы Принц на них женился. И Принц увидел, что Принцессы загораживают ему звёздное небо и совсем не хотят его слушать. И тогда он очень расстроился, взял гитару, заплакал и спрыгнул с крыши. А Принцессы за ним не прыгнули — они боялись порвать свои платья.

Принц не разбился, ведь дворец был одноэтажный. Он только немного ободрал руки, и ещё на его гитаре порвалась одна струна. Принц утёp слёзы и пошёл вдоль края синего моря — куда-нибудь, только бы подальше от Принцесс. Говорят, что теперь он сидит на берегу и поёт. И все Звёзды слушают его новые песни. А Звёзд над морем в тысячу раз больше, чем над дворцом. И говорят, что его песни стали в тысячу раз лучше.

А что же Принцессы? Они так и остались сидеть на крыше, вспоминают Принца и плачут. Ведь плакать они не умеют, прыгать боятся, а снять их оттуда некому. Так что, если хотите жениться на Принцессе, приходите, они все на крыше и давно уже решили, что выйдут замуж за первого встречного, который их оттуда снимет.

Публицистика

О том, что хотим услышать

Два письма на одну тему

Геннадий Прашкевич (Новосибирск, Россия)

Дорогой Алексей!

Я не отношу себя ко всё ясно видящим, всё легко объясняющим. Я не доверяю мгновенному восприятию и довольно часто возвращаюсь к тому, что, казалось бы, уже понято и объяснено. Опыт подсказывает, что необъяснённого вокруг всегда много, даже в давно объяснённом.

Дело, наверное, в человеческой сути.

Разум помогает нам понять происходящее, мы оправдываем или осуждаем происходящее, мы ставим себя на место тех, чьи действия, чьи слова вызывают в нас отторжение, даже откровенно враждебные чувства. Настойчивые попытки оправдать, или хотя бы понять то, что противно нашей сущности, приводят нас к странным, мало утешающим результатам. Ну действительно, почему Зло и Добро так близки? почему их вечная борьба не приходит к чёткому позитивному результату? как объяснить тягу человека ко всякого рода злу при несомненно распространённой его вере в торжество Добра? почему, наконец, Он там, наверху, терпит бесконечное насилие, нескончаемый обман, жестокость своих земных созданий? Разве, не будь в мире Зла, потеряли бы мы нашу чудесную способность к самоусовершенствованию? Чем, в конце концов, плохо жить в счастье, мире, покое, заниматься тем, что по душе, по уму? Зачем болезни, разврат, насилие? Почему (будто по чьей-то воле) мы так часто совершаляем то, что ломает, калечит нашу собственную жизнь?

Многие годы я дружил с Николаем Николаевичем Плавильщиковым.

В школьные годы (из Москвы) он поддерживал меня книгами, советами, отвечал на письма-вопросы; уверенno могу сказать, что это именно его поддержка позволила мне чувствовать себя нужным, растущим человеком.

Родился Николай Николаевич 17 мая 1892 года, я появился на свет 16 мая 1941-го. Николай Николаевич — знаменитый энтомолог, доктор биологических наук, автор множества умных книг, переиздаваемых до сих пор, я — школьник самого обыкновенного учебного заведения в городе Тайга (Кузбасс). Он окончил классическую гимназию, затем естественное отделение Московского университета, я учился в школе. В университете Плавильщиков работал в семинаре профессора Г.А.Кожевникова — своего учителя. Первую научную работу («Жуки-усачи Калужской губернии») студент Плавильщиков опубликовал в 1912 году, а к моменту окончания университета (1917) издал уже не менее полутора десятков серьёзных статей. С 1917-го по 1919 год он — ассистент кафедры зоологии, с 1919-го по 1921-й — учёный хранитель Зоологического музея МГУ. Всё это я знал из разных справочников, а что-то и от него самого. И всегда чувствовал, верил в то, что передо мной человек исключительный.

Казалось бы, так оно и должно идти.

Но в 1921 году (за двадцать лет до моего рождения — какие непредставимые цифры — Плавильщиков вынужден был уйти из МГУ и вернулся в стены университета только в 1941 году. Причина совершенно необычная, трудно представимая. Плавильщиков из револьвера стрелял в профессора Кожевникова и в его домашнюю помощницу; и тот, и другая получили тяжёлые ранения.

Объяснить разыгравшуюся трагедию сейчас трудно, невозможно, давно не осталось никаких свидетелей, да и сам я узнал обо всём случайно, через много лет после смерти Николая Николаевича — из сохранившегося в Санкт-Петербургском отделении Архива Российской Академии наук письма, отправленного профессором Кожевниковым своему другу энтомологу и географу А.П.Семёнову-Тян-Шанскому, сыну знаменитого русского путешественника.

«Дорогой Андрей Петрович, лежу в хирургической] лечебнице д-ра Бакунина на Остоженке, простреленный двумя пулями в голову и диктую письмо своей жене. Одна пуля засела в затылочной кости, не пробивши её глубоко, другая, ударившись под самым глазом о кость, рикошетировала в толще щеки и вышла в углу нижней челюсти, не повредивши ни одного крупного сосуда, ни одного нерва. Опалён выстрелом (почти в упор) левый глаз, в котором сильное кровоизлияние и повреждение роговой оболочки. Стрелял в меня, как это ни удивительно и ни ужасно, хорошо известный вам Ник. Ник. Плавильщиков, о работах которого по Cerambycidae вы были хорошего мнения. Как это ни странно, цель покушения на убийство было ограбление. Одновременно двумя пулями в голову ранена моя служанка, находящаяся] теперь в клинике. В газетах это сообщение было передано весьма неточно, а московские слухи создали совершенно фантастические легенды, которых[ые] могут дойти до Петрограда в ещё более искажённом виде, а потому я считаю полезным сообщить вам совершенно объективно изложенные события не только лично для вас, но и для широкого осведомления петербургского] учёного мира (а теперь и нашего). — Г.П.), в особенности моих добрых друзей и знакомых. Отделом животноводства Наркомзема было асигновано общество] Акклиматизации, коего я председатель, 1.700.000 руб. на нужды Измайловской] Опытной] Пасеки. Т.к. асигновка была не именная, то надо было указать какое-нибудь лицо, которое] общество доверяет получить, причём это должно было быть скреплено моей подписью, следовательно] нельзя было указать себя. Плавильщиков ежедневно бывал в музее, а получать деньги надо было в здании бывшей] городской управы очень близко от университета; ему я доверял, в частности его не имел сомнения; раньше он вполне благополучно получил для меня 170.000 р[ублей], и я не колеблясь выбрал его для получения 1.700.000 руб. Девятого сентября он предупредил меня, что на следующий] день деньги будут им получены, и я в начале второго часа дня, когда по моим соображениям он уже получил деньги из казначейства, отправился в лабораторию и спросил его, получил ли он деньги. Он сказал: "Получил". После этого мы обменялись несколькими замечаниями относительно книг, разборкой которых он занимался, а затем я сказал ему: давайте деньги. Он ответил: "Здесь неудобно, пойдёмте к вам". Предполагая, что предстоит длительный счёт, и что деньги имеют большой объём, я нашёл вполне естественным, что неудобно заниматься счётом денег в лаборатории, хотя мысленно несколько удивился, не видя у него в руках ни большого свёртка, никакой сумки. Потом оказалось, что деньги в чрезвычайно компактной форме лежали все в боковом кармане куртки, не выпячиваясь заметным образом. Совершенно спокойно прошёл я с ним через пустой музейский коридор второго этажа и пустую верхнюю залу ко мне на квартиру и вошли в мою библиотечную комнату, где я сел на диван спиной к окну, а он, стоя передо мной, вынул деньги из кармана, передавая мне 4 запечатанные] пачки (3*500.000 и 1 в 100.000), сказал: "Эти считать не нужно", и прибавил, передавая мне пятую распечатанную] пачку в 100.000 р.: "Эту сосчитайте". Это были зелёные 1000 р. нового образца, не бывшие в употреблении и, наверное, распечатанные специально для того, чтобы занять меня счётом. Пока я считал, он сделал несколько шагов по комнате и очутился сзади меня, так что я его не видел. Я слышал оглушивший меня звук и, совершенно не понимая, что случилось, спросил: "Что это?" Это был выстрел из револьвера мне в затылок, но я настолько был далёк от мысли

чего-либо подобного, что немедленно построил в своём воображении фантастическое представление, что у него в руках взорвался охотничий ружейный патрон, который мог оказаться в этой комнате. Быстро переменивши место, он сейчас же выстрелил в левую сторону лица почти в упор и моментально исчез из комнаты. Обливаясь кровью, я вскочил с дивана и тотчас же запер дверь на крючок, предполагая, что он может вернуться добивать меня. Деньги остались на диване, кроме последней пачки, кот[орую] я продолжал сжимать в руке. Я слышал крики и визг убиваемой горничной, потом всё стихло. У меня была только одна мысль: я могу истечь кровью, могу упасть в пустой квартире, и никто не придёт помочь мне. Тогда я взял линейку, разбил ею два оконных стекла (окно не было выставлено с зимы) и начал кричать во двор о помощи. Прибежало несколько студентов под окно, я выбежал в другую комнату, схватил полотенце, зажал рану на щеке, оставивши затылочную без всякого внимания, и выскочил во двор, прося о помощи. Побывал в гистологическом институте, рассчитывая найти там врача, видел много удивлённых студентов и студенток, не соображавших, чем они могут мне помочь. Откуда-то появились подозрительная вата и стакан с какою-то жидкостью, но я благородумно уклонился от помощи в такой обстановке, побежжал в другой двор вправление, отыскал экзекутора, сел вместе с ним в стоявший тут шарабан подрядчика, и мы поехали в лечебницу. Первая лечебница недалеко от ун[иверсите]та оказалась закрытой. Тогда я сообразил, что на Пречист[енском] бульваре в центр[альном] упр[авлении] охоты работает хирург Бакунин, лечебница которого неподалеку на Остоженке. У подъезда центр[ального] упр[авления] охоты мне пришлось, вызывая удивление прохожих, одной рукой зажимать рану, другой держать возжи, т.к. экзекутор побежжал искать Бакунина. Обе раны оказались стерильными. По рассказам очевидцев и по данным следствия, Плавильщиков по совершении преступления упорно не сознавался в нём, сочинил фантаст[ический] рассказ о несуществующем анахисте, кот[орый] был вместе с ним и, лишь благодаря искусному допросу следователя, сознался и указал спрятанный им в музее револьвер...»

Проведённая Всероссийской чрезвычайной комиссией по борьбе с контрреволюцией и саботажем при СНК РСФСР медицинская экспертиза отправила учёного хранителя музея Н.Н.Плавильщикова в психиатрическую клинику. Как ни странно, после обследования он был освобождён, а далее... опять преподавал общую биологию и зоологию, только не в МГУ, а в специальных и высших учебных заведениях, руководил биологической лабораторией Политехникума им.Плеханова, с 1933-го по 1941-й обрабатывал коллекции жуков-древесеков для энциклопедической серии «Фауна СССР», пока, наконец, в 1941 году не вернулся в МГУ; с Зоологическим музеем университета связана вся последующая его жизнь.

Как понять, как принять случившееся?

В моей голове узнанное никак не укладывалось.

Ведь именно Николай Николаевич открыл для меня прелесть мира, убедил меня в том, что Добра в мире больше, чем Зла, никогда ни на минуту не сомневался я в его личной доброте, остром внимательном уме, его письма, присыпаемые им книги, постоянное внимание позволили мне стать тем, кем я в итоге стал. Наверное, он писал мне свои замечательные письма из своей квартиры в Малом Товарищеском переулке — под звон недалёкого Донского монастыря. Представить не могу, что многие годы пряталось в его памяти, в его душе; сам Создатель, наверное, смущённо прикрывает глаза широким рукавом, стараясь не замечать того, что мы вершим друг с другом. Да и уверен я, что Николай Николаевич не раз возвращался к своей судьбе, не раз задумывался над посылками разрабатываемой теологами и философами так называемой теодицеи — теории «оправдания Бога». Тезисы её просты: Бог существует; Бог всеблаг; Бог всемогущ; Зло существует... любому должно быть ясно, что принять все эти перечисленные посылки возможно только при условии отказа от последней — четвёртой...

Или американский писатель Роберт Шекли.

Жизнь в литературе

Максим Гуреев

«Путешествие — старое слово»

Из будущей книги «Андрей Битов. Мираж сюжета»

Расконвоированный, или Остров Битова

Своё первое путешествие десятилетний Андрей совершил в Кореиз, вместе с мамой в 1947 году.

Начало было положено, и уже на следующий год состоялась поездка в латвийские Дубулты.

В 1949 году Андрей с бабушкой Александрой Ивановной, мамой Ольгой Алексеевной и братом Олегом побывали в Нальчике и на Эльбрусе. Это путешествие, как известно, влюбило Битова в горы «до беспамятства», привело к занятиям альпинизмом и поступлению в Горный институт.

В 1950 году приключилась Одесса, а на следующий год — Абхазия.

В 1952 году вместе с мамой Андрей проехал по Военно-Грузинской дороге.

А в 1953 году по Великой степи в загробное царство Эрлик Номун-хана на лошади Пржевальского отправился в последнее путешествие товарищ Сталин.

Сам же Николай Михайлович Пржевальский, чей предполагаемый портрет висел над кроватью Андрея, возложил при этом будущему автору руку на плечо, а другой обвёл бескрайние просторы отечества, как бы говоря при этом: сколь все-таки безгранична и непостижима ширь этой империи.

Вспоминая этот жест великого путешественника, Битов впоследствии скажет: «Первым, кстати, понял, что Россия — это империя, Пётр. И он назвал себя императором. И он был первым, кто догадался, что Россия — не страна, а континент... Как образовался этот континент? Откуда такое пространство? Я думал об этом всю жизнь».

Пожалуй, единственный способ осмыслить эту Ойкумену (ответить на заданные вопросы) — перемещаться по ней, совершать хождения, как бы сказали на рубеже XV—XVI веков, дабы самому стать частью овеществленного времени, выраженного в предметах и пейзажах, в перемене освещения, времени суток и времён года, в смешении антропологий, верований, традиций и стилей. Другое дело, что, начиная путешествие в поезде или на самолете, в автомобиле или на борту океанского лайнера, волей-неволей становишься участником некоего метафизического странствия внутри самого себя, обретаешь возможность находиться и в потоке событий, и над ним. Литературный критик Лев Аннинский утверждал, что Битов «больше путешествует по своей душе, чем по параллелям и меридианам».

С одной стороны, так оно и есть. Но с другой, только буквальное странствие, хождение или даже паломничество может родить ту самую «естественность»,

о которой в своё время говорил поэт, переводчик, эссеист Рид Грачёв, на которого, по словам Битова, «мы все смотрели с ревностью и восхищением», «естественность», без которой достижение «общечеловеческого», проживание текста не на потребу, а обыденно и даже рутинно, невозможно в принципе. Из книги Битова «Путешествие из России: Измерение III»:

«О несвободах в СССР сказано много, о свободах почти ничего. Каждый зэк пользуется той свободой в зоне, какую себе отвоюет. Если Советский Союз представлял собою гигантскую зону на одной шестой части света, огороженную железным занавесом, то внутри неё ты мог передвигаться <...> свободно. Границ не было. Были закрытые приграничные зоны и секретные объекты, но и туда было не так трудно попасть с командировочным удостоверением; удостоверение же такое несложно было раздобыть в любой редакции. Таким образом, если ты не зэк и не колхозник (допустим, это была половина населения), то есть расконвоированный гражданин, то мог передвигаться по Империи с завидной легкостью».

Свою «Книгу путешествий по Империи» «расконвоированный» Битов писал больше двадцати лет — Средняя Азия и Прибалтика, Башкирия и Абхазия, Русский Север и Грузия. Особое место в этом списке заняла Армения, с которой в 1967 году по сути и началось осмыслившее странствие автора по Империи. Именно в этом году после окончания Высших Курсов Сценаристов и Режиссёров (ВКСР) Битов приехал в Ереван к своему другу, прозаику и сценаристу Гранту Матевосяну.

Из «Уроков Армении»:

«Простор — категория национальная. Необходимое условие осуществления нации. Когда я смотрю на карту, на нашу алую простыню, я ощущаю пространство, огромное, но ещё не ощущаю простора. И если где-то в углу зажато пятнышко: болотцем — Эстония, корытцем — Армения, то какой же можно заподозрить там простор?.. И какое же удивление овладевает тобой, когда едешь по крошечной, с нашей точки зрения, стране и час, и другой, а ей всё конца и краю нет. Оказывается, есть горизонт, кругозор, и он ставит всему предел. Он и есть мир бесконечный. Есть то, что человек может охватить одним взглядом и вздохнуть глубоко, — это простор и родина. А то, что за его пределами, — не очень-то и существует.

Два полярных впечатления владеют мной.

В России что-нибудь да заслонит взор. Ёлка, забор, столб — во что-нибудь да упрётся взгляд. Даже в какой-то мере справедливым или защитным кажется: тяжко сознавать такое немыслимое пространство, если иметь к тому же бескрайние просторы <...>

И другое — арка Чаренца в Армении.

Отрог подступил к дороге, подвинул её плечом вправо, дорога подалась в сторону, легко уступая, но тут и справа появилось кряжистое плечо и подтолкнуло дорогу влево, дорога стиснулась, сжалась, застярла, увязла в отрогах — горизонт исчез <...> мы круто свернули с шоссе и со скрежетом въехали на горку. Арка на вершине приближалась и наконец заслонила собой всё <...> я прошел под арку и охнул. Боже, какой отворился простор! Он вспыхнул. Что-то поднялось во мне и не опустилось. Что-то выпорхнуло из меня и не вернулось.

Это был первый чертеж Творения. Линий было немного — линия, линия, ещё линия. Штрихов уже не было. Линия проводилась уверенно и навсегда. Исправлений быть не могло <...> Всё остальное, кажется мне, Бог творил то ли усталой, то ли изощрённой, то ли пресыщенной рукой. Кудрявая природа России — Господне барокко <...> Правда <...> диктуется только правдой. И правда этой книги в том, что, дописав её до середины, я обнаруживаю, что уже не в Армении и не в России, а в этой вот своей книге я путешествую. Пусть это даже некая фантастическая страна, домысленная мною из нескольких впечатлений по сравнению».

И ведь так и происходит освобождение, расконвориование (в нашем случае) сознания автора, когда из отдельных предметов, разрозненных впечатлений, несовместимых на первый взгляд пейзажей складывается «некая фантастическая страна», загадочный материк, не отмеченный ни на одной карте, тем более физической карте СССР, висящей над кроватью Андрюши Битова.

Речь, безусловно, идет об Империи в измерениях подсознательного, Империи вне времени и хронологии.

Например, «Уроки Армении» были закончены в 1969 году.

Через одиннадцать лет Битов окажется на Соловках, в месте, вне всякого сомнения, преждевременном, как и вся Россия.

Здесь, у подножия горы Голгофы, на соловецком острове Анзер, Битов сможет мысленно отмотать плёнку с отснятым материалом назад и допустить, что путешествие на остров произошло ещё до его поездки в Армению или одновременно с ней: Соловецкое восстание 1668—1676 годов, геноцид армян 1915 года, Соловецкий лагерь особого назначения (СЛОН) 1923—1933 годов.

Кадры монтировались в голове причудливо, по каким-то неведомым в классическом кинематографе законам, общие планы перебивались средними, средние — крупными, эпизоды выстраивались не по хронологии происшедшего, а по внутреннему состоянию, в котором пребывал путешественник.

Эпизод первый

Битов сидит на крыльце избы, что на Городках, это в южной оконечности острова Анзер.

Битов пеленает ноги в портнянки, укукливают их, как положено по уставу, и засовывает в яловые сапоги, которыми гордится: «Не промокают ведь, ноги не натирают и на солнце блестят изрядно».

Сообщает также, что это не кирза какая-нибудь солдатская, а настоящая яловичная кожа.

Затем встаёт и притоптывает на деревянной ступеньке, проверяет, хорошо ли сели.

Эпизод второй

Через Анзерское криволесье Битов выходит к Капорской губе, откуда начинается путь на Голгофу к Распятскому скиту, вернее, к тому, что от него осталось (во времена СЛОНа здесь находилась так называемая «командировка Голгофа», женское отделение и больничный стационар). Начинается дождь. Дорога медленно ползёт вверх, а потоки воды стремятся вниз. Яловые сапоги, облепленные глиной, разбухли, и каждый шаг дается всё трудней, но Битов не останавливается.

Эпизод третий

На дедовом столе лежит книга «Уроки Армении», изданная в 1978 году в издательстве «Советакан грох». Автор — открывает её и читает вслух: «Это был просто Гехард <...> Мы взбираемся вверх к древним пещерам-храмам, на первую ступень скалы, нижнюю нотную линейку. Входим. Время проваливается. Тесные, мелкие пещеры с закопчёными неровными стенами напоминают забой. Даже следы шпурков обнаружил я, бывший горный инженер. Грубые ниши для образов, мелкие чаши для жертвоприношений, узкий жёлоб для стока крови, древняя, немажущаяся копоть кровли — и свежевыцарапанные имена...

Какая скромность и величие веры в этих нищих каменных углах. Храм был создан самой природой, а пещеры — его алтари. Никакого нарушения природной гармонии, никаких вмешательств и модернизации естественного храма. Скажешь слово —

низким голосом откликнется скала, словно просыпается застывший в скале музикальный строй. Тут была только молитва, и праздно сюда не придёшь <...>

Эти пещеры — ключ к истории нации. Армян резали как “неверных”, но на самом деле их уничтожали именно за верность — земле, языку, Христу. Они теряли жизнь, но не теряли родины».

Эпизод четвертый

Битов входит в притвор Распятской церкви. Птицы тут вспархивают и забираются на перекрытия под потолком. Здесь повсюду — на облупившейся штукатурке, на изуродованных оконных рамах, на пересыпанных битым кирпичом обгоревших досках пола — нацарапаны имена, фамилии, даты.

Невольно начинает читать их и не может перечитать до конца, потому что список не уменьшается, а увеличивается, словно бы кто-то невидимый здесь и сейчас продолжает беззвучно ковырять ржавым гвоздём навсегда промерзшие стены, сорванные с петель двери и неведомо как сохранившиеся блёклые фрески.

С пробитой крыши льёт вода.

На лице святого Елеазара Анзерского в оконном проёме можно разобрать процарапанное — *1930 год Павлов*.

Кто этот Павлов?

Вопрос, на который нет ответа.

Эпизод пятый

Автор перелистывает материалы следственного дела № 885 «О контрреволюционной деятельности надзорсостава в лагерном пункте Анзер и на командировке Голгофа» от 1930 года: «Картина, которую я застал по прибытии своим на командировку Голгофа, была ужасна, название Голгофы вполне оправдывалось. В тесных помещениях, битком набитых людьми, стоял такой спёртый воздух, что само пребывание в нём продолжительное время казалось смертельным. Большая часть людей, несмотря на мороз, была совершенно раздета, голые, в полном смысле этого слова <...>. Я видел в окно, как из четвёртого барака голых людей в двадцатиградусный мороз гнали с горы вниз, к озеру, где находилась баня, и после бани обратно в гору. После этого часть из них попадала в лазареты. В день умирало до двадцати человек. Также я помню ужасную картину, когда из командировки Капорская, находящейся в трёх километрах от Голгофы, в морозный день, в феврале, гнали голых людей на Голгофу, в четвёртый барак» (после той поездки на Остров Битов задумал написать книгу о СЛОНЕ и посвятить её своему бывшему тестю Георгию Георгиевичу Шамборанту — узнику Соловков; Битов работал над материалами, но книгу так и не написал <...>).

Эпизод шестой

Дождь стихает. Надо возвращаться вниз, на берег, на мыс Кеньга, откуда на Большой Соловецкий остров будет уходить «мотор».

Битов выходит из церкви, следует мимо полуразрушенных деревянных построек, провалившихся и заросших кустарником лагерных захоронений. Думает о том, что путешественник, проходя мимо страданий человеческих, запечатлевает их в своём сердце. Как тогда, когда одиннадцать лет назад он оказался в Армении и впервые узнал о том, что произошло на этой земле в 1915 году.

«Многие свидетели рассказывают, что армян привязывали за обе ноги вниз головой и разрубали топором, как туши на бойне. Других привязывали к деревянной кровати и поджигали её, многие бывали пригвождены живыми к полу, к дверям, к столам», — теперь Битов знает эти слова наизусть, и здесь, на Анзерской Голгофе, они звучат особенно громко и пронзительно, со всех сторон звучат, тысячами голосов.

Оглядывается по сторонам, но никого нет.

Пусто.

До Кенъги ещё километров восемь пешком.

А яловые сапоги все-таки промокли...

...До Большого Острова Битов добрался уже затемно. Обещанный «мотор», конечно, не появился. Пришлось ждать рыбаков, и уже с ними через Железные ворота дошёл до Долгой губы, а там до монастыря подбросили лесники. Ехал и думал о том, что, наверное, он островной житель — Аптекарский остров, Соловецкий остров, — на карте пространство ограничено, вполне обозримо, но, находясь внутри этого пространства, начинаешь понимать, что его пределы весьма условны, потому как, пытаясь охватить их взглядом, обретаешь простор, натыкаешься на горизонт, беспомощно при этом грезишь об Империи, а она — вот она, тут как тут, торжественно не предполагает никаких границ, хотя они, конечно, гипотетически существуют, более того, они «на замке».

По крайней мере, когда в детстве лежал на кровати и рассматривал карту, приколотую к стене, видел их.

В ту поездку на Остров (летом 1980 года) Битов остановился в музейном общежитии, которое располагалось на территории Кремля в бывшем больничном корпусе при Филипповской церкви: печи в коридоре, дрова под лестницей, тусклая лампочка под потолком, скрипучий деревянный пол, дверь в храм, естественно, заколочена.

Когда добрался до койки, смог, наконец, снять сапоги.

Оказалось, что ноги стёр в кровь.

То ли портняки неправильно намотали, то ли сапоги подвели, то ли по-другому тут и быть не могло.

Вечером выпивали, конечно, беседовали, вспоминали...

Вот, например, Битов рассказывал о том, как служил в армии: «Я никуда не годился, был в очках, с неоконченным высшим, в общем, социально неподходящим элементом. Меня перекидывали из одного стройбата в другой. И только потом, вернувшись, я понял, что это были всё бывшие зоны, которые освободились из-под зэков, то есть я побывал в такой странной экскурсии по зонам».

По расконвоированным зонам совершил путешествие расконвоированный автор, словно бы пытался что-то понять о себе, окажись он здесь на несколько лет раньше в другом качестве, вдыхал этот лагерный воздух, эту сырость и гниль, как будто бы предвидел вопрос, который спустя годы ему задаст его крёстный¹ — писатель, переводчик, узник ГУЛАГа Олег Васильевич Волков: «Вы сидели, Андрей Георгиевич? Нет? Ну, нормальный писатель должен посидеть лет десять... Нет, много. Ну, пять».

В лагерях и тюрьмах Волков провёл 28 лет...

Битов выходил во двор и закуривал. Недоумевал: «Провести третью жизни в заключении (О.В.Волков умер в 1996 году в возрасте 96 лет) и не сойти с ума, оставаться при этом человеком, как такое возможно?»

Из книги Олега Волкова «Погружение во тьму» (Битов: «такая робинзонада нашего века»): «Общая камера не меньше одиночного заключения приучает уходить в себя, в свой воображаемый мир <...> Туда погружаешься так глубоко, что начинаешь жить вымыщленной жизнью. Отключившись от окружающего, рассудком и сердцем

¹ Насчёт того, кто был крёстным Битова, есть и другая версия — Олеся Николаева в эссе «Брат мой Битов» пишет: «Вот к этому архимандриту (грузинскому архимандриту Торнике) Чабуа Амирэджиби с Резо Габриадзе в начале восьмидесятых и привезли крестить Битова. Обоих он стал считать своими крёстными отцами. Так и говорил: «А у меня целых два крёстных отца!» Правда, с годами он заменил Чабуа на маму Торнике. Но все равно так и осталось: два крёстных отца» («ДН», 2021, № 7). — Прим. ред.

переживаешь приключения, уже не подвластные твоей воле. Это род сновидений, но без их нелепостей и провалов и, как и они, бесплодных.

И всё же это — чудесное свойство. Для заключённого — дар Провидения. Воображай себе невозбранно — солнечный мирный край, ласковое море, музыку, стол, за которым дорогие для тебя лица, или трибуну, откуда кто-то — может быть, ты, — неопровержимо доказывает гибельность злых путей <...> Можно пережить целый роман <...> Быв потревоженным и возвращённым к действительности, я спешил вернуться к порванной цепочке грёз. И вновь оживали знакомые лица, прерванные отлучкой разговоры, общения, милые сцены <...> И когда позади уже накопилось много тюрем, пересылок, лагерных землянок и бараков, я умел покидать их в любое время — среди камерного неспокойства, на тюремном дворе, у костра на лесосеке. Я переставал видеть то, что было перед глазами, слышать шум и уходил в свои вольные пределы. Нередко сочинял длинные обращения к человечеству — мне казалось, с каждым годом я могу сказать нечто всё более серьёзное и нужное, почерпнутое из познанной изнанки жизни. Я бился над рифмами, низал строки статей.

Со временем всё меньше заглядывал в будущее, а обращался к воспоминаниям. Прокручивал ленту назад <...> задерживаясь на отдельных вехах».

Ведь это тоже своего рода путешествие, бесконечное странствие, участником которого мог стать каждый, наделённый даром воображения.

Битов докуривал и возвращался в общежитие, с удивлением замечая, что эти слова его крёстного относятся и к нему.

И уже в конце посиделок провозглашал и по сей день хорошо известный на Острове тост: «За Соловки, чтобы они стояли, но на них не сидели!»

Расходились далеко за полночь.

В кромешной темноте монастырского двора можно было лишь с трудом разглядеть могилу Авраамия Палицына, проведшего на Соловках в заточении семнадцать лет и умершего здесь в 1626 году. На гранитный гроб опального старца падал отсвет от лампы-дежурки, горевшей над дверью бывшего больничного корпуса при Филипповской церкви.

На следующее утро Битов пошёл на экскурсию по Соловецкому Кремлю. Сделать это пришлось из вежливости: тем летом в музее работала его дочь Аня. Информация об архитектурных стилях, царях и настоятелях обители лилась ровно, доносилась откуда-то издалека, словно бы из глубин каменных мешков дворов-колодцев, пустых световых барабанов и замурованных крепостных башен. Но на словах «Великою яростию вскипели (стрельцы), смерти и казни различные уготовили: этих повесить завещали, одних за шею, других острым железом меж рёбер резали и на крючья вешали, каждого на своём крюке. Блаженные же страдальцы с радостью шею свою в петлю вдевали, иные же были за ноги повешены, иные же с радостью рёбра свои на прорезание подставляли», — Битов вздрогнул. Словно бы очнулся, услышав страшный гул, который ему уже доводилось различать на Анзерской Голгофе и при восхождении на Гехард, словно бы снова он поднимался по мокрой глинистой дороге куда-то вверх, повторяя про себя строки, рождавшиеся здесь и сейчас сами собой:

Протоптал дорогу к Богу,
Видно, трудную дорогу,
почти к самому порогу —
долгий путь.
Что-то — до конца маршрута.
Здесь ступени слишком круты,
очертания их смутны —
лёг передохнуть.

Евгений Абдуллаев

Весенняя раздача слонов

О поэтических сборниках 2022 года

Обычная, повторяющаяся из года в год ситуация: «зима подходит к середине», из журнала приходят напоминалки, сижу, обложившись книжками...

Так что возникает порой мысль завязать, наконец, с этими обзорами. Делаю их для «Дружбы» я уж давно, с 2011 года. И формат уже немного наскучил, и — главное — успел измениться контекст.

Где-то с начала нулевых издание поэтического сборника стало коммерчески бессмысленным. С начала десятых — бессмысленным с точки зрения литературного процесса: книги стихов почти перестали рецензироваться и отмечаться премиями¹.

С начала двадцатых выход этих сборников кажется вообще все менее осмысленным эстетически. Вопрос уже стоит не *на что издавать*, и даже не *для кого издавать*, а — *почему вообще нужно издавать*. Чем — кроме отчета о собственном поэтическом функционировании — является поэтический сборник сегодня?

И хотя их выходит не меньше, чем прежде, что-то в их издании меняется.

Стали замолкать известные поэтические серии. Только за прошедший год — закрылась «Воймега», на неопределенный срок застыла серия журнала «Воздух» (и ее «дочерняя» серия «Поколение»). Ничего не слышно о серии «ОГИ-поэзия».

Повлияли, разумеется, события прошлого года, перетекшие в нынешний. Если короновирус ударили по крупным издателям (локдаун парализовал книготорговлю), то «военновирус» — по издателям небольшим и маленьkim. А серьезную современную поэзию выпускают, в основном, именно они. Положим, попавшее «под санкции» типографское оборудование еще можно заменить каким-то китайским аналогом, но уезжающих сотрудников ничем китайским не заменишь. А малые издательства — это как раз «ты, да я, да мы с тобой»...

Но все это — скорее, повод. Причины лежат глубже.

Прежде полноценным поэтическим высказыванием был именно сборник стихов. Отпечатанный на бумаге, хранящийся в библиотеке (публичной или личной), читаемый и перечитываемый. Сегодня это — отдельное стихотворение. Возникающее в Сети и быстро в ней же исчезающее. Порой даже без имени автора.

В поэзии происходит маленькая революция — сходная с той, которая произошла в военной авиации. Прежде война в воздухе велась пилотами, среди которых были свои

¹ Можно, конечно, сослаться на «Московский счёт» и Премию Белого, которые вручаются именно за сборники стихов. Но все это было, скорее, длинным эхом более ранних времен, когда эти премии и были созданы: «Московский счёт» вручается с 2003-го, «Белочка» — вообще с 1978-го.

мастера, асы — в современной войне самолеты все более вытесняются дронами. И легче, и дешевле, и мастерство пилота не требуется, поскольку не нужен сам пилот.

Сходное ощущение и в поэзии. Словно небо над ней, в котором прежде демонстрировали высший пилотаж асы (и стремившиеся стать ими новички), теперь заполнили «дроны» — стихотворения, порой непонятно кем и откуда запущенные.

Так что сомнений, для чего продолжать писать эти обзоры, накопилось изрядно.

Все же решил пока не торопиться с прощальным поклоном. И этот обзор написать, а там посмотрим. Не хотелось бы встраиваться в длинный ряд всего закрытого-завершенного. А это, кроме уже упомянутого завершения «Воймеги», еще и закрытие авторской критической рубрики Сергея Костырко в «Новом мире», и критических колонок на сайте «Современная литература», и нескольких поэтических премий — включая самую крупную, «Поэзию».

Последнее и подтолкнуло к объединяющему сюжету этого обзора.

Поэтические премии. Только не реальные, а вымыщленные. Но которые, существуй они на самом деле, вполне могли бы быть вручены.

Такая вот полусерьезная-полуигровая «раздача слонов»¹. Без девушек, выбегающих на сцену с тяжелыми букетами, без музыки и фуршета. «Весенняя раздача» — учитывая, что номер с этим обзором должен выйти в марте.

За литературные заслуги

Геннадий КАЛАШНИКОВ. Ловитва. — М.: Летний сад, 2022. — («Плавучий мост») — 216 с. Тираж 500 экз.

Вадим ЖУК. 75. — М.: Воймега, 2022. — 86 с. Тираж 400 экз.

На книгу Калашникова «Дружба» уже откликнулась — в декабрьском номере вышла обстоятельная рецензия Елены Сафоновой. Но отметить «Ловитву» среди книжных поэтических новинок года все же стоит.

Книга, вышедшая в год 75-летия автора, — в каком-то смысле итоговая.

Калашников неторопливо и спокойно выкладывает перед читателем трофеи своей многолетней «ловитвы». Широк временной охват книги — ранние стихи датированы концом 60-х; и жанровый охват — кроме поэзии в нее вошла и автобиографическая проза. Имеется и солидное (на мой вкус, несколько излишнее) культурологическое послесловие.

Наконец, прекрасно типографское исполнение книги; удовольствие держать в руках. Тверда, весома и фактурна.

Весома и фактурна и сама поэзия Геннадия Калашникова.

О, жизни будние приметы —
весомость хлеба, прочность стен.
Рука касается предметов
неодинаково совсем.

Здесь что-то есть от рифмованья,
неуловимо слово тронь...
Вся суть поэзии — касанье,
она не зеркало — ладонь.

¹ Поскольку для младших читательских поколений крылатые выражения из диологии Ильфа и Петрова могут оказаться не очень и даже совсем не крылатыми — укажу источник. «Материализация духов и раздача слонов», из афиши с портретом Остапа Бендера «Приехал жрец!» («Золотой телёнок»).

Калашников, кажется, не столько произносит слова — сколько трогает их. Это ощущается и в его прозе. «...Было видно, как по вздувшейся за ночь реке сплошным потоком несутся льдины, порой медленно, с тугим усилием становясь на ребро и показывая влажную, сизовато-синюю прозрачную изнанку».

Так и слова в стихах Калашникова — движутся, точно льдины, неторопливо поворачиваясь и показывая себя с разных сторон. С самых ранних стихов, с «Купания в озере» (1967):

Для рыб я птица, а для птиц я рыба.
И озера мерцающая глыба,
растущая из бьющего ключа,
колеблема движением плеча.
Вода причудлива и каждый миг иная,
шершавая, угластая, прямая...

«Уверенное, динамичное течение речи, внятный, негромкий и в то же время звучный, хорошо слышный голос», — как точно написал о стихах Калашникова Эмиль Сокольский (Prosodia, 2019, № 10).

Возможно, в силу этой негромкости голос Калашникова по-настоящему не услышен. «Геннадия Калашникова везде печатают, но мало кто понимает, что он скрытый гений...» — приведу еще один отзыв, Светланы Василенко («НГ-Exlibris», 28 мая 2015 года).

К словам вроде «гений» я привык относиться с профессиональной осторожностью; но поэт, безусловно, недоуслышанный. И лучше даже, как кажется, понимаемый в контексте поэзии его ровесников, Кублановского и ушедшего в прошлом году Цветкова (оба родились в том же 1947-м, что и Калашников). Близких — при всей своей разности — в приверженности именно к философской линии в поэзии...

Раз зашла речь о литературных заслугах, стоит назвать еще один итоговый сборник, «75» Вадима Жука, вышедший в «Воймеге».

Жук — тоже 1947 года, отсюда и название, фиксирующее нынешний — юбилейный — возраст автора. И стихи в основном отобраны автобиографические.

Сперва сказала акушерка: «Парень».
Потом отец уволился в запас.
Потом червей в коробочку копали.
Потом седьмой. Потом десятый класс.
Кривые строчки. Тесные ботинки.
Над пропастью. Во ржи. Лавиной Блок.
Театр. Ещё театр. Полтинник.
Замеченный случайно ангелок.
Сосновый лес. Сплошное Бологое.
Куда-нибудь. Давай куда-нибудь.
И это утро. Бледное, худое,
Боящееся на себя взглянуть.

Если Калашников охотится за ускользающими мгновениями природного бытия («...блеск плотвы, плеск листвы, / шум травы-муравы, / гон твоей каждодневной ловитвы»), то трофеи «ловитвы» Жука — ускользающие мгновения собственной жизни.

Вообще, незаурядное поэтическое поколение — родившихся в конце сороковых. В прежние десятилетия слегка заслоненное «шестидесятниками», и лишь последние лет двадцать приходящее к читателю.

За оригинальное название

Всеволод КОНСТАНТИНОВ. Дугоме. — М.: Воймега, 2022 — 86 с. Тираж 300 экз.
Ксения КОВШОВА. Лёгкие. — Самара: Издательство Номер Пять, 2022. — 78 с.
 Тираж не указан.

«Меня волнует шорох слов, чей смысл мне непонятен», как писал Лев Лосев. Особенно, в моем случае, — в названиях стихотворных сборников. «Фифия» Чухонцева, «Умр» Янышева, «Тутырь» Сороки...

Да и вообще умение найти удачное, цепляющее заглавие — не менее важно, чем написание / составление самой книги¹. «Книга — мелочь, и лишь название делает всё» (Алексис Пирон).

«Дугоме» Константинова, конечно, далеко не «мелочь».

Цельная и насыщенная книга нечасто публикующегося поэта.

Как и Калашников, Константинов — поэт негромкий. Очень «воймеговский». Таких — без срываения голосовых связок, но с четкой артикуляцией и акмеистической точностью — в «Воймеге» любят публиковать (точнее, увы, любили).

Глядящий в пропасть театр,
где сцена, там провал —
какой-нибудь снаряд
кусок свой оторвал.

Тут развивался спор
строфы с антистрофой,
тут пел о смерти хор
и о себе герой.

Теперь открылся вид
на то, что есть внизу:
на зелень между плит
жующую козу,

на крыши городка,
где женщина ждала
не то чтобы века,
но дольше, чем могла...

У Константинова — обостренное восприятие места, видимого фрагмента пространства. Именно *видимого* — что, возможно, связано с его профессиональными занятиями кинодокументалистикой.

«Место» — одно из самых частотных слов в этой книге, повторяется раз девять — в разных стихах. «Место стеченья паломников в прошлом...» — «Неуютное место лес овраг...» — «Не моё, отчуждённое это место...»

Отсюда и название сборника. «Дугоме» — это просто «другое место», в устах девочки сросшееся в одно слово.

¹ Скажем, «Ловитва» — название и оригинальное, и удачное, а «75» — удачное, но не слишком оригинальное. Уже было «80» Николая Кононова (книга стихов 1980-х), и «10/30» (антология поэзии «тридцатилетних»), и «+39» у меня, грешного (тоже с обыгрыванием моего — тогдашнего — возраста)... Тот же прием и в названии книги Андрея Костинского «ЛI» (51 год), о которой будет сказано ниже.

дугоме — говоришь ты
я поднимаю тебя на плечи
и мы идём в другое место

Лирический герой не только послушно таскает свою дочку на плечах, чтобы найти «другое место», которое бы ее устроило, — но и сам, похоже, движется в поисках него. И, судя по стихам, порою находит. Этим «дугоме» может оказаться Италия — с «Римских стихов» начинается сборник. И Франция, и Армения. И, разумеется, Россия.

И вторая важная линия книги. С местом, *топосом* в ней почти всегда соседствует *эрос*.

Ты возникала всплохом, кустом
и, обжигая, исчезала снова.
И оставляла в воздухе пустом
«спаси меня» — два оголённых слова.

Вообще, хорошо бы написать о современной любовной лирике отдельный очерк. А то всё как-то о социальной и политической.

...И еще одно название сборника, показавшееся мне удачным — «Лёгкие» самарской поэтессы Ксении Ковшовой. Удачным в своей плодотворной двусмысленности: здесь отсылка и к *легкости*, и к органу дыхания, а значит — и к самому дыханию.

и мы перестанем быть сердцем и мозгом, закончим танец, игру и бунт,
но можно всегда быть лёгкими и смеяться
этого не отберут

Иное поколение (Константинов — 1972 года рождения, Ковшова — 1993-го), иная — близкая к рэпу — поэтика.

Прошли времена диссиденций и диких танцев,
ты носишь под ранцем панцирь, под панцирем — новый панцирь;
сценарий составлен — грамотен и безукоризнен:
ты вырос в цене, стабильности и цинизме.
<...>
бежит через пальцы жизнь — не собрать в бутылку,
и волосы треплет ветер на выгоревшем затылке,
но рано вставать, да и всё теперь вне закона —
ты дремлешь в метро в будний вечер в углу вагона...

Впрочем, и лирическая героиня Ковшовой тоже наполнена этим пространственным беспокойством, укусом топоса. Всякое место ненадежно и, не исключено — опасно («здесь больше нет безопасного места / где можно спокойно / всю ночь»).

Остается, действительно, одно — быть *лёгкими*.

Премия имени Ходасевича

Евгений НИКИТИН. Скобки. — М.; СПб.: «Т8 Издательские Технологии» / «Пальмира», 2022. — («Пальмира — поэзия»). — 84 с. Тираж не указан.

Олег ДОЗМОРОВ. Хорошие песни. — М.; СПб.: «Т8 Издательские Технологии» / «Пальмира», 2022. — («Пальмира — поэзия»). — 154 с. Тираж не указан.

Такой премии, насколько знаю, нет. Но влияние Ходасевича на современную лирику довольно заметно. Настолько, что его иногда даже плюсуют к хрестоматийной четверке Ахматова-Пастернак-Цветаева-Мандельштам. Хотя плюсуется он к ним плохо.

Ходасевич влияет своим как бы антиромантизмом. «Как бы», поскольку от романтизма, с его зацикленностью поэта на своем «я», Ходасевич отходит совсем недалеко. «Я, я, я! Что за дикое слово! / Неужели вон тот — это я? / Разве мама любила такого, / жёлто-серого, полуседого / И всезнающего, как змея?» («Перед зеркалом»).

Этот своеобразный антиромантизм (а по сути — романтизм, только вывернутый наизнанку) в отношении своего «я» дополняется де-романтизацией окружающего мира. Он предельно прозаизируется, сводится к быту, к тихому аду повседневности.

Эта поэтика хорошо ложится на эпохи исторического бывременья. И находит отклик в поэзии этих эпох. Значительно больший, чем названная четверка поэтов — они всё же были поэтами с мощным чувством исторического времени.

Поэтому интонации Ходасевича возникают в позднесоветском бывременье у Гандлевского. Поэтому они заметны в поэзии где-то с конца нулевых, когда время снова слегка забуксовало.

Евгений Никитин — наверное, один из наиболее интересных и талантливых наследников Ходасевича. Не уверен, что это наследование он осознает — как осознает и рефлексирует свое, например, Гандлевский. Но по сути — все тот же монолог «перед зеркалом», с внимательным и печальным разглядыванием своего «я».

Трепал я много языком,
и стёрся мой язык.
Вращал я много кадыком
и вывихнул кадык.

Стоит в траве моё лицо
без сущностных примет,
как будто брошенный предмет,
похожий на предмет...

Или в другом стихотворении:

С тех пор как стал я нелитературный,
обычный человек,
с меня сошёл налёт культурный,
как жидкий снег...

Лирический герой Никитина и сам Никитин — понятно, не одно и то же (хотя зазор между ними и узок). Никитин — человек вполне литературный и с культурностью у него всё в порядке. Здесь важны не те эпитеты, которыми поэт наделяет это «я», сколько сам антиромантический жест. Когда на месте поэта-пророка, поэта-певца оказывается его безгласный, почти бесформенный антипод:

Непонятно, что сказать.
Отвалилась говорилка.
И становишься опять
недотыкомка, мурзилка.

Или того хлеще:

Я не знаю, кто я — человек
или тень, бегущая по стенке.
Близоруко я таращу зенки:
капитошка, нежить, имярек.

В какой-то момент от этой крошащейся субъектности, от этих претензий к своему «я» начинаешь немного уставать. Мне — так ближе те стихи, где поэт отходит от зеркала и в кадр попадает кто-то другой. Например, жена: «С тех пор как мы живём в кредит, / жена на ёрдочке сидит / и смотрит не мигая. / Она уже другая». Или кот Зюся из самого бесхитростного, но самого (для меня) запоминающегося стихотворения из «Скобок».

Умер Зюся потому... Да нипочему.
Просто не могли ничем мы помочь ему:
не хватало нам любви, не хватало сил,
и обиду, как болезнь, он в себе носил.

Всё-то жался, прятал хвост, нычки по углам.
Получал сухой пайк с горем пополам.
Старший кот его гонял и ложился спать
на кровать. А Зюся шёл только под кровать.

Тесно было впятером: маленькая дочь,
я, жена и два кота, некому помочь.
Я оправдываюсь так. Только видит Бог:
просто я недолюбил, вот и не помог.

...И еще один поэт этой же — ходасевичской — линии: Олег Дозморов, сборник «Хорошие песни».

О сродстве лирического героя Дозморова с лирическим героем Ходасевича еще десять лет назад подробно писала Людмила Вязмитинова, отзывааясь на его предыдущий сборник «Смотреть на бегемота» («Новый мир», 2013, № 7); для нее, правда, это сродство было, скорее, достоинством.

Что ж, и для меня это — не недостаток; все зависит от поэтического результата. Свои претензии к поэзии Дозморова я изложил в отзыве на тот же сборник («Дружба народов», 2013, № 4) — возможно, даже слишком резко. И хотя большую их часть могу адресовать и «Хорошим песням», дважды входить в одну и ту же «ругательную» реку смысла не вижу. Стоит отметить и достоинства. Более широким стал словарь: за счет обильного введения в него жаргонизмов, а также различных имен и реалий, и не только литературных — как в предыдущем сборнике — но и из массовой культуры, новостной ленты. Более широкой стала палитра чужих голосов, интонаций.

Я давно работаю в «Пятёрочке»,
до неё горбатилась в «Магните».
Продаю «Сибирскую», «Три корочки»,
«здравьте» говорю и «извините».

С августа тут тип один наладился,
творог покупает, шоколадку,
странный только: никогда не тратится,
ну, свинью максимум лопатку.

Грустный он какой-то. Слишком вежливый,
от колечка след на безымянном.
Не придет сегодня — ну и к лешему,
перейду в «Монетку», что в Гончарном.

Пусть слегка напоминает вариацию на старый пугачевский шлягер («Настоящий полковник»), но почему бы нет? Сборник ведь и называется — «Хорошие песни».

Моя «Русская премия»

Александр КАБАНОВ. Исходник. — Израиль: Книга-Сефер, 2022. — («Вольное Книгопечатание»). — 182 с. Тираж не указан.
 Андрей КОСТИНСКИЙ. Л. — М.: ЛитГОСТ, 2022. — 66 с. Тираж 100 экз.
 Ганна КОМАР. Мы вернёмся. — М.: UGAR, 2022. — 62 с. Тираж 300 экз.
 Ирина ГУМЫРКИНА. Изнанка снега. — М.: Формаслов, 2022. — 104 с. Тираж 200 экз.
 Ануар ДҮЙСЕНБИНОВ. Рухани Кенгуру. — Алма-Ата: MUSA, 2022. — 160 с.
 Тираж 500 экз.

«Русская премия» существовала, напомню, с 2006 по 2016 год и вручалась русским литераторам, живущим за пределами России¹.

Поэтому эту «слонораздавательную» номинацию назову «Моя “Русская премия”». И, поскольку пишу для «Дружбы народов», отмечу сборники нероссийских поэтов из постсоветского пространства (которое традиционно окормляет этот журнал).

Начну с Украины — Александра Кабанова² и менее известного харьковского поэта Андрея Костинского.

«Исходник» Кабанова — пожалуй, самая сгущенная его книга. И по настроению, и по образному ряду, и по публицистическому пафосу. «Исходник» — от слова «исход»; *исходник* — беженец. Понятно почему и понятно откуда.

Из стихотворения «Кто отдал в переработку...» (с аллюзией на «Джон — ячменное зерно» Бёрнса):

Кто отдал в переработку
яблони озимый плод,
солнце, озеро и лодку,
кто пустил меня в расход?

Не заметив тонкой грани
между льдом и кипятком,
может, родина, по пьяни
гибельным прошлась катком?

Не спеша утрамбовала
в землю, в свежее говно,
чтоб меня осталось мало:
саша — хлебное зерно.

.....
В ожидании предтечи
буду на исходе дней
тайной рода, частью речи,
веткой яблони твоей.

¹ Вначале — в Средней Азии и Закавказье, потом — уже шире, в постсоветских государствах (кроме России), и наконец — вообще всем русским литераторам за пределами России. Последнее расширение премию, на мой взгляд, несколько «размыло».

² Кабанов, кстати, единственный из перечисленных в этой номинации авторов, получивший настоящую «Русскую премию».

«LI» Костинского значительно «спокойнее»: возможно, потому, что, как сообщается в аннотации, в него вошли «стихи, написанные преимущественно в 2019—2021 годы». Но дело, возможно, не только во времени написания: иная поэтика. Чуть приглушенный, минималистичный верлибр.

Стихотворение «Снимок»:

солнце
завёрнутое волной
распрямляется
на берегу

отпечатки следов
к себе

покажи
где живёшь

где умру
без

В «Мы вернёмся» белорусской поэтессы Ганны Комар — снова тема исхода. На этот раз — из Белоруссии. В сборник вошли двадцать стихотворений, написанных на основе историй тех, кто покинул страну после событий 2020 года. Одни — по-белорусски, другие — по-русски.

новый дом
поставили сумку
новый дом
пошли в магазин
новый дом
прислушивалась к шорохам
новый дом
мне снилось как их избивают
новый дом
читала новости
новый дом
я и не уезжала никуда
пахло деревом
понемногу нравится

Политическая повестка входит и в стихи казахстанских поэтов. В «Изнанке снега» Ирины Гумыркиной — наряду с тонкой и элегической лирикой — несколько поэтических откликов на прошлогодние январские беспорядки в Алма-Ате.

Этот город увековечен
В «Шаныраке» и «Ақбулаке»,
В кетлинге и кибербуллинге,
В «Сулпаке» и реновации,
В исчезнувших трамваях,
Исчезающей мозаике,
В сгоревших памятниках
Советской архитектуры.

В январском тумане
Скрывается нечто ещё...

Дебютный сборник Ануара Дуйсенбина — тоже о любви и о политике, но о политике — больше. «Рухани Кенгуру» обыгрывает название амбициозной программы

«Рухани Жанғыру» («Духовная модернизация»), принятой в Казахстане в 2017-м при Назарбаеве¹...

из западной европы в западный китай
скачет наш маленький бежит наш қішкентай
и в холод и в жару и в гору и в дыру
вывозит все невзгоды Рухани Кенгуру

hey honey я умру когда-нибудь умру
но дух поскачет в степь я Рухани Кенгуру
проскачет все сопелья духовных қаңғыру
ептеп и *step by step* я знаю жанғырнусь²
я верю в силу руха поэтому вернусь...

Отдавая должное этой веселой поэтической изобретательности, я все же выделил бы другие стихи этого сборника — условно автобиографические, с детскими и отроческими реминисценциями. «Бабушке, в дорогу», «Когда мне было десять я заболел...», «Я услышал стрельбу когда сидел...».

Завершая разговор о сборниках казахстанцев, назову еще три книги. «Некоторые отрывочные сведения» Марии Вильковской, «Чирк» Ксении Рогожниковой и «Город крадёт мёртвых» Каната Омара. От «премирования» их воздержусь — по чисто формальным причинам. Сборник Рогожниковой вышел в 2021 году, но попал ко мне только в прошлом; книга Омара помечена уже 23-м, а Вильковской — хотя издана и в «отчетном» 22-м, но ко мне пока не попала³.

Теперь, после того как все основные «слоны» разданы, кратко упомяну — как это обычно и делаю в этих обзорах — сборники, которые также заслуживают внимания; возможно, даже не меньшего. Нельзя объять необъятное, и о чем-то приходится говорить вот так, впроброс, бегущей строкой.

Небольшая партия «слонов» у меня припасена и для этой многочисленной группы. Просто вручаться они будут не авторам, а издателям, продолжающим — вопреки всему — издавать серьезную современную поэзию.

За поддержку современной поэзии

Начну с книжных серий. Немало интересного успела выпустить перед закрытием «Воймега». Кроме уже упомянутых сборников Жука и Константина это — «Небо в первых» Юлия Хоменко, «Остролист» Галины Нерпиной⁴, «Вещь человечья» Элины Суховой, «На фоне белого» Юлии Крыловой. А также двойной сборник Андрея Полякова «Эвакуация» и «Радиостанция “Последняя Европа”». Красная книга».

Из «Вещи человечьей» Суховой:

Какую выбрать — эту ли, из прежних,
Когда и плёнке, и бумаге знали цену
И вежливо друг к другу наклонялись
С улыбкой напряжённой, аккуратной,
Пока фотограф птичку выпускал?

¹ Приблизительно тогда же и был написан цикл, давший название сборнику.

² *Кішкентай* — маленький, қаңғыру — скитаться, *ептеп* — понемногу. Дүйсенбинов часто включает в свои стихи казахские слова; в конце сборника дается небольшой словарик.

³ «Чирк» вышел в алматинской «ОЛША» («Открытая литературная школа Алма-Аты»), сборники Вильковской и Каната — в екатеринбургской серии «InВерсия».

⁴ См. рецензию Александра Климова-Южина «Изобретение паруса»: «ДН», 2022, №8. — *Прим. ред.*

Или из этих, новых, моментальных,
 Глядящих из винтового окошка,
 Расхристанных, взъерошенных, чумазых,
 Вполоборота, ворот нараспашку,
 Рот приоткрыт и волосы торчком?
 Какую выбрать, чтобы ты, свободной
 Бесплотной тенью мимо пролетая,
 На памятник взглянул: «Ну что же, что же...»
 Присвистнул датам: «Эх, летит же время!»
 И фотографии кивнул: «Похож, похож!»

Следующий «слон» — активно работающей «Пальмире-Поэзии».

В ней кроме Дозморова и Никитина вышли Александр Бараш («Чистая радость»), Сергей Круглов («Лирика»), Андрей Чемоданов («Неуклюже»), Юрий Цветков («Выбранные места»), Сергей Завьялов («Оды. 1984–1990»), Игорь Иртеньев («Жили-были-поживали»)... А также довольно неожиданный Владимир Козлов («Техники длинного дыхания»), у которого после чистых, на грани прозы, верлибров возникли рифмованные стихи.

Частный человек,
 победитель холодной войны,
 сделав лицо,
 гордо бредёт вдоль проезжей части.
 Это раньше считалось,
 что желанья его срамны, —
 теперь же он частный.
 Частный.

Он занимается страхованием,
 ездит в галстуке по хоромам.
 В этом месяце он
 эффективнее, чем сосед.
 Ну а дома он слушает
 «Гражданскую оборону»
 и не ходит на выборы:
 его кандидат — «против всех».

Продолжают нести свою трудовую вахту на ниве поставангардной поэзии московские серии «Новая поэзия» (издательства «Новое литературное обозрение») и UGAR и екатеринбургская «InВерсия» (издательства «Кабинетный учёный»).

В «Новой поэзии» вышли «Флажок» Андрея Родионова, «Ненадёжный рассказчик» Данилы Давыдова, «Птица разрыва» Григория Стариковского...

В «InВерсии», кроме сборника Марии Вильковской — «Ещё один опыт сияния» Любы Макаревской, «Эти прозрачные колокольчики» Евгения Ивачевского...

В UGAR кроме Ганны Комар — поэма Геры-Ангелины Пухановой «Хорошая мать» (краткие подневные записи периода беременности и первого года материнства, записанные в столбик) и «Длись» Ольги Туркиной. Из «Длься»:

Смотрю то вдаль, то в близь
 Сквозь замутнённые морскими каплями солнечные очки

Моё отрочество — это покинутые цветные игрушки
 На пустом сером пляже залива

«Русский Гулливер» выпустил «Запасные книжки» Владимира Гандельсмана, «Сверкающую усталость» Натальи Явлюхиной, «Книгу Герцогини» Фаины Гrimберг; в близком «Русскому Гулливеру» издательстве «Квилл Пресс» вышло «Прощание

с Кьеркегором: вариант единицы» Андрея Таврова. В тель-авивском издательстве книжного магазина «Бабель» — «Орковы поля» Юлия Гуголева.

В «ЛитГОСТе» кроме «LI» Костинского — «Нерчь и заречь» Армана Комарова и мемориальный сборник рано ушедшего поэта Леонида Шевченко «Забвению в лицо»¹.

В книжной серии «Формаслова» (в которой вышел сборник Ирины Гумыркиной) — «Хорошо забытое» Феликса Чечика и «Где золотое, там и белое» Евгении Джен Барановой; из Джени Барановой и процитирую (в чем-то перекликающееся с «документальными стихотворениями» Ганны Комар):

И зачем им нас убивать
у нас такие же пальцы
у нас такие же волосы
мы говорим на этом же языке

И зачем им нас убивать
в нас нет ничего такого
и мало чего осталось
разве что вот возьмите
но это не дорогое

И зачем им нас убивать
мы просто поедем дальше
они такие же люди
Поедем родная дальше
к винограду и табаку

Они такие же люди
Мы просто поедем дальше
Сейчас мы положим вещи
и мигом в горячий душ

В «Стеклографе» вышло, как всегда, очень много; из более-менее понятного — «Оттиск» Валерия Черешни, «На котмодроме Байкомур» Инны Домрачёвой и «Око» Валентины Фехнер (названной Борисом Кутенковым в числе двадцати лучших дебютантов 2022 года в поэзии²).

Столь же активно и многокнижно работают «СТИХИ» — но, я уже на это как-то сетовал, ни одного вменяемого списка, что оно издало за год, у этого издательства нет, а отслеживать его разнообразную издательскую жизнь по соцсетям — для человека, не вовлеченного в нее, — занятие довольно нудное.

Впрочем, хотя бы небольших «слоников» заслужили и эти два издательства, работающие на стыке вполне профессиональной поэзии и полупрофессиональной.

И, в завершение — книги, вышедшие вне поэтических серий.

В «ОГИ» издали «Уроки латыни» Демьяна Кудрявцева. Двадцать одно стихотворение с названиями из латинских крылатых выражений, и вторая часть, озаглавленная «И другие стихотворения». Мне показались интереснее «И другие...» (в «латинских» ощущалось слишком много «цветкова»). Из «других» и процитирую:

я родом из тех кто читал на ходу
и в медную дул на линейке дуду
из тех кто потом начитавшись исхода
сменил континент в девяностом году

¹ См. рецензию Валерия Шубинского «Время быстрое и время неподвижное»: «ДН», 2022, № 12. — Прим. ред.

² 20 лучших дебютантов 2022 года в поэзии. Выбор Бориса Кутенкова // Сайт «Формаслов». 1 декабря 2022 года. (<https://formasloff.ru/2022/12/01/20-luchshih-debjutantov-2022-goda-v-rozejii-vybor-borisa-kutenkova/>). Возможно, как дебют это действительно интересно; пока большого воодушевления от стихов Фехнер не испытываю, а дальше — посмотрим.

я всякую пил по подъездам бурду
испытывал тягу к ручному труду
теперь если мне позволяет погода
я вдоль побережья неспешно бреду

.....
я знаю на небе такую звезду
что светит неярко не в первом ряду
но видно при свете её невеликом
всех птиц что спускаются к гнёздам в саду

и слышно как тихо растёт земляника
и стыдно как будто есть место стыду

Что еще не упомянул? В «Б.С.Г.-Пресс» вышел «Универсум» Сергея Бирюкова. В «Издательстве К.Тублина» — «Кукушкин мёд» Аллы Горбуновой, в «Редакции Елены Шубиной» — «Бессмертная стрекоза» Дмитрия Воденникова (два последних оксюморонных названия тоже хороши...).

В «У Никитских ворот» — «Это то» Дианы Никифоровой, о которой, на мой взгляд, незаслуженно сурово написал в «Лёгкой кавалерии» Андрей Фамицкий: «это не поэзия, а очень плохие стихи»¹. Это, рискну утверждать — поэзия; несколько солипсичная, но интересная и запоминающаяся по интонации.

Я маму держала за руку,
И на нас падал снег.
Снежинки просились за пазуху,
Мой шарф отвечал им «нет».

Я ловила, лавирия,
Губами кристаллы воды.
Мне казалось, так медленно
Летят они с высоты.

Я пыталась втянуть в себя
Свои 25 килограмм,
Чтоб, наступая на корочку,
Не сделать больно снегам...

В «ТЦ Среда / Пряхин В.К.» вышли «На глубине промерзания. Нечто вроде поэмы» Анны Голубковой² и «Субъективъ» Николая Мелешкина. Последний является скорее проектом — кроме текстов Мелешкина в него вошли стихи еще двенадцати других стихотворцев.

В новой книге Арсения Ровинского «Сева не зомби» (издательство «POETICA») — всё тот же знакомый и ценимый многими (включая и меня) поэт, мастер складывания из фрагментов чужих речей, биографий, быта — неожиданных и ярких стихов.

¹ Фамицкий А. Об ошибке Бориса Кутенкова // Сайт «Вопросы литературы». 8 августа 2022 г (<https://voplit.ru/column-post/ob-oshibke-borisa-kutenkova/>). Фамицкий полемизирует с Кутенковым, написавшим предисловие к сборнику Никифоровой; труд, на мой взгляд, напрасный. Предисловия к сборнику живущего поэта — жанр предопределенно-комплиментарный и поэтому не относящийся в строгом смысле к литературной критике. Спорить с ними — все равно что возражать на юбилейные речи... С другой стороны, лучше, конечно, вообще не обкладывать тексты живых поэтов никакими «предисловиями-послесловиями».

² Это «нечто вроде поэмы» выходило в самарском журнале «Цирк “Олимп” + TV» в 2016 году. Теперь — в виде книги, в сопровождении двух предисловий и одного послесловия... По поводу предисловий и послесловий — приглашаю заглянуть в предыдущую сноску.

Гарик Ашотович не проблема
и Лёва и даже батумские не проблема
мы все как бы родственники
только Белла проблема
пока я могу говорить пообещайте что Белла
никогда не узнает подробностей этого дела
о брынзе о помидорах об этом нашем позоре
о битом стекле перемешанном с красным болгарским перцем
всю историю о дешёвых консервах
из Димитровграда

Из вышедшего за пределами Москвы упомяну еще примечательный сборник Алёны Бабанской «Медведи средней полосы» (Екатеринбург, «Евдокия»)¹. И вышедшую в питерском «Поэтустороннем» дебютную книгу Алины Сахарчук «Нераспакованым нутром». У Сахарчук несколько депрессивные стихи, что само по себе не плохо; хуже, что в этой депрессивности немного однообразные. Опять же, там, где происходит выход из скорлупки своего «я» в жизнь, социум, историю,— возникает нечто интересное.

маленькая строгая женщина с выразительными бровями
смотрит на меня по ту сторону перекрёстка
светофор загорается зелёным — столкновения не избежать
тихо но уверенно спрашивает: «девушка вы мусульманка?»
с обязывающим ожиданием просит о помощи
«есть ли поблизости ювелирный?»
невнятно машу руками не давая себе возможности промолчать
не давая себе возможности не знать ответа
при этом чувствуя только
ледяные капли — заползают за ворот куртки
и становятся ручьём позвоночника

И — last but not least — две поэтические антологии.

«Поэзия последнего времени», составленная Юрием Левингом и вышедшая в издательстве Ивана Лимбаха; социальные стихи 126 авторов. «Всех их, — как сказано в предисловии, — объединяет искусство поэзии как опыт осмыслиения коллективной травмы». Что ж, травма сейчас в тренде, особенно — коллективная...

И вторая, менее амбициозная по замыслу — «Свободные стихи. Антология современного иркутского верлибра», составители — иркутские поэты Артём Морс и Светлана Михеева. И число авторов поменьше, и тема менее «травматичная» (впрочем, стихи без рифмы и размера тоже для кого-то могут быть «травмой»).

Удачная, профессионально составленная антология — хотя для чего нужно сегодня устраивать отдельный загон для верлибра, я так и не смог понять — ни из нее, ни из вышедшей годом раньше антологии «Современный русский верлибр»²...

Из подборки верлибров Александра Журавского:

мы выходим из царства живых
на левом запястье твоём — лилия
пчела — на моём плече

мы выходим из царства живых
мой дом — обгорелая глина
твой — обветренный мрамор

мы выходим из царства живых
литые воедино как боги
две капли воды

На этом ставлю точку; все слоны разданы, все духи материализованы.
Будем читать книги 2023 года. А там — посмотрим.

¹ Сборник вышел в прошлом году, но помечен 2023-м, — поэтому разговор о нем отложу до следующего обзора (если состоится).

² О которой мне приходилось писать («Дружба народов», 2022, № 4).

Александр Чанцев

Стеклянные самолёты внутри, или Трипы с Эрнстом Юнгером

Новый выпуск рубрики *non-fiction Pro* продолжает цикл, начатый в прошлых номерах¹. И если объединение в этой статье столь разных работ — об истории религии, о шаманах сибирских и мексиканских, трактат Теренса Маккенни о сакральных энтеогенах, мемуары Альберта Хоффманна и сверхэкспериментальный роман Джеймса Балларда — может показаться и «преступным волюнтаризмом», то в пределе речь идет все об одном и том же. Об альтернативном религиозном и иных путях, механизмах восхождения к в общем-то единому во всех верах — не широких проспектах официальной религии, но о тайных, зачастую маргинальных лесных тропках в духе Хайдеггера и Юнгера. Однако столь ли справедливо противопоставлять, называть аутсайдером и отправлять в андерраунд то, что — вроде тех же шаманских практик, сходных, как оказывается, в Сибири и Мезоамерике — вообще может похвастаться более солидным возрастом и завидной жизнестойкостью и бодростью, чем сама религия как таковая? Впрочем, о том, как сложно приходится в наши дни торжеству утилизирующего глобализма и мягкой тоталитарности модерных обществ² и дорелигиозным традициям, и религии, со всей страстью и горечью расскажут уже не шаманы, а мыслители модерной эпохи — контркультурный борец Маккена, психоделический мессия от науки Хоффманн и интровертный фантаст Баллард.

За годы он приобрел большие знания, вел дневник своих экскурсий. Небольшая библиотека по соседству со студией состояла частично из травников и медицинских книг. <...> Он отправлялся в путешествия, полные открытых, во вселенную своего разума.

Эрнст Юнгер. Гелиополис

Космическая работа над возможностью

Уильям ДЖЕЙМС. Многообразие религиозного опыта. Исследование человеческой природы / Пер. с англ. В.Малахиевой-Мирович, М.Шик. — М.: Академический проект, 2022. 415 с.

Новое издание³ главной книги Уильяма Джеймса, психолога, философа, старшего брата Генри Джеймса. В которой — интересно все. Даже и не знаешь, с чего начать. Наверное, с жанра. Это не теологический трактат. Да, работа научная, но — в таком несколько старомодном и милом духе, как сейчас читаются научные изыскания

позапрошлого века. При этом — об этом чуть позже — она крайне современна. Склоняясь — хотя как измерить? по количеству примеров можно, наверное, — к жанру работы по религии, она говорит о религии языком психологии. Религиозная психология, даже можно сказать. Вообще же, по характеру своему она скорее то, что сейчас называют модным словом «междисциплинарность». А выди «Многообразие религиозного опыта» в наши дни, его скорее всего прочли бы как такое вольное эссе. Или даже скорее издали бы в какой-нибудь серии научной литературы. Но тут, при формальной близости, будет уже действовать дефиниция через отрицания. Потому что большинству научной работ в наше время, какими бы блестящими они ни были, свойственны чаще всего два момента — это проведение какой-то идейной линии и обязательное почти наличие личного опыта и отношения (шуточек и хохлований, в худшем случае). А ничего такого у Джеймса нет и в помине. Но, не припечатывая финальным определением, будем иметь в виду все эти ракурсы.

Тем более что если не по духу, то по материалу, фактуре — да, книга близка к научному. Совсем не забрасывая читателя разными яркими фактами, фактами и достижениями, Джеймс приводит множество свидетельств — как из жизни простых людей, так и святых, аскетов. Но его интересуют не факты, не история, а — очень тонкие, *subtle* (английское слово и своим звучанием тут передает эфемерность) материи. Если очень грубо, то — как функционирует религиозное сознание. На какой среде появляется, что дает (или отнимает), как меняет восприятие и жизнь человека. Невозможность измерить все это «алгеброй» он прекрасно осознает: «Неужели же этот опыт, вопреки доставленным им результатам, является только объективным восприятием вещей, созданием человеческого воображения? Я подхожу, таким образом, ко второму вопросу: в чем состоит объективная «истина» содержания религиозного опыта? Этот вопрос об истинности прежде всего должен быть поставлен по отношению к тому «нечто», активное гармоническое общение с которым наше высшее «я» переживает в религиозном опыте. Представляет ли это «нечто» только продукт нашего воображения или реальное бытие? Если оно реально существует, то в какой форме? Обладает ли оно активной силой? Как следует понимать это общение, в реальности которого так убеждены религиозные люди?» Интенция книги, таким образом, поговорить о сугубо нематериальных вещах максимально объективным и точным образом. Что ж, в то время — и отдельной темой для размышлений будет и есть сам интерес к иррациональному во время марафонов технического прогресса — дерзали говорить и о более внутренних, подземных даже вещах, вспомнить Фрейда и Юнга.

Джеймс же вообще уникален в определенном и важном смысле. Сильно редуцируя, он не склоняется полностью ни к религиозному, ни к рациональному дискурсу. У него, как у героев Достоевского, «своя идея» — иная, своя мысль. «...Религия придает жизни оттенок очарования, который не может быть выведен рациональным путем ни из чего другого. Про это очарование, являющееся нам как нежданный дар, физиологи говорят, что это дар нашего организма, а богословы, что оно дар благости Божией. Для нас оно ни то ни другое».

С подобным девизом Уильям Джеймс рассматривает не только абстракции — вообще, читается он очень легко, сложность и теоретизирование будут только в Выводах и 18-й главе, где он рассматривает отношение философии к религии, — но и конкретные необходимые ему феномены. Хотя можно ли назвать их конкретными? Он рассматривает механизмы обращения, аскезу и нищету, степени послушания, святость («ощущение более широкой жизни, чем полная мелких интересов, себялюбивая жизнь земных существ»), виды откровений (отдельно, например, особенность регламентированных эпифаний у иудейских пророков), глубину самоотречения («это чувство не является вполне тождественным с самоуничижением, хотя в действительной жизни оно очень приближается к нему. Скорее это чувство человечности, отказавшейся наслаждаться тем, что недоступно другим») и тому подобное. Вот о таких базисных

вещах пишет Джеймс и подходит к ним даже не практически, не утилитарно и приземленно, что психологу, кстати, и простительно, а — очень тактично и тонко⁴, что ли.

При этом он отчасти вынужденно приводит много «крайних» случаев — например, человек обратился после пьянства и кутежей, стал полным ортодоксом, святошей (опять же в английском есть хорошее выражение для этого — *Holy Joe*), какие-то другие подобные случаи — и по несколько раз извиняется! Что подобные примеры могут кого-то фраппировать, оскорбить или, как сейчас сказали бы, скомпрометировать. Таких оговорок, ремарок вообще много — мы же помним, что книга эта родилась из лекций в Эдинбургском университете в 1901—1902 годах.

И тут стоит сказать о том, что уже простили, надеюсь, в цитатах из Джеймса. Это его потрясающая корректность, открытость к другому мнению и тому самому многообразию (от английского нам никуда не уйти, кажется, — сейчас в политкорректном мире популярно выражение *respect for diversity*, уважение к многообразию) религиозного опыта людей, народов, наднациональных конфессий. Его толерантность. Которая, конечно, абсолютно ничего общего не имеет с тем, что называют толерантностью сейчас — абсолютно тоталитарные практики, под лозунгом которых за малейшее отклонение мнения от утвержденной повестки если сразу не оштрафуют и не посадят, то точно «отменят». Джеймс же потрясающе терпим. Например, он, будучи религиозным человеком, — и я сейчас специально не буду смотреть и уточнять, что именно он исповедовал, то же, что он глубоко верил в Бога, ясно так же, как когда говоришь с кем-то и тут же возникает (или нет) сильная симпатия — совершенно легко допускает существование различных религий. «Разве не естественно, что человек, живущий обыкновенно по эту сторону порога скорби, нуждается в иной религии, чем тот, кто обычно живет по другую сторону его? Тут перед нами встает очень важная проблема о соотносительности разных типов религии с разными видами потребности в ней»/ «И для одних является наилучшей религия утешения и одобрения, а для других религия угроз и упреков. По-видимому, это так». Он даже допускает — каково для лектора, профессора Гарвардского университета, дважды президента Американской психологической ассоциации и обладателя прочих регалий! — что может легко ошибаться и заблуждаться: «Я только боюсь потерять истину, оставшись в уверенности, что обладаю ею вполне». Поэтому и благодатную силу государственной, утвержденной как единственно верной религии он не допускает: «Когда религия становится господствующей, она обыкновенно утрачивает свое внутреннее содержание, и живые источники ее иссякают»⁵.

Он легко может позволить себе и такие — подставляющиеся, будь они допущены сейчас, еще, не дай Бог, в соцсети — высказывания, как «богатство, поскольку оно освобождает наш дух для стремления к совершенным целям и дает нам возможность развивать его высшую энергию, — несомненно, лучше бедности». Нет, он не сторонник протестантизма, где богатство есть знак милости Божией к человеку за его достижения. Он просто очень умный и трезвомыслящий человек — «но в действительной жизни богатство лишь в редких случаях дает такие результаты». Нет, не святой, полный всеприятия и всепрощения. Потому что касательно какого-то уж совсем зашоренного ортодокса может и отметить «узость его интеллекта». Или даже изящно потроллить Ренана, который под конец жизни «изливал настроение в кокетливо богохульных формах».

Джеймс просто — и, к слову, между делом, учить и наставлять кого-либо он себе задачей отнюдь не ставит — говорит очень важные, кстати, и в наши дни, вещи. О том, например, что «успех в делах, слава писателя, художника, врача, юриста, известность, приобретенная благотворительностью. Все это должно быть следствием, а не целью». Или «чтобы возродиться духовно, достаточно только дать покой своему малому, обособленному, беспокойному “я” и этим путем познать в себе присутствие

высшего Я». Джеймс, кстати, в нескольких местах пишет и о необходимости внутреннего гармонического молчания — «на языке Новой Мысли это называется погрузиться в молчание», — жаль, не вспоминая при этом мысль очень старую, а именно опыты исихастов. Или, наконец, говорит он, что не только разным людям потребны разные религии, но и мир не только не интеллигабелен, но и не един, не гармоничен в своей сложности. Джеймс отмечает «вполне рельефное понятие о существовании таких элементов вселенной, которые в соединении с другими элементами не образуют рационального единства и которые с точки зрения законченной системы остальных элементов представляются неуместными и случайными, как “грязь”, т.е. как что-то находящееся не на своем месте»⁶.

Встречаются у него и такие места, которые воспринимаются уж совсем архиактуально. Когда он пишет о «так называемом либеральном течении в христианстве», целью которого становится «жизнерадостное, бодрое настроение, которое нашим працедам казалось бы греховным», невольно думаешь, что и некоторым правнукам претит всеобщий и почти обязательный «позитив», доходящий даже до таких нелепостей, что в/на YouTube'е под видео можно нажимать только «пальц кверху», а «пальцы вниз» не показывают, а в одной популярной западной соцсети меня дважды банили — один раз за слово «смерть», другой раз — «самоубийство» (и надо ли говорить, что контекст был далек от прославления, навязывания или демонстрации оных).

Можно у Джеймса встретить и объяснимый с точки зрения его психологической специализации, но все равно неожиданный в своем развертывании интерес — к меланхоликам. Он отдельно рассматривает «религиозную меланхолию». И здесь автор не только толерантен, более того — он почти что воспевает меланхолию! Он цитирует — цитат, и самых разнообразных, вообще много, от Марка Аврелия до каких-то обращенных адептов совсем современных написанию книги дней — Сен-Пьера: «Не знаю, каким физическим законом объясняют теперь философы меланхолию. Я лично думаю, что это одно из самых чувственных ощущений». Переиначив Брэдбери, переиначившего Уитмена (и о нем тут много — как образец любовного принятия и воспевания мира), «меланхолическое тело пою».

Возможно и даже наверняка легко найти более новые, фундированные работы по психологии религии. Но найти ли такую взвешенную и вызывающую симпатию? Тем более что, и это важно, Уильям Джеймс ни на чем окончательно и бесповоротно не настаивает. Он пишет — о «вере в существование возможности».

Мироизерцание роскошное, увлекательное

Елена НАМ. Космология и практика сибирского шаманизма. — М.: Ганга⁷, 2021. 512 с.

«Наше представление о мире не может быть законченным, если мы не примем во внимание и эти формы сознания», пишет Джеймс, имея тактично в виду то, что сейчас называется «измененными состояниями» сознания. Елена Нам в своей книге буквально ведет репортаж о тех, кто это самое сознание изменяет профессионально.

Чтобы не бояться, что шаманизм — какая-то совсем экзотическая, паранаучная тема, достаточно лишь открыть более чем серьезную рецензию на выходившую в этом же 2021 году другую книгу о шаманизме в недавнем номере «Нового мира» с вдумчивыми упоминаниями литературы по этому вопросу⁸.

Поэтому, кстати, трудно согласиться с заявлением Е.Нам о том, что «новых интересных работ очень мало». Не только указанная рецензия, но и сам список использованной в книге литературы (отдельный минисписок работ по значению лука

и бубна у шаманов — да, не новых, но, возможно, здесь и не требуются ежегодные пере- и новоиздания) говорит об обратном. Сам же даже не детальный разбор литературы о шаманизме весьма впечатляет — оказывается, что почти все известные ученые что-то писали по теме: В.Н.Топоров и Вяч.Вс.Иванов, Е.М.Мелетинский и Г.М.Бонгард-Левин, уж не говоря о западных во главе с Элиаде.

И, если уж мы говорим о подходах к теме и ее изучению, то стоит начать с ложки дегтя. Книга, увы, несет на себе все признаки диссертационной работы (слово «диссертация» хорошо закамуфлировано, мелькает лишь раз в самом конце). Жанр диссертации требует (кстати, зачем?), чтобы начинающий ученый подробно изложил не только источники, но и способы изучения темы в данной работе. Посему мы долго читаем пассажи вроде «в качестве основного научного метода будет использован структурно-семиотический анализ...». Нам — опять же, зачем? книга вряд ли рассчитана на полных профанов — напомнят, в связи с использованием их идей, о представлениях Юнга, о разделении мира на профанное и сакральное, объяснят на пальцах буквально, что такое мифологическое сознание и с чем его едят... Сам разговор, нисколько не преувеличиваю, начнется только на шестом десятке страниц — то есть одна десятая книги была посвящена всем этим обязательным в академическом мире, но совершенно лишним кунштюкам. Когда много читаешь прекрасных книг, родившихся из диссертаций, это вызывает уже реакцию, подобную тому, как если бы собеседник долго пояснял «я расскажу вам историю, такое тут на днях приключилось... я буду рассказывать ее так... я буду шутить шутки... юмор — действенное средство в устном повествовании... я поведаю вам, что сказал сосед, потому что свидетельские показания очень важны...» Да рассказываешь же уже! И последняя капля дегтя, которая позволит нам потом полностью насладиться вкусом меда: Деррида в русском не склоняется, к этому консенсусу пришли уже очень давно...

Дальше же загремят шаманские бубны, начнутся танцы на грани миров и собственно оригинальная научная работа — нетерпеливый читатель вроде меня утешится более чем. Ибо будет крайне много поэтических реалий этого мира. Кстати, очень широко поданного — не только «книга написана с использованием многочисленных этнографических, фольклорных и лингвистических материалов по традиционному шаманизму сибирских народов (туркско-монгольских, тунгусо-манчжурских, самодийских, финно-угорских и палеоазиатских)», но и компаративистика будет еще больше расширять этот и так не малый ареал: на одной странице мы встретим сравнение с древнегреческими мифами и Ригведой, на другой шаманские практики будут определяться посредством персов и «Беовульфа». Это, отвлекаясь еще дальше, отмечу, одна из волнующих исследовательниц тем — найти, то есть продемонстрировать общее между шаманами и теми же даосами, скажем. «Так, в даосской традиции, имеющей очень много шаманских черт, существовало представление об особых “пещерных небесах” — пещерах, частью реальных, частью фантастических, находящихся на так называемых славных горах». Тема интересная, оправданная (особенно в планеозвучной внутренней алхимии даосов, преобразования, претворения себя в бессмертных, ведающих иные миры), но могущая увести нас далеко в другие области.

Возвращаясь же к деталям, а их будет масса, можно концентрироваться на любых, что кому милее. Вот поэтические: у верхнеамурских эвенков души простых смертных выглядят как синички, а по представлениям селькупов, души после смерти уходят под землю и становятся пауками. Или сугубо оригинальные, которые типичны именно для этих народов (да, все можно сравнить со всем и найти, вопрос, сколько копаться, аналогии — но это несколько другая методическая тема): у чукчей роль хранителя человеческих душ выполнял «дух кашля» / по воззрениям бурят и сойотов, «душа обитает в голове, волосах, ногтях, в подмышке» (выражение про душу в пятках обретает новые обертоны) / «в традиционной системе представлений чукчей душа

могла иметь вид черного жука» (а в этом черном свете иначе читается новелла Кафки!) / у нганасан мир мертвых находится под землей в мерзлоте, а самих этих мерзлот может быть от семи до девяти (привет Данте) / ханты и манси могли гадать не только с помощью лука и ножа, но и винтовки и топора...

Все это цветущее разнообразие дано отнюдь не для красного словца, но строго структурировано, описано, определено и через те же самые параллели. Целые главы посвящены семантике атрибутов шаманов — лука ли («...стрела могла возвращать душу умершего»), бубна ли, колотушки («на конце рукоятки у нее находилась волчья голова, которая, направляясь то в одну, то в другую сторону, отыскивала место болезни»). Какое время суток лучше подходит для камлания. Дихотомия «левое-правое» в одежде. И даже то, как выглядели шаманские перчатки, сколько у них было пальцев, что все это было призвано означать.

И уже понятно, что все вертится вокруг самого явления, понятия шамана. Шамана и прочих «ритуальных деятелей» (не похоронной индустрии!) — тут дается целый их список, включая «алтайских пифий» (то, что женщины могли быть шаманами, вообще отдельная и очень интересная тема — вкупе с преодолением границ между миром людским и миром духов шаман преодолевал, превосходил и прочие границы, от левого-правого до мужского-женского, поэтому нередки были и случаи приобретения мужчинами женских черт, своеобразного андрогизма). Какого цвета были их глаза, как вообще по глазам можно (было) определить шамана. Временные рамки их почти офисного promotion — сколько ходить в младших шаманах, когда дадут посох старшего и так далее, все регламентировано.

И целые страницы словесных обозначений шаманов у разных народов, в разных наречиях, в разные времена (да-да, неспешное академическое начало с прочими определениями давно компенсировано!). А это выводит Елену Нам на гораздо более глобальную тему. Что есть шаманизм, как его вообще воспринимать и определять? Существует, разумеется, весь спектр подходов: от обмана до предрелигии/иной формы религиозного. Мне, возможно, ближе более скучный и привычный, почти марксистско-материалистический подход, выраженный, в частности, С.Токаревым, в соответствии с которым «среди ранних (доклассовых) форм религии он выделяет древнейшие по своему происхождению, появившиеся в самом начале антропогенеза (totemizm, знахарство, ведовство, погребальный кульп, эrotические обряды), и более поздние, отражавшие процессы разложения общинно-родового строя», то есть собственно религия в современном ее понимании⁹. Но есть и такое вот определение: «Мироизвержение роскошное, увлекательное. Эта всеобъемлемость, включение в одну фигуру всей природы и всей культуры нередко цепенит и религионизирует пытливый ум самого исследователя, особенно предрасположенного к пантезму» (Г.Потанин).

И вот здесь, кажется, мы подходим к не столь демонстративно декларируемым, нонятно и сильно явленным в finale книги причинам интереса автора «Космологии и практики сибирского шаманизма» к избранной теме. Шаманизм и, шире, мифологическое (архаическое) мышление, по мысли исследовательницы, можно воспринимать совсем иначе. Я бы суммировал — уважительно воспринимать. «Точно так же образы орла и лосихи кажутся ненужными на фоне наблюдения за движением солнца. Но мы обладаем четко определенными и независимыми от нас единицами измерения времени. Первобытный человек таким инструментарием не располагал и сделал в этой ситуации лучшее и, может быть, единственное возможное — начал прибегать к свободным ассоциациям». Которые, тут я уже чуть экстраполирую, могут помогать и нам развивать наше мышление, да и задействованы уже отчасти — в работе психологов, психоаналитиков. Е.Нам приводит в пример анализирование сновидческих механизмов: «В процессе сна мы выхватываем какое-то количество ассоциаций из потока чистой длительности и тем или иным образом соотносим с нашим наличным

жизненным опытом и имеющимся багажом знаний». У древних — или хранящих древние практики — народов аналитический багаж был, конечно, меньше, но вот уже его механизмы мы, в свою очередь, используем меньше и менее качественно. Тем самым «архаические и традиционные культуры демонстрируют нам не бессилие мысли древнего человека, а ее мощь». В итоге «современный мир вышел на новый виток — он принципиально альтернативен. И человек стремится освободиться от любых ограничений (в том числе пространственно-временных) не только в образе жизни, но и в образе мышления. Актуальность шаманских практик в современном мире, как и широкое распространение различных вариантов виртуальной реальности, лишь подтверждает стремление человека раздвинуть пространственно-временные горизонты. Перемещаясь в пространстве и во времени, человек не становится лучше или хуже, добрее или злее, умнее или глупее, он просто изменяется в соответствии с определенными законами и правилами, как изменяется и реальность, в которой он живет. В целом мы просто движемся в том направлении, которое когда-то указал К.Леви-Стросс, написав, что человек во все времена и эпохи мыслил одинаково хорошо. Добавим, что он просто может мыслить по-разному». А это уже не просто актуальная — в свете экологизма, внимания к примитивным культурам и прочего модного — но и как никогда действительно жизненная задача, важность которой уже настолько явно экспонировали нам разнообразные кризисы буквально последних лет, что просто закрывать глаза на необходимость перемен и желать, чтобы «все было по-прежнему», дефолтно было¹⁰, крайне пагубно да и невозможно уже.

Подводная женщина из Книги

Альваро ЭСТРАДА. Мария Сабина, великая шаманка Мексики / Пер. с исп. Е.Ермакова, Е.Соклаковой. — СПб; М.: Центр гуманитарных инициатив; Добросвет, 2022. 124 с.

Шаманы всех стран, объединяйтесь! — хочется сказать по поводу этого повествования. Но, в принципе, они и так объединены. Не только в их практиках находится поразительно много общего, но и «русский след» тут начинается уже с самых первых страниц. В предведомлении Роберт Гордон Уоссон, первый иностранец, пытавшийся записать и сохранить все это, говоря об истоках своего интереса к магическим техникам с применением «волшебных грибов», упоминает свою книгу «Грибы, Россия и история», которую он написал в соавторстве с русской женой — ее он, кстати, величает исключительно по имени-отчеству, Валентина Павловна. История же с Уоссоном закончилась не очень хорошо, ему, как это бывает, досталось ото всех: местные власти подозрительно отнеслись к подобной инициативе (или просто хотели взяток), сама же Мария Сабина потом говорила, что после прихода иностранцев волшебство ушло, силы больше не работают. При этом никогда не прогоняла иностранных исследователей — кто она такая, да и люди искренне интересуются... Впрочем, местным целителям было не привыкать — впервые их начали преследовать еще конкистадоры с идущей по их следам инквизицией. Популяризация все же состоялась — от интереса микологов и даже этномузиковедов до публикаций и комиксов (в комиксовой стилистике выполнена и обложка этой книги).

Вся эта тема, конечно, может показаться несколько острой как раз из-за использования в кампаниях тех самых психоцибиновых грибов. Вот и издательская аннотация, с одной стороны, обещает «тексты ритуальных песнопений, содержащие ключи к другим измерениям», с другой — предупреждает о последствиях, «к которым может привести прием описанных в книге растений в любой форме».

Да, в международной команде, изучавшей химические свойства тех самых «священных грибов», отметил швейцарский химик Альберт Хоффманн, создатель ЛСД и контркультурный апостол из синклита Тимоти Лири, Александра Шульгина, Теренса Маккенни и других «великих посвященных» психodelической революции, а в 60-е в эти самые заброшенные мексиканские деревушки потянулись толпы хиппи (Мария Сабина смешно описывает их как людей с длинными волосами и в странных ярких одеждах), эзотерики и настоящие авантюристы, которых мексиканские федералы выдворяли чуть ли не с помощью армии. Но хиппи и прочих тут не привечали — если они приезжали даже не с целью «закинуться», а в «поисках Бога», это не соответствовало целям велады (ритуала) — их проводили исключительно с целью целительства. Да и проблема злоупотребления теми же грибами или содержащими пейотль кактусами никогда не стояла в Мезоамерике, несмотря на то, что эти вещества были задействованы в культурах еще со времен ацтеков: проблема алкоголизма местного населения была, а этой не было. Все же упомянутые вещества как не очень результативно пытались инкорпорировать в свои практики те же хиппи и прочие неформалы 60-х годов, так и сошла эта волна понимаю вопрос, но я бы оставил так вместе с ними же¹¹.

Возвращаясь же к «русскому следу», Уоссон сразу отмечает, что «мезоамериканский культ грибов генетически восходит к культу грибов в Сибири, так как в древние времена происходила миграция населения через Берингов пролив или по сухопутному мосту последней ледниковой эпохи»¹². И совпадений в традициях культов находится действительно много. Как и для сибирских шаманов, особенно нового и новейшего времени, мексиканским культам свойственен религиозный синcretизм, эклектическое взаиморастворение древних верований и христианства. Сама Мария Сабина была не только истово верующей, входила в местное сестринство, но и те же грибы постоянно называет «святыми детками» — «кровью Иисуса»¹³; так же совершенно толерантно относились локальные религиозные институции к этим культурам, дескать, никто друг другу не мешает, все уважительны, а тот же местный епископ мог, заболев, приехать и попросить провести лечебный курс. Божественная фигура, к которой обращалась Мария Сабина, несла то черты христианского Бога, то Пильцинтекулти, ацтекского Благородного принца. Итого, «в сознании Марии Сабины и, возможно, в сознании других шаманов нашего времени объединяются элементы разных религий и мифологий — и дохристианских, и христианских». Явно, конечно, и «других шаманов», потому что самому местному населению — и еще в прошлом веке — было в большой мере свойственно мифологическое мышление. Сжегший по дурости священную кукурузу отец Марии Сабины прогневал местное божество Повелителя Громов и должен был неминуемо погибнуть от ганглий на шее¹⁴. Сама же она беспокоится: «О детях нужно хорошо заботиться. Их нужно крестить. Их следует крестить, как только они родятся, потому что дети, которые не крещены, могут умереть, если разразится буря. Молнии уносят дух ребенка, который не был крещен», а «если младенец умирает во время грозы, он становится фиолетовым». Кроме самих камланий с эхолалией, песнями и плясками (это все же общее для всех культов), совпадают и частности. Так, шаманы Мексики часто припадали к телу больного, «высасывали болезнь» и в качестве доказательства извлекали из тела и показывали какую-то чужеродную мелочь — пиявку или кусочек бумаги (сибирские шаманы извлекали перо или что-нибудь подобное). Для мексиканских сабио (целителей) была характерна иерархия — со степенями продвижения шаманов к более «продвинутым позициям» мы могли познакомиться в предыдущей книге.

И еще об автодефинициях. Как шокировали старую шаманку просьбы иностранцев «назначить им встречу с Богом», так и не считала она себя колдуном, как иногда величали ее местные (там была другая причина для зависти — маленький магазинчик для путников, где Мария Сабина торговала пивом и сигарами и который потом сожгли). Колдуны в Мексике тоже есть, но это другое. Она — простая целительница,

почувствовавшая подобный дар (он, кстати, приходит с неба, ее как бы номинировали высшие сущности, а не наследственный, — Мария с грустью рассказывает, что среди ее детей никого с даром нет¹⁵, вообще это мастерство, скорее всего, умрет). Да и те же «святые детки», горькие грибы со склона соседних пастбищ, там отнюдь не единственное средство. Она слышит голос, наполняющий ее силой, и проводит сеанс целительства. Со многими иными атрибутами (втиранье табака с перцем и известью — видимо, что-то типа насвая, с использованием крови цыплят — тут вспоминаются культы вуду), средствами (массаж) и при соблюдении определенных условий (сексуальное воздержание, темное время суток). К слову, верить этому или нет, но самые известные шаманы, не прибегая ни к какой медицине в нынешнем ее понимании, жили по 120-130 лет, и это даже задокументировано. Что же касается Марии Сабины, то она, при всех тяготах своей жизни, прожила 91 год (да и то дату своего рождения она, не умевшая ни читать, ни писать, напрочь не помнила, восстановили вроде бы по записям о крещении).

Сама же книга — что, возможно, и хорошо, уж точно аутентичнее — не очередное научнопэзотерик повествование об очередном доне Хуане, а записанная прямая речь Марии Сабины. Это рассказ о ее жизни и расшифровка некоторых ее песен. Что касается жизни, то это, конечно, отдельный рассказ, целый возможный роман в духе магического реализма в исполнении Горького¹⁶. Тяжелейшая работа и постоянный голод и холод с самого раннего детства, брак по сговору соседей даже без смотрин, всю жизнь сама работала и содержала себя и многочисленных детей и внуков (оба брака были неудачными, мужья рано погибли). До самой старости она не знала обуви, не всегда имела деньги даже на посуду... Все это, конечно, свидетельствует об одной интересной вещи. При полном расхождении этой культуры с западной, нашей (как транслировать, перевести, объяснить ей хоть какой-то самый простой концепт нашей жизни?) — и таком недавнем наличии анклавов древней жизни в современном мире (даже машину она описывает как железного наездника) — крайне любопытно, что если нашу цивилизацию ей транслировать невозможно (она ей просто не нужна), то вот наследием Марии Сабины мы, наоборот, занимаемся до сих пор... Выводов о том, что нужнее и правильнее, можно и не делать, но держать это в голове, особенно при склонности к снобистскому взгляду на «первобытных варваров», пожалуй, что и стоит. А также не грех и помнить, что с призывами держаться на равных с представителями так называемых примитивных народов задолго до каких-либо постколониальных теорий и этики политкорректности (еще более ранние декларации романтиков и руссоистов все же слишком наивны и не в счет) выступали наши серебряновечные философы — от «нам нужно идти к дикарям не затем, чтобы насаждать у них культуру, а чтобы учиться у них философии» Льва Шестова до целиком посвященной теме равенства всех народов книги князя Трубецкого «Европа и Человечество» (какой-нибудь папуас, доказывает он, ничуть не ниже европейца в интеллектуальном развитии, просто и знания, и их логика иная, доказывает он, чему отличный пример наша мексиканская шаманка).

Но Мария Сабина не унывала несмотря ни на что. «Я продолжаю страдать. Мои руки в мозолях от тяжелой работы. Мои ноги так же в мозолях. Я никогда не носила обувь. Грязная, пыльная, каменистая дорога сделала подошвы моих ног грубыми. От меня никогда не исходило зла, равно как и лжи. Я всегда жила в бедности и умру в бедности». Но при этом у нее был этот божественный Язык, выводивший ее в совсем иные области. «Я вхожу в другой мир, отличный от дневного, который мы знаем. Это мир прекрасный, но недостижимый. Он похож на кино» (и она рассказывает, как иностранцы один раз показали ей кино о ней же). И там гораздо веселее: «Я выбрала Бога Христа (а можно было и других богов из тех, с кем может работать целитель. — А.Ч.) и сообщила об этом Высшим Существам. Царство Высших Существ — это царство изобилия. Там есть пиво и музыка. Когда я нахожусь в их царстве, я прошу

подать пиво для всех. Высшее Существо подает пиво, и мы все вместе поднимаем тост. Бывает так, что пиво не нужно заказывать, оно всегда под рукой. Когда звучит музыка, я танцую с Высшими Существами, а также вижу, как приходит Язык; он спускается сверху, как будто маленькие светящиеся предметы падают с неба. Язык опускается на священный стол, на мое тело. Тогда я ловлю руками слово за словом. Это случается со мной, когда я не вижу Книгу. И я пою».

О связи между грибами и языком писал еще Генри Мунн в своем очерке «Грибы языка»: «Язык — это экстатический процесс озвучивания обозначений. Будучи опьяненным грибами, человек демонстрирует такую плавность, легкость и содержательность речи, что сам удивляется словам, рождающимся из сочетаний намерения высказаться и сути ощущений. <...> Для шамана это выглядит так, словно само бытие вещает через него»¹⁷. Маккенна же, которого уже совсем скоро мы обсудим отдельно, чутко описывает механизмы подобных целительных сеансов и их глубинную основу: «В этой области язык, идеи и смысл имеют большую силу, нежели причина и следствие. Симпатии, резонансы, намерения и личная воля усиливаются лингвистическим путем посредством поэтической риторики. Подключается воображение; иногда формы, которые оно принимает, доступны даже обычному взгляду. В магическом мировоззрении шамана обычные связи мира, а также то, что мы называем законами природы, ослабляются или игнорируются. Свидетельства, собранные за тысячелетия использования шаманских практик, доказывают, что мир на самом деле в некотором роде состоит из языка. Хотя это радикальное утверждение и расходится с оценками современной науки, оно, тем не менее, во многом согласуется с современным лингвистическим мышлением».

Небольшое количество песен Марии Сабины записано, расшифровано, часть их приведена в книге. Еще один любопытный факт — на ее англоязычной странице в Википедии она атtestуется как шаманка и поэтесса. И это не преувеличение¹⁸. Она действительно «женщина, которая поет».

Я женщина заката, говорят,
Я одета в расшитое звездами платье,
Я женщина вихря, говорят,
Я та, кто смотрит в глубины.

Марию Сабину вообще представляешь себе как такую певицу прочувствованных, прожитых блюзов, джазовую исполнительницу с трудной судьбой (первая ассоциация с тетушкой Сезарией Эворой будет не совсем верна — и Мария Сабина не столь корпulentна, и поет она этнику о других совсем вещах). Ассоциация тем более справедливая, что и в музыке ее вспоминают сейчас едва ли не чаще всего — мексиканские, боливийские и иные рокеры (вплоть до французов из Deep Forest) посвящают ей песни и альбомы, перепевают ее. Оно и понятно, ибо очень мелодично, в конце концов, да и блюз из песнопений африканских рабов родился:

Женщина, которая звучит,
Уносимая женщина,
Прекрасная повелительница,
Женщина священной благости,
Ах, Иисус,
Женщина, которая ищет,
Та, что берёт в свои руки.
Хум, хум, хум, хум, хум, хум, хум, хум,
Хум, хум, хум, хум,
Женщина с высоко поднятой головой, хум, хум, хум, хум, хум,
Сама морщинистая, но умеющая взращивать,
Один Дух, один который свет, один который день,
Хум, хум, хум, хум, хум, хум, хум, хум,
Каэтано Гарсия!

Поддержать целостность Геи

Теренс МАККЕННА. Пища богов. Поиск изначального древа познания. Полная история растений, наркотических средств и эволюции человека / Пер. с англ. О.Пелипейченко. — М.: Био-Пресс, 2022. 368 с.

Теренс Маккенна, великий иконокласт, философов-психонавт, активный публицист и деятель эпохи психodelической революции, в представлениях действительно не нуждается. Если о нем кто и не слышал, то услышит, он слишком страстно и громогласно выступал в разных областях.

Он может, конечно, ассоциироваться с запрещенными веществами. И книге так же предпослано уведомление, что «издатели не несут ответственности...» и «информация, представленная в этой книге, предназначена для образовательных, исторических и культурных целей и никоим образом не должна расцениваться как пропаганда использования галлюциногенов». Собственно, в этом зажигательном научном трактате речь прежде всего об энтеогенах, стимуляторах, традиционно использовавшихся в священных практиках. Посему трудновато представить себе, что кто-то, отложив книгу, с «грезами о веществах» (Башляр) сразу же отправится в бассейн Амазонки участвовать в мистических ритуалах¹⁹. Маккенна, кстати, не раз задается вопросом, почему именно там произрастает подавляющее большинство «священных» растений и грибов, а, скажем, Африка, откуда пошло быть человечество, ими бедна. На этот вопрос ответа у него нет²⁰, зато есть на другие — и самые неожиданные. В отношении же именно психоделиков и наркотиков, с которыми Маккенну принято ассоциировать, его отличает как раз довольно трезвый подход — он предсказывал то, что мы сейчас видим на улицах неблагополучных кварталов, а именно появление новых, все более сложных и аддиктивных синтетических наркотиков...

Мы же не зря пытаемся зайти в его мир, раздвигая лианы джунглей и карабкаясь по мексиканским взгорьям. Где-то в середине книги мы встретим прежних хороших знакомцев. Упоминается тут «Мария Сабина²¹, шаманка из Уаутла-де-Хименес, практиковавшая употребление грибов, называя их los niños — “милыми малютками”. Это и мотив детей из алхимической реторты, эльфийских созданий из некоего ближайшего магического континуума, попасть в который можно, употребив псилоцибин» — отметим и удачное сравнение с гомункулами, и меткий перевод (именно так пожилая шаманка и тетешилась со своими грибами). Когда Маккенна будет реконструировать, практически в духе изысканий Курёхина о Ленине, что волшебный напиток сома был на самом деле грибом, тунгусским мухомором, он упомянет нашу пару исследователей — «Гордона и Валентину Уоссон, основоположников науки этномикологии» (Валентина тут без отчества, простит ли она Теренса): «В ходе других исследований Уоссоны обнаружили, что в горах Сьерра-Масатека в мексиканском штате Оахака все еще существуют шаманские грибные культуры. Гордон Уоссон принес образцы мексиканских грибов швейцарскому химику-фармацевту²² и первооткрывателю ЛСД Альберту Хоффманну и таким образом предоставил ему возможность определить характеристики псилоцибина и выделить его в чистом виде (это произошло в 1957 году). Тот же псилоцибин, я считаю, несколько десятков тысяч лет назад привел к тому, что у жителей африканских саванн появилось такое качество, как саморефлексия». Уоссон и различные его книги упоминаются еще несколько раз, в ключе уважительном ли (патриарх как никак), или дискуссионном, когда два ученых расходятся относительно того, какой именно энтеоген использовался в тех или иных культурах и с каким эффектом: «Маститый исследователь, сам вполне себе брахман, инвестиционный банкир и почетный член Гарвардского университета, по всем признакам ведет себя самым ненаучным образом»²³.

Из неожиданного окончания пассажа про саморефлексию уже ясно, что у Маккенны тоже имеется своя достоевская «идейка», и он ее сейчас кинет на стол. Она и есть лучшее и самое интересное во всей этой книге. Идея эта довольно волюнтаристская, мягко говоря. Чего стоит только название — «теория обдолбанной обезьяны! Первобытные народы следовали в своей миграции за стадами животных, те оставляли после себя навоз, на оном хорошо рос один из сортов «волшебных грибов». И употребление их в пищу способствовало множеству позитивных эволюционных процессов: от увеличения fertильности до, главное, развития когнитивных процессов и самого мозга за счет приобщения к интеллектуальным процессам мира воображаемого и подсознательного. Но это, как в силлогизме, лишь первая, малая посылка. Маккенна твердо убежден, что человек примордиально связан не с миром животных, не тем более с миром технэ, а с растительным миром — растениями и грибами. Отпадение от этого психоделического аналога райского сада было фатальным, ибо повело мир не в ту сторону, и должно быть преодолено, поскольку человечество давно уперлось в стену, обречено, а возвращение к архаике со всеми ее забытыми, но мощными потенциями может не только спасти нас, но и станет основой для крайне необходимого внерационального прогресса. И вот это направление мысли уже гораздо более симпатичное. Начать с того, что его призыв к возвращению архаики, изложи его на языке нынешнего экологизма, вполне мог бы вписаться в актуальную повестку: «...Возможность возрождения “архаичного” (или “архаического”) — отношения доиндустриального и дописьменного общества к идее сосуществования, к употреблению психотропных веществ и к природе, отношения, которое было присуще нашим доисторическим предкам-кочевникам на протяжении долгого времени, вплоть до возникновения нынешнего культурного стиля, который мы именуем западным». А следующий пассаж определенно сможет вызвать лоббирование Гретой Тунберг: «В будущем применение надежных решений, подсказанных ботаникой (таких как прекращение прироста населения, извлечение водорода из морской воды и масштабные программы переработки отходов), может помочь реорганизовать наше общественное устройство и всю планету в целом». Есть у этой мысли и как бы ответвление, которое придется по душе не только радфемкам, но и разумным людям — то, что он называет отношениями партнерства, отсылает не просто к матриархату, но к гармоничным взаимоотношениям как внутри социума, так и с окружающим миром, к более гуманному отношению ко всему, базирующемуся не на рациональной, технологической цивилизационной модели, но на экологической и духовной. От партнерства отпали, как от райского блаженства: «И когда после долгих столетий постепенного забвения, миграций и климатических изменений разгадка этой тайны в конце концов была утеряна, мы, мучимые тоской, сменили партнерство на доминирование, гармонию с природой — на насилие над ней, поэзию — на софизмы науки. Вкратце говоря, мы променяли свое первородство партнеров живого разума планеты на битые черепки истории, войн, неврозов и (если мы как можно скорее не осознаем наше затруднительное положение) планетарной катастрофы».

А дальше уже несколько экзотичнее, в духе того, что с улыбкой идет по ведомству этническо-эзотерических чудаков и прочей этники: «С точки зрения архаичного наши почти что симбиотические отношения с растениями с психотропным действием воспринимаются как источник озарений и откровений, проникающих из мира растений в мир людей, и мы вполне можем вернуться к такому восприятию. Тайна нашего сознания и нашей способности к саморефлексии каким-то образом связана с этим каналом общения с незримым разумом — духом живой природы, как его характеризовали шаманы». Идея в общем-то понятная, даже без психоделиков, но она дает возможность иной оптики. Например, на саму идею эволюционного сосуществования видов: «...Природа — это не бесконечная война между видами, а бесконечные реверансы дипломатии. А дипломатия во многом зависит от языка.

Природа, похоже, создает максимально благоприятные условия для взаимного сотрудничества и согласования целей. Быть незаменимым для организмов, с которыми человек живет бок о бок, — такова стратегия, обеспечивающая успешное размножение и постоянное выживание». Или вообще на природу нашего внутреннего «я»: «То, что мы называем это, для людей времен Гомера было богом»²⁴, а голос саморефлексии был божественным гласом, тогда как «использование психоделических растений в контексте шаманской инициации разрушало (да и сегодня разрушает) сложную структуру этого, превращая его в недифференцируемое ощущение, которое в восточной философии именуется “Дао”. Подобное превращение отдельной личности в Дао через ее разрушение представляет собой цель многих направлений восточной мысли и традиционно считается ключом к психологическому здоровью и соблюдению равновесия как в случае группы, так и в случае отдельного человека». И чтобы закончить с Богом — в обществе партнерства вокруг Бога были женщины, «только у бога западной цивилизации нет ни матери, ни сестры, ни возлюбленной, ни дочери»²⁵.

Будущее нашей, западной,²⁶ цивилизации Маккенна видит исключительно в эсхатологических тонах: «Если это не будет регулярно и многократно растворяться в неограниченном гиперпространстве Трансцендентного Иного, то человек постоянно будет ощущать, что теряет себя как часть чего-то большего — природы в целом. Конечным следствием этой тенденции является неизбежная внутренняя опустошенность, которая сейчас пронизывает всю западную цивилизацию».

У Маккенны, как мы видим, при всем его прекраснодушии и даже завиральности, вообще много разумных идей для обсуждения и, в идеале, мирового консенсуса. Но да, есть, конечно, и более чем спорные утверждения. Так, его идею о подключающихся к иному за счет грибов в коровьем навозе первобытных людях наука опровергает просто щелчком пальцев (да и у него, что он косвенно признает, не очень подтверждается — с грибами и прочей психоделикой, как мы помним, в африканской колыбели человечества было плохо). Есть у Маккенны и фактические ошибки — так, он полагает, что пурпурным цветом одежда Деметры обязана спорынье, тогда как хорошо известно, что этот редкий, императорский («Багрянородный» или «Порфиородный») цвет добывался из особых моллюсков. Или что все те же самые «волшебные грибы» резко улучшали зрение, таким образом наделяя конкурентным превосходством первобытных охотников — этот эффект ничем не подтвержден. Маккенна же экстраполировал это свойство — дескать, вернитесь back to the roots, линзы не потребны будут. А вот про такие его идеи вроде того, что речь способствовала развитию мозга (речь порождает вибрацию, та способствует вымыыванию продуктов метаболизма из мозга, то есть его очищению и благоприятному функционированию) — даже и не знаешь, что сказать. Так или не так, но красиво, черт побери.

В этой задорной полемичности, убежденной вере, кажется, и исток не только фактических ошибок, но и общей неконвенциональности идей Теренса Маккенны. Как страстный оратор, за время своего все же не самого большого выступления (чай не «Капитал», да и в конце книги примечаний, как в диссертации) он успевает коснуться всего. В частности, разобрать Элевсинские мистерии²⁷, использование клизм древними майя, причины опиумных войн в Китае, деятельность первой ТНК того времени — Британской Ост-Индской компании и восстановить крепость греческих вин, жестко осудить зависимость человечества от сахара, табака, алкоголя и телевидения — его он называет самым грозным современным наркотиком наравне с героином и средством зомбирования населения, на котором американские спецслужбы остановились, до этого экспериментируя с настоящими наркотиками, — и призвать их если не полностью запретить, то обложить 200% налогом с продаж. На тему использования спецслужбами психоактивных веществ, на всякий случай заметим, Маккенна отнюдь не фантазирует в духе Берроуза. ЦРУ (ФБР, АНБ и прочие федералы) действительно наводнили черные квартали дешевым и крайне чистым

героином и «крышевали» его распространение, когда нужно было снизить поддержку опасных «Чёрных пантер»²⁸, проводили опыты с ЛСД и другими психodelиками. Справедлив (Альберт Хоффманн бы одобрил!) и упрек в отношении того же ЛСД с другой стороны — его дальнейшее исследование объявили полностью вне закона, тогда как осталось много свидетельств того, что как лекарство кислота действительно эффективно помогала при лечении аутизма, алкоголизма, депрессий и других психических заболеваний.

Маккенна же в полемическом рвении грозит, громит и мечет молнии, как в наши дни Дмитрий Медведев в Telegram'е, и тут он воистину прекрасен. «По правде говоря, величие Рима представляло собой величие свинарника, маскирующегося под бордель для военных», а «в Средневековье европейцы представляли собой сборище невротиков и женоненавистников, страдавших запорами». Но, как говорится, любим мы его не за это, а за, хоть и несколько экзотично сформулированный, призыв пересмотреть основания современной цивилизации, сообщив им более мягкие, гуманные, экологические и духовные основания: «Избавление от культурных ценностей общества доминирования означает поддержание ощущений целостности Геи, то есть ощущения единства и гармоничности природы и нашего места в такой динамической, эволюционирующей гармонии²⁹. Это мировоззрение, основанное на использовании растений. Подобное возвращение к перспективе собственного “я” и “эго”, вводящие эти понятия в более широкий контекст жизни и эволюции на Земле, представляет собой суть возрождения архаичного. <...> Следующим большим шагом к общемировой целостности будет частичное слияние мира людей, преобразованного технологическими средствами, с архаической матрицей растительного разума, то есть Трансцендентного Иного».

Научный отчёт мессии на велосипеде

Альберт ХОФМАНН. Мой трудный ребёнок / Пер. не указан. — СПб.: Nenahod Nogi Press, 2022. 252 с.

Прошло уже почти 20 лет с тех пор, как книга о самом изобретателе (вернее, конечно, открывателе) ЛСД «Штурмая небеса» Джая Стивенса выходила в издательстве Ильи Кормильцева «Ультра.Культура», этот же перевод — как и многие нон-конформистские издания, вспомнить хотя бы книгу Александра Трокки³⁰ в переводе Алекса Керви, — долгое время висел и бродил по Рунету. Перед нами его отредактированная бумажная версия.

Альберта Хоффманна соблазнительно провести по ведомству «одно достижение в жизни, затем его эксплуатирование». Но его мемуары покажут, что это далеко не так — Хоффманн был настоящим интеллектуалом, в науке, жизни и на письме, чего стоят только его рассуждения, продолжающие мысль Готфрида Бенна и Фридриха Ницше. О круге общения — Эрнст Юнгер, Олдос Хаксли, Тимоти Лири — и не говорим, это просто повеситься от зависти.

И если под конец книга приобретает характер трактата, то в начале это типичный мемуар. Все тихо и мирно, как на родных для Хоффманна швейцарских лугах, лишь изредка колокольчик на шее альпийской коровки (однажды этот звук спас его из так называемого bad trip, дегустации кислоты со страшными галлюцинациями). Он с самого начала хотел быть ученым, заниматься при этом не синтетической, но органической химией. Фармацевтическая компания «Сандоз» (Sandoz) дала ему эту возможность — он оказался на том, что сейчас бы назвали R&D направлении, синтезировании новых молекул, занятие не всегда благодарным (очень мало веществ дойдет до стадии испытаний, еще меньше до производства и пациента), но интересном.

Однажды он изучал химический состав спорыны — ядовитого вещества, использовавшегося, однако, в средневековой медицине как родовспомогающее средство. Дальше легенда и свидетельские показания немного расходятся. Сначала ничего перспективно не обнаружилось, дальнейшие исследования решено было прекратить. Через пять же лет — по легенде — вещество с пальцев случайно попало в организм Хоффманна, вызвав настойчивую потребность отправиться домой на велосипеде («пророк на велосипеде») и там испытать галлюциногенную встречу с богами. По его же версии — как раз этот мощный эффект, странные свойства производной из спорыны кислоты, подтолкнул его к дальнейшим исследованиям, нельзя ли как-то и где-то задействовать необычную субстанцию...

До сих пор и после даже Хоффманн совершенно академичен, как сдержанный пожилой ученый. Описывает те условия, в которых они работали (куратор не давал денег на новую вытяжку), технологии, дает описание всех химических процессов, формулы, маршруты своих поисков. «В 1938 году я получил двадцать пятое вещество в этой серии производных лизергиновой кислоты — диэтиламид лизергиновой кислоты, в лабораторных записях сокращенно называвшийся ЛСД-25» — не знаю, специально ли подгадали издатели-верстальщики, но об этом сообщается на 25-й же странице книги.

Дальше очень забавно, прямо просится для экранизации, как чопорные швейцарские ученые в кабинетах ли, в своих домах ли с видами на эти самые луга проводили эксперименты с тем, чем потом «закидывались» хиппи и прочие неформалы, записывали свои ощущения. И дело было действительно в научной любознательности — очень уж неожиданными были эффекты вещества. Мощнейший из известных науке формул галлюциногенный эффект не приводил при этом ни к отключению сознания (испытуемый все помнил), ни к похмельным, ни к абстинентным синдромам, не имелось и каких-либо видимых противопоказаний, все быстро и безболезненно выводилось из организма. Опыты на животных — при том, что вещество явно воздействовало на высших приматов, на определенные доли мозга, — тоже оказались любопытны: собаки беспокоились, кошки переставали охотиться на мышей (!), пауки ткали более аккуратную паутину. Во всем этом виделся явный научный (и коммерческий — это же Big Pharma!) потенциал. И первоначально ЛСД решили коммерциализировать как средство от мигреней.

Научные исследования — прерывавшиеся то войной, то временным разочарованием и переключением на другие формулы — шли, и выяснялось дальнейшее. Так, например, лизергиновая кислота меньше всего концентрировалась в мозге, запущенный же ею эффект в сознании продолжал действовать и при почти полном выведении ее из организма. То есть — она была таким инициатором, запускающим процессы, как-то по-особенному стимулирующим мозговую деятельность человека... Настоящий фантастикум, как с подачи Л.Левина в 1924 тогда и даже сильно позже, даже в переписке Хоффманна и Юнгера, называли подобные психоактивные снадобья!

Вот тут нужно отдать должное Хоффманну (и либерализму его начальства). Он почти сразу почувствовал, что столкнулся с чем-то принципиально новым. Конечно, это он (и не он один, американцы очень быстро включились в исследование перспективной формулы) выяснил уже сильно впоследствии, когда уже все пошло не так, но, например, намечался крайне многообещающий потенциал для психиатрии: «Под воздействием ЛСД привычное видение мира претерпевает глубокие изменения и дезинтеграцию. С этим связано ослабление или даже временное разрушение границ Я-Ты. Пациентам, увязшим в круговороте эгоцентричных проблем, можно, таким образом, помочь расслабить их фиксацию и изоляцию. Результатом может стать улучшение взаимопонимания с врачом и лучшая восприимчивость к психотерапевтическому воздействию. Повышенная внушаемость под воздействием ЛСД работает в том же направлении». Были и иные импликации — ментальный

афродизиак; при психологической терапии (транквилизаторы подавляли и загоняли проблемы внутрь, не позволяя с ними работать, здесь же эффект был противоположным, эксплицирующим); американцы успешно использовали его и для облегчения последних дней терминально больных пациентов («пациенты под влиянием ЛСД настолько отделены от своего тела, что физическая боль не проникает в их сознание», обращенное, обращающееся, кстати, к тому, что Юнгер в «Сердце искателя приключений» назвал «таможней», границей между жизнью и смертью), иное...

Иные исследования же — далеко не сразу, чуть ли не до конца 60-х «Сандоз» отгружал волшебное вещество буквально тоннами для НИОКР других организаций и прочих желающих — были резко прекращены, когда кислота перешла в статус наркотика (сам Хоффманн, кстати, как и Маккенна, к собственно наркотикам относился отрицательно). Опять же интересно, как это произошло. Параллельно публикации результатов исследований в специализированных изданиях шли отчеты о волшебном лекарстве в газетах и журналах, свои отчеты об «экспириенсах» публиковали журналисты чуть ли не в центральных СМИ, писатели, рок-звезды и прочие инфлюенсеры могли потерять корону культовых персонажей, если не лизнули этот состав... Хайп, вкупе с тем, что вещество было совершенно легальным, истек срок патента, синтезировать его было довольно легко, привел к понятным негативным эффектам. Было принято решение окоротить набиравшее опасные для системы обороты контркультурное движение в Америке, которое почти возглавил Тимоти Лири, психоделический гуру, начертавший на своем флаге перемену (метанойю, сказали бы в другой традиции) мышления с помощью ЛСД³¹... Арест Лири в Америке, его бегство, повторный арест в аэропорту Афганистана. ЛСД и его исследования под запретом.

Еще раз надо отдать должное Хоффманну, он не остался в статусе селебрити и пророка «революции цветов 60-х», но продолжал и свою работу, и свои исследования в данной области. Например, с прекрасно уже известными нам Гордоном Уоссоном и его супругой Валентиной Павловной (Хоффманн ее величает по имени-отчеству, этикет соблюден). По их приглашению Хоффманн включился в исследование «волшебных грибов», благо в них — в кактусах и лианах — обнаруживался предположительный аналог обнаруженной им кислоты. Поездка Хоффманна с супругой же в Мексику — захватывающий сам по себе трэвелог. Встречались они, участвовали в знахарской сессии и с Марией Сабиной. Когда другие шаманы обещали содействие, но лишь водили безрезультатно по горам, она была той, кто все продемонстрировал и дал образцы для их дальнейшего лабораторного исследования. За что ей досталось от односельчан — если сама Мария пишет, что ее магазинчик сожгли просто злые завистливые люди, то Хоффманн определенно считает, что это была месть за экспонирование древней магии бледнолицым. «В ее честь можно сказать, что этим она открыла дверь для исследования мексиканского культа грибов в его нынешней форме, а также для научных, ботанических и химических исследований священных грибов. Результатом этого стали два ценных действующих вещества: псилоцибин и псилоцин. Без ее помощи древнее знание и опыт, хранящиеся в этих тайных практиках, возможно, и даже наверняка, исчезли бы без следа, без какого-либо вклада в развитие Западной цивилизации».

«Мессия поневоле» (Ричард Бах)³², Хоффманн оставался прежде всего ученым и, как настоящий ученый, мыслителем. Звездный же статус он использовал, например, когда первым написал письмо своему любимому писателю Эрнесту Юнгеру и послал ему баночку меда в честь его романа «Стеклянные пчёлы» (не пропустила бдительная швейцарская таможня). Завязалась переписка, затем общение и дружба. И если Хоффманн много раз пишет о том, что трипы могут быть как познавательными и целительными, так и пугающими (страшные видения), много раз предупреждает, что всем этим нужно заниматься ответственно, с подготовкой, под наблюдением и т.п., — то, на самом деле, описание их с Юнгером опытов с психоделиками является тут

лучшим примером. Это воистину те личности, каждая фраза, каждый жест которых исполнен не только сугубой любознательности и открытости, но и подлинной интеллигентности, аристократичности, настоящего благородства! (И это несмотря на весьма почтенный возраст³³ обоих — Юнгер опубликовал работу «Сближение: наркотики и опьянение» в 1970-м году, в возрасте 75-ти лет, оба и прожили до мафусайловых лет, умерли в 102 года.) «Сияние Эрнста Юнгера» называется отдельная глава про опыты двух мыслителей, и это точно справедливо. «Мы собрались в стильной комнате с темным деревянным потолком, выложенной плиткой печью, старинной мебелью, французскими гравюрами на стенах и пышным букетом тюльпанов на столе. Эрнст Юнгер был одет в длинный, широкий восточный халат с темно-синими полосками, который он привез из Египта; Херберт Концетт был великолепен в ярко вышитой мантии мандарина; Рудольф Гелпке и я надели домашние халаты. Повседневную реальность следовало отложить в сторону, вместе с повседневной одеждой». Саундтреком — любимый Моцарт. Затем погружение этих серьезных психонавтов с взаимонаблюдением, письменной фиксацией опыта (и последующим использованием в книгах). Разбор полетов за изысканным ужином, «где рекой лилось бургундское». И если кто-то увидит в этом подлинном *unio mystica* какой-то криминал...

Свой обмен мнениями в последующей переписке (и отчет о дальнейших совместных опытах) Хоффманн тоже приводит, спасибо ему огромное. Мнения с Юнгером (тот, кстати, как и Маккенна, считал наркотиком и кофе, недолюбливал их в целом за то, что утрачивается контроль над сознанием и та сосредоточенность, что так необходимы писателю) могли расходиться. Хоффманн же — после научных экспериментов — активно занимался как раз осмыслением полученных опытов. Цель психоделии — кроме практических применений ЛСД — глобальна. «Попытки преодолеть наше материалистическое видение мира совершаются в различных направлениях, не только приверженцами восточных религиозных течений, но и профессиональными психиатрами, которые перенимают подобный глубокий духовный опыт в качестве основного терапевтического принципа. Я разделяю мнение многих моих современников о том, что духовный кризис, охвативший все сферы западного индустриализованного общества³⁴, может быть излечен только изменением нашего видения мира. Нам следует перейти от материалистического, дуалистического убеждения, что человек и окружающая среда раздельны, к новому осознанию всеобъемлющей реальности, которая включает в себя воспринимающее «Я», реальности, в которой люди чувствуют свое единство с живой природой и мирозданием». Здесь он цитирует, находя понимание, «Искусственную жизнь: эссе по антропологии этого» Готфрида Бенна, где тот справедливо приписывает тенденцию разделения «Я» и мира западной технократической цивилизации. Возможность (необходимость!) пересмотра общего вектора цивилизационного развития косвенно допускает и Юнгер, когда пишет в письме Хоффманну: «...В области физики и биологии мы начинаем разрабатывать технологии, которые больше нельзя понимать как прогресс в установленном смысле, которые вмешиваются в эволюцию и участвуют в развитии вида. Конечно, я выворачиваю все наизнанку (в своей книге. — А.Ч.), так как полагаю, что именно новая мировая эпоха действует эволюционно на прототип. Поэтому наша наука, с ее теориями и открытиями, не причина, скорее одно из следствий эволюции. Это одновременно коснется животных, растений, атмосферы и поверхности планеты. Мы не развиваемся от точки до точки, скорее мы пересекаем некую линию». Цель этого пересмотра понятна, так ее формулирует Хоффманн: «Такое переживание полного единства с внешним миром может даже усилиться до ощущения единства с целой вселенной. Состояние космического сознания, которое в благоприятных условиях может быть вызвано ЛСД или другим галлюциногеном из группы мексиканских священных снадобий, сходно с произвольными религиозными озарениями — *unio mystica*. В обоих состояниях, которые зачастую делятся лишь

мгновение, воспринимается реальность, дающая мимолетный взгляд на трансценденную реальность, в которой вселенная и «Я» едины».

Мир, конечно, хотел не глубинных перемен, а привычного «как раньше». А оно вышло только хуже.

Бракосочетание рассудка и кошмара

Джеймс Грэм БАЛЛАРД. Выставка жестокости / Пер. с англ. А.Ибсаратова. — СПб.: Найди лесоруба, 2022. 704 с.

«Озон» для показа этой книги просит подтвердить возраст, издатели же в своем предведомлении обошлись изящнее — «возрастной рейтинг издания не определен. Читайте, если считаете, что готовы к этой реальности». Как раз то, что Баллард, засучив рукава и натянув старые прозекторские перчатки, работает с модерной реальностью, и составляет, на мой взгляд, главную ценность этой книги.

Про прозекторские — не для красного словца. У тихого писателя с замашками анахорета-мизантропа из столичного пригорода Шеппертон (Лондон не любит из-за серой средневековой архитектуры, Великобританию считает чужой страной), известного, возможно, «широкой публике» не своими книгами, а их экранизациями («Автокатастрофа» Кроненберга, «Империя солнца» Спилберга) на удивление лихая в анамнезе биография. Детские и подростковые годы в Шанхае, включая два с половиной года интернирования в японском лагере. Родители вернулись в Англию, он изучал медицину в Кембридже, где как раз и занимался вскрытием трупов. Работал курьером, копирайтером, проходил службу пилотом в британских BBC. Начал писать научно-фантастические рассказы, потом — поработав еще в научном журнале — полностью перешел на сочинительство. Ассоциировался с научной фантастикой, но в каждом интервью говорил, что хоть и считает фантастику более ценным, чем традиционная литература, жанром, с обычной научной в виде Азимова и Кларка ничего общего иметь не желает — те сосредоточены на каких-то совершенно условных внешних кунштюках вроде звездных кораблей и несуществующих технологий, а он пишет о том, как будущее, наступающее вот сейчас, каждый момент, преобразует наше внутреннее. «Фантаст, как и ребенок, может создать те стеклянные самолеты, что пролетают сквозь наши сны».

В духе ли традиционной английской эксцентричности, говорил Баллард вообще много резкого. Что, например, фантомные сборища поклонников фантастики терпеть не может, раз сходил, там одни тупые фрики, что ядерное оружие — это не так уж и плохо (страны удерживаются с его помощью от войны), как и загрязнение окружающей среды — «я могу найти определенную красоту, глядя на озеро, в котором плавает яркий металлический мусор. Или некую геометрическую красоту в конусе из фарфоровой глины высотой в четыреста ярдов, вдруг оказавшуюся посреди сельского пейзажа». В «Выставке жестокости» сходный пейзаж — «вышки с камерами и блокгаузы острова Эниветок, бывшей зоны ядерных испытаний».

Что же удивляться, что в своем самом радикальном романе он умудрился шокировать всех³⁵. Внутренняя рецензентка из даже дружественного ему издательства вернула книгу с ремаркой — «этому автору не поможет и психиатр. Не публиковать», первое американское издание пустили под нож... Формально дело отчасти было в том, что у Балларда смачно описываютя главные, на его взгляд, события XX века — ядерные испытания, убийство Кеннеди, самоубийство Монро. Они — полноценные герои и символы, а касательно того же Рейгана, как бы сказать помягче, в книге рассказчиком оглашается сильное желание заняться с ним жестким сексом. Рецензию на «Мою борьбу» Гитлера или крайне (ко)чувственное описание авто/авиакатастроф

уже даже отдельно и не отмечали... Не могло не скандализировать и то, что в своей книге Баллард на полную катушку выражал собственные идеи — вроде того, что символ прошлого века — это «человек в автомашине, едущий по бетонному шоссе в неизвестном направлении. Здесь почти все аспекты современной жизни, хорошие и плохие: наше ощущение скорости, драмы и агрессии, мир рекламы и потребительских товаров, инженерии и массового производства и общий опыт совместного движения по искусно размеченному ландшафту». Интересно, как оценил бы Ги Дебор и психогеографы этот образ *lost highway?* «Теперь я знаю, что это своего рода логика кошмара, но именно такова “Выставка жестокости”, книга кошмарных формул... Отчаянные, отчаянны меры. В итоге и “Выставка жестокости” и “Крушение” попадают в эту категорию. Набор отчаянных мер, отчаянных способов».

Совершенно дискретная форма книги — чай не к любой напишет предисловие сам великий и ужасный Берроуз! — только добавила сложности восприятия — и адекватности выражаемому. Перед нами не только полный микс жанров³⁶ и, по сути, нон-фикшн (хотя то, что Баллард считает его романом, очень характерно), но — совсем не традиционное отношение к нарративу в принципе. Баллард — когда не вставляет в текст эссе, заметки, картинки, не играет шрифтами и т.п. — пишет не отдельные повести, но «сжатые романы». Герой, совсем как у Беккета, бродит по этой выжженной после испытаний земле, спит среди обугленных манекенов, не помнит себя и знать не хочет, как и других людей, морит себя голодом и, совсем как Моран в «Моллее», хромает даже. Какая, в конце концов, разница, как он очутился в такой ситуации? Мы все в ней, так или иначе.

«Раздробленная личность и восприятие главного героя и его сюрреалистические фантазии заставляют вспомнить психиатрические диагнозы вроде шизофрении и многоличностного расстройства — у иного читателя может даже сложиться впечатление, что и сам автор страдает какими-то подобными искажениями», пишет в предисловии переводчик, автор комментариев и, как я понимаю, инициатор книги Алексей Ибсаратов. Теренс Маккенна бы вставил реплику, что логика сна и безумия — это, по Блейку, Хаксли и Doors, те самые двери восприятия, что сообщают иной, внериационный и зачастую более прозорливый взгляд на вещи... И Ибсаратов согласится с ним: «Известный российский психиатр и исследователь В.П.Самохвалов в ряде своих книг (“Психический мир будущего” и др.) делает предположение, что те явления, которые мы сегодня квалифицируем как расстройства психики (галлюцинации, расщепление личности, шизофрения, бредовые фантазии) могут оказаться первыми ростками новых вариантов норм, способами организации и функционирования ума, необходимыми для существования в будущем обществе с его коммуникациями». Баллард же немного уточняет: «Мир этих рассказов — наилучшее доступное мне приближение к матрице моего собственного сознания и опыта: выражение полностью квантифицированного и разрывного потока событий, происходящих по обе стороны сетчатки моих глаз».

О книге с амбициями Дос Пассоса и Джойса (даже не «Улисса», а «Финнегана»), напоминающей, кроме того же Джойса, прежде всего Воннегута, Берроуза и Пинчона, многое сможет сказать и ее генезис и рецепция. Скептически относящийся к большинству классических произведений (исключение — Шекспир, тот, в числе прочего, полностью передал *Zeitgeist* своей эпохи), Баллард очень любил живопись и усиленно вдохновлялся оной — Даля³⁷ («вуайеризм, самоотвращение, биоморфный ужас, инфантильная основа наших грез и страостей — все эти болезни психики, верно диагностированные Даля, достигли кульминации в самой зловещей жертве этого века — смерти аффекта»), Магритт, Кирико, Макс Эрнст, Танги, Дельво (есть в книге и эссе о них). Сам же Баллард вдохновлял в значительной мере разные странные группы — «Joy Division и Мэрилин Мэнсон, SPK и Lustmord, Human League и Дэниел Миллер», перечисляет переводчик, а я бы назвал всю традицию европейского и японского нойза (в конце

концов, фильм «Автокатастрофа» ни в какой другой стране не может похвастаться таким количеством фанатов и воистину культовым статусом!), ассоциативно Артура Брауна и *Einstürzende Neubauten*, мрачную (без)духовную урбанистику у *Coil*, *Current 93*, *Nurse With Wound* и *Godspeed You! Black Emperor*...

И если уж говорить о проекции Балларда в будущее, сиречь наши дни, то к его безусловно сыгравшим предсказаниям можно отнести целый список — от признания гомосексуальности нормой и, наоборот, миграции обычного межгендерного секса во что-то периферийное, точную характеристику коротких видео *reels Instagram* и *TikTok* (он просто ясновидит, описывая, как люди, снимая себя весь день, вечером будут отбирать лучшее видео для демонстрации массам) до вообще «здесь образы обывательских благ, компьютерных схем и оружейных технологий сливаются с языковыми играми Вигтенштейна, творя новый ландшафт: территорию, которую мы носим в своих головах, созданную из фантомов тысяч забытых ТВ-программ, автоматных билетов и образных дорожек».

Здесь даже не имплицитно, а почти собственной персоной возникает где-то на заднем плане Берроуз. Берроуз Баллард считает вторым после Джойса величайшим писателем XX века. Хотя и утверждает — дабы отнести сравнения с ним? — что начал читать его очень поздно. Говоря же о Берроузе, Баллард будто описывает свою собственную методу: «“Реальность” этих книг не является неким бледным отражением гипотетической внешней ситуации, детали и местный колорит которой впаяны в повествование. Напротив, это вторящая себя сама вербальная реальность следующего предложения и абзаца, похожая на путеводитель, способный двигаться в любых направлениях с помощью одного набора рельсов. В четырех романах Берроуза по очереди рассмотрены взаимоотношения индивидуального воображения с обществом в целом (“Голый завтрак”), сексом (“Мягкая машина”), пространством и временем (“Билет, который лопнул”) и чувством идентичности (“Экспресс Сверхновой”). <...> Война между обществом и индивидуальной свободой — самой свободой быть личностью — не может закончиться никогда. Остается один выбор: жить либо в своих личных кошмарах, либо в чужих, ведь те, кто (подобно Бунюэлю или создателям нацистских лагерей) добиваются контроля над системой, просто навязывают свои фантазии всем остальным». Так как же работает Баллард с этой разрушающейся реальностью внутри и снаружи? Рецептов, сразу скажем, не дает, он далек от какого-либо морализма и ригоризма, как от родного Шанхая. Хотя и заявляет, что «писателю все меньше и меньше приходится изобретать вымыщенное содержание своего романа. Вымысел уже здесь. Задача писателя — изобрести реальность». Но холистическая картина, диагностика его оказываются близкими к тем векторам, которые указывал Маккенна.

К прямому троллингу американских спецслужб, как последний, Баллард, заметим, прибегает редко (но метко — чего стоит его ехидная шпилька, что названия главы в отчете комиссии Уоррена об убийстве Кеннеди звучат в духе Роб-Грийе — «Следующая пуля, которая попала», «История карниза для штор», «Длинный объёмистый свёрток»). Отмечает он, как и Маккенна, пагубную роль телевидения: «В своей явной фазе эта война может быть рассмотрена как ограниченное военное противостояние с сильным вовлечением аудитории посредством ТВ и средств массовой информации, удовлетворяющее низкопороговые фантазии о насилии и агрессии». В целом, однако, Баллард исходит из более глубинных предпосылок, так, корректирует Фрейда: «...Классическое фрейдово разделение явного и скрытого содержания внутреннего мира психики теперь должно быть приложено и к внешнему миру реальности. Определяющим элементом этой реальности является технология и ее инструмент-машина». Задача же науки оказывается в современном мире скомпрометирована — она не ищет более общих оснований, но, наоборот, разъединяет, фиксирует разобщение: наука — «есть абсолютная порнография, аналитическая деятельность, главная цель

которой — изолировать объекты или события от их контекста в пространстве и времени. <...> Как это не похоже на Лотреамона, сводившего на анатомическом столе швейную машинку и зонтик, отождествляя половые органы ковра с пряжью трупа». Сомнение Маккенны в целеполагании современной науки не стоит и упоминать... Одним словом, «то бракосочетание рассудка и кошмара, что доминировало в XX столетии, дало рождение еще более сюрреалистическому миру», а мы в нем — «едва ли нечто большее, чем жалкий остаток бесконечных нереализованных возможностей наших жизней». Куда же — вспомним милый сердцу и глазу Балларда образ машины на шоссе в никуда — можно тут вырваться, чем для индивида все закончится, что сердце успокоит?

«Герой в каком-то смысле гибнет, но обретает способность стать одним целым с деквантифицированной Вселенной».

Рецепты, см. выше, каждый выбирает для себя сам.

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ О Е. Головине, Г. Джемале и Е. Торчинове («Внутренняя алхимия», № 12, 2021), У. Блейке и Е. Блаватской («Энтузиаст, эманципе и низвергатель», № 3, 2022), космизме, евразийстве и отечественной философии новых и новейших времен («Божественная эволюция», № 6, 2022), про новые языки современного богословия («Божественная эволюция», № 9, 2022) и о языках Корана, суфизма, древнеиндийской философии и древней музыки («Дети собрались у Божьего престола», № 12, 2022).

² Эдуард Лимонов описывал этот феномен в своей одноименной книге 1993 года как «дисциплинарный санаторий», Александр Дугин в книге 2022 года «В пространстве великих снов (путешествия на край утра)» — как «мягкий концлагерь».

³ Книгу можно легко найти в интернете и скачать, но, как говорит Ольга Балла, такие книги «должны быть дома».

⁴ Прошу прощения у высоких профессионалов от психологии, но чаще подобный подход встречается у батюшек, старцев даже.

⁵ См. об энтропии веры во вступительном слове к «Огням Св. Доминика» Е. Замятиня.

⁶ Впрочем — это уже не Джеймс, он цитирует Маудслея — «важно лишь то, что работа выполняется и что качества работника таковы, что он может ее выполнять. И с космической точки зрения совершенно безразлично, что этот работник представляется на чай-нибудь взгляд лицемером, развратником, эксцентриком или безумцем...»

⁷ О книгах этого издательства по обсуждаемой нами сейчас теме см. предыдущий выпуск рубрики.

⁸ Христофорова О. Хохот шамана и плач этнографа // Новый мир. 2022. 7 (http://www.nm1925.ru/Archive/Journal6_2022_7/Content/Publication6_8067/Default.aspx).

⁹ Теренс Маккенна, о книге которого мы поговорим чуть позже, не без оснований постулирует, что «в доисторические (но уже послеархаичные) времена, то есть примерно с 5000 по 3000 годы до н.э., угнетение общества, основанного на партнерстве, захватчиками из числа приверженцев патриархального строя подготовило почву для того, чтобы шаманы больше не могли открыто заниматься экспериментальными исследованиями природы. В высокоорганизованном обществе место этой архаичной традиции заняли традиции вероучений, жречества, патриархата, ведения войны и, в конечном итоге, “rationальных и научных” ценностей — ценностей общества доминирования». Что касается темы феминистической эволюции, то тут фору Маккенна даст книга киберфеминистки и ученого Донны Харауэй «Оставаясь со смутой», см.: Чанцев А. Овцы навахо за Сообщество компоста // Colta. 2021. 9 декабря (<https://www.colta.ru/articles/literature/29075-aleksandr-chantsev-kniga-ostavayas-so-smutoy-zavodit-sorodichey-v-htulutsene-donna-harauey-russkiy-perevod>).

¹⁰ Позволю себе сослаться на собственные констатации невозможности и далее развивать существующие глобальные парадигмы и тщетные призывы к переменам: Чанцев А. Энергия поражения сильнее энергии победы. Интервью Борису Кутенкову // Формаслов. 2022. 15 октября (<https://formasloff.ru/2022/10/15/aleksandr-chancev-jenergija-porazhenija-silnee-jenergii-pobedy/>). Наличие же множества претензий к безальтернативной фаустианской (рациональной, технологической) цивилизации как раз и говорит о положительном влиянии допущения иных (духовных, гуманитарных, главное — альтернативных) оснований — почему бы и не шаманских и иных древних культур — см. Чанцев А. Фауст, коронавирус и котики Апокалипсиса // Середина мира. Б.г. (<http://seredina-mira.narod.ru/alexchantsvesse.html>).

¹¹ Сейчас, правда, в некоторых кругах международных модников популярен другой галлюциногенный напиток шаманов индейских племен бассейна Амазонки — «лиана духов» или аяуаска. Иначе как очередное «актуальное вение» этот напиток из многих компонентов, большинство из которых к тому же совершенно легальны, и готовящийся много часов, воспринимать нельзя. Тем более что и в Перу, где не было никакой медицины в нашем понимании, аяуаска использовалась в лечебных целях: алкалоиды убивали паразитов, выводили глистов и т.д. Маккенна и тут первооткрыватель и впереди всех — для него яхе (аяуаска) — «андерграундная легенда 1950-х годов».

¹² Маккенна вообще не видит принципиальных различий в «географической привязке» шаманов: «Независимо от личности шамана, будь он инуитом из Арктики или уитото из верховьев Амазонки, определенные техники и ожидаемые результаты остаются неизменными».

¹³ А.Хофманн, о мемуарах которого мы поговорим немного дальше, добавляет: «Согласно другому представлению, грибы вырастают, где капля слюны изо рта Христа смочила землю, и поэтому Иисус Христос сам говорит посредством этих грибов».

¹⁴ Даже на взгляд неспециалиста: подобное распространение в этих местах неизлечимой болезни, связанной с воспалением лимфоузлов, не только сильно напоминает рак, но и должно иметь определенный источник — залежи радиоактивной руды на тех самых кукурузных полях?

¹⁵ Шаманка утешает саму себя и немного кичится: «Аполония и Вивиана, две другие мои дочери, тоже никогда не будут сабия. Они не получат Книгу из рук Высших Существ. Зато я известна на небесах, и сам Святой Отец знает, что я существую. Важные люди знают, что я родилась. На веладах я слышу, как мне говорят, что я та, кого уносит священная вода, что я подводная женщина из Книги». А вот А.Хофманн в своих мемуарах указывает, что дочери Марии Сабины должны были продолжить ее путь, были активно задействованы в сеансе, на котором он присутствовал.

¹⁶ Как минимум об одной книге о шаманке из народности масатеков известно: мексиканский поэт и писатель Хомеро Аридjis написал роман «Карне де Диос» о Марии Сабине.

¹⁷ Munn H. The Mushrooms of Language // Michael J. Harner, ed., Shamanism and Hallucinogens. London: Oxford University Press, 1972. С. 88.

¹⁸ И это неудивительно. Маккенна с полным на то основанием писал, что «именно шаманов следует считать далекими предшественниками поэтов и художников». Тут можно вспомнить, что Джим Моррисон, не только стремившийся превратить, претворить свои концепты в настоящие дионаисийские оргии, но и использовавший образы шаманов в своих стихах, песнях и клипах на них, возводил появление у него поэтического дара к эпизоду из его детства, когда машину его родителей остановила на шоссе авария индейцев из резервации — тогда, по словам Моррисона, душа умершего индейца-шамана вселилась в него.

¹⁹ Тем более что большинство попыток западных людей пожить среди настоящих индейцев в джунглях заканчивались или болезнями и(ли) чаще тем, что, проводив основную группу туристов, автохтоны снимали национальные наряды, надевали джинсы-майки и доставали смартфоны проверить банковский счет и извещения в соцсетях.

²⁰ При этом он, почти как Лев Гумилёв, посвящает страницы поискам праивилизации (находит продвинутую и сгинувшую натуфийскую культуру, которая «связывала африканскую культуру с Чатал-Хююком»).

²¹ Встретим мы нашу крестьянскую целительницу и на самых первых страницах The Spiritual Journey of Alejandro Jodorowsky: The Creator of El Toro Александро Ходоровски. Был же настоящим первооткрывателем, как всегда, Антонен Арто, еще в 1935-м намеревался отправиться в Мексику, где, разочарованный в западном мире, он намеревался исследовать возможность «возвращения к цивилизации до Кортеса». «Ура — первопроходцам своих беспризорных пространств / Своих безоглядных глубин» (Е.Летов, «Слава психонавтам»), Арто жил с местными народами, участвовал в их обрядах и, кстати, мучительно расстался там с герояном — и описал в книге «Тараумара» свои опыты с пейтом в той поэтической форме, которую можно было бы сравнить с песнями Марии Сабины.

²² После этого несколько наивными кажутся дифирамбы Томаса Бернхарда в его книге «Бетон» в адрес швейцарских фармацевтов, в «стеклянных зданиях в пригородах Веве и Монtere» занимающихся изобретением спасающих человечество от болезней субстанций — как видим, молекулы там синтезировали разные... Хоффманн же в своих мемуарах проведет нас внутрь лабораторий, даст полный инсайд.

²³ Достается Уоссону и за то, что, преисполнившись отвращения к хиппи и прочим духовным искателям, бросившимся в Оахаку после его публикаций о божественных грибах, практически отказался от презентации миру своего opus magnum — он издал его на французском, противился переводам на английский.

²⁴ Впрочем, люди постоянно подозревают, что мыслит внутри них кто-то другой — то социальное «коллективное бессознательное» Дюргейма, то некое безличное начало das Man Хайдеггера...

²⁵ Культ Богородицы, например, его значение в католичестве и для той же шаманки Марии Сабины Маккенна в пылу спора не хочет рассматривать.

²⁶ Игнорирование восточного дискурса — явление обычное для западных исследователей, но все же странное для Маккенны с его как раз открытостью по отношению к периферийным, маргинализированным зонам мысли.

²⁷ О них много пишет и А.Хофманн — воистину в те годы сложилась уникальная ситуация, когда персонажи с совершенно разными бэкграундом и интенциями приходили как минимум к одним и тем же объектам исследования.

²⁸ Это признал уже даже Голливуд в фильме Марио Ван Пиблса 1995 года о движении (<https://www.imdb.com/title/tt0114084/>).

²⁹ «И физически, и психологически человек способен чувствовать родство с тем или иным зверем, деревом, камнем, звездой, ассоциировать себя с объектами совершенно внечеловеческими и испытывать их магико-метафорическое влияние. Точно так же через человека могут проникнуть и в человека пребывать сущности иной природы». Головин Е. Человек и люди // Элементы. — 1996. № 8. С. 85 (<http://golovin.evrazia.org/?area=works&article=26>).

³⁰ Так как действительно самобытный стилист Трокки до сих пор никак не инкорпорирован русской традицией, позволю себе сослаться на свою статью об его англоязычных изданиях, которая в свое время и послужила триггером для русскоязычного издания. Может быть, что-то опять подтолкнет сизифовы камни ригидного отечественного восприятия... Чанцев А. Александр Трокки: Каинов завет // Перемены. 2017. 21 сентября (<https://www.peremeny.ru/blog/21370>).

³¹ Началось же его страстное увлечение со всех тех же грибов, которые он попробовал во время своего отпуска в Мексике в 1960 году.

³² Так, раз к нему чуть ли не из Америки в лабораторию прорвалась хипповская Жанна д'Арк — ей нужна была доза кислоты для президента Никсона, чтобы он пересмотрел свою политику и вообще пути развития человечества.

³³ Пресса в Германии веселилась в 1995 году, когда отмечалось 100-летие Юнгера — заслуженного седовласого писателя величали «наркобароном», напечатав на обложке одного молодежного журнала его портрет в ярко-кислотных цветах.

³⁴ Поэтому, предполагает Хофманн, наибольшую популярность его открытие снискало в Америке, стране, наиболее далеко по тем временам ушедшей по пути технологического, материального развития со всеми его негативными последствиями.

³⁵ Тем более что Англия только в последние десятилетия озабочилась имиджем свободной и продвинутой страны, нравы же у нее в XX веке были весьма пуританскими и жесткими — вспомним только химическую кастрацию Алана Тьюринга, тюремные сроки «роллингов», глухой пресс тэтчеризма, преследование неугодных, будь то Оскар Уайльд или Джулайн Ассанж...

³⁶ Дополненное и весьма расширенное — за счет публицистики Балларда, множества его интервью, анкет, сценариев, рецензий и т.д. и т.п., уж не говоря о комментариях — отечественное издание только усиливает этот эффект единства фрагментарного, разрозненного, разбитого, руин настоящих. Как предсказывал еще Адорно — целое никогда не верно.

³⁷ Дали — самый любимый и максимально близкий для Балларда художник. У него встречаются точные характеристики далианского мира, например, что того совершенно зря квалифицируют как сновидного: онейрические декорации — это чаще всего обычные, повседневные места, часто закрытые комнаты, если уж сравнивать их, то с мирами Кафки, но никак не экзотическими пустынями с расплавленными часами, огромными распятиями и голыми музами, как у Дали.

Ольга Балла

Пульсирующие точки нового состояния мира

Ксения ГОЛУБОВИЧ. Постмодерн в раю: О творчестве Ольги Седаковой. — СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2022. — 520 с.

Одни из самых точных слов о книге Ксении Голубович (спешу заметить: это не сборник — хотя по формальным причинам как раз он, — но именно цельная книга; к этой мысли мы ещё вернёмся) уже сказала, в послесловии к ней, сама её героиня. Справедливо заметив, что восприятие стихов у Голубович обеспечено и «филологической подготовкой», и «навыком философской герменевтики», Ольга Седакова обратила внимание на то, что главное — не в этом, а в типе позиции: если филолог и герменевт в их классическом понимании видят толкуемый ими текст «с безопасной дистанции понимания и профессиональной оснащённости» — «они неуязвимы: они как бы вычили самих себя из действия текста», выключая его «беспокоящую энергию», то Голубович, наоборот, «входит в текст как в силовое поле», «в его действие — и уже потом разбирается, что и как в нём действует». В таком устройстве своего взгляда Голубович признаётся и сама, говоря, например, о своём чтении седаковских «Тристана и Изольды»: «Мы будем смотреть это Первое вступление, как смотрят кино, — валом, полным объёмом впечатлений. И комментировать, как делают те, кто включается в ход событий».

На самом деле то, что такого разговора о поэзии у нас до сих пор не было, как говорит поэт в том же послесловии, — не вполне точно. Во многом сопоставимую позицию по отношению к понимаемым текстам занимает по меньшей мере еще один автор — Филипп Дзядко в своей вышедшей в позапрошлом году книге «Глазами ящерицы» — дневнике чтения «несуществующей книги» Михаила Айзенберга. Но разница действительно есть: если Дзядко, входя в поле действия текста, далее читает его как частный человек, то Голубович занимает одновременно несколько позиций: филолога, историка культуры, философа (отчасти, рискну сказать, и богослова) и того самого частного человека, который, однако, при этом знает, как все эти позиции между собой связаны и, располагаясь в точке их схода, описывает свою читательскую внутреннюю феноменологию — не как собственно свою, не привязываясь к системе личных ассоциаций, но как то, что, предположительно, разворачивается в пространстве восприятия читателя как такового. К важнейшим предпосылкам читательской работы Голубович принадлежит отказ «от собственной уникальности и значимости», как она замечает в связи с чтением «Тристана и Изольды», но значение этого несомненно шире. Она говорит с позиций некоторого «мы», о «нашем читательском опыте» («И снова в будущем нашего читательского опыта наступает тьма»), только в её случае это «мы» обладает отчёtlивой, профессионально отрефлексированной структурой.

Работу Голубович со стихами Седаковой точнее всего, кажется, было бы назвать не столько анализом и интерпретацией, сколько со-мыслием: встречным усилием понимания, при котором читателю важно не установить, наконец, «что хотел сказать автор» (как справедливо замечает героиня книги в уже цитированном предисловии, автор сказал в точности то, что и хотел), не перевести сказанное поэтом на некоторый общепонятный язык, но пройти тот же путь обретения и проживания смыслов и проследить, как эти смыслы образуются. Прояснить траектории собственного движения. И это, несомненно, позиция исследовательская — обращённая сразу в две предполагающие друг друга, связанные друг с другом стороны: вовне и внутрь, на исследуемый предмет и на самого исследователя. Предмет при этом моделируется тоже нетипичным образом. Признавая, с одной стороны, поэзию Седаковой «чудом» — соответственно, тем, что не поддаётся исчерпывающему рациональному описанию («В случае Ольги Седаковой, — говорит она, — с моей точки зрения — происходит чудо»), с другой стороны, Голубович рассматривает её прежде всего прочего как особенным образом устроенную разновидность мысли (исходя таким образом из очень глубокой интуиции, согласно которой мысль и чудо нисколько не противоречат друг другу). Мысли, самим своим устройством проблематизирующей рутинные ходы мышления и поэтическими именно средствами утверждающей, что «мы должны радикально пересмотреть многие свои понятия». Поэтому, если всё-таки искать работе Голубович сжатого дисциплинарного определения, вне всякого сомнения, её стоит отнести к усилиям философского типа. То есть это редчайший по нынешним временам, по крайней мере на нашем языке, способ философствования: мышления о предельно общих и предельно же принципиальных вопросах — путём критического анализа художественного текста или совокупности таковых. (Тут рассматриваются не только художественные тексты Седаковой, но всё-таки они по преимуществу, а, скажем, «Словарь трудных мест из богослужения» — именно в свете поэтической работы своей составительницы¹. Более того, Голубович анализирует и сны своей героини-собеседницы — которые, по разумению самого анализируемого автора, никакое не подсознание, а просто правда: и неудивительно, поскольку речь идёт о мировосприятии поэта, к которому сновидения имеют самое прямое отношение, только выговаривают его собственными средствами.)

«...Не поэзия Ольги Седаковой — предмет нашего исследования, — уточняет автор в первом из составивших книгу эссе, — скорее мы можем что-то понять о себе в свете исследований, предпринимаемых ею. Что лишённая ложных дилеммий её умная, милостивая “триадическая” мысль предлагает совершенно иное порождение смыслов через сложные места нашего национального самосознания и переформатирование символической карты нашей идентичности».

Следуя такому ходу рассуждений, можно предположить, что по-настоящему внимательное прочтение поэзии Седаковой должно бы привести к радикальному перепрочтению, перемоделированию (не только да и не в первую очередь русского человека, но) человека в целом. При этом Голубович ни в коей мере не изымает поэта из уже существующих традиций. Не раз обращая внимание на радикальную новизну мысли и поэзии Седаковой, на выход их из рамок и нарушение ими привычных правил («И чем страннее метафора, тем ближе мы чувствуем саму поэтическую природу языка. А чем она привычней — тем меньше. Ольга Седакова нарушает и это правило. Она начинает творить метафоры там, где, казалось бы, есть только привычное. Она поэт радикально новых метафор»), Голубович, парадоксальным (ли?) образом, не представляет в конечном счёте поэтической работы своей героини как события революционного, переворачивающего основы. Напротив, она видит поэтическую

¹ См.: Ксения Голубович. Труд поэта. Словарь: Ольга Седакова. Трудные места из богослужения. — «ДН», 2021, № 12. — Прим. ред.

мысль Седаковой не как разрыв, но как соединение. Эту мысль она укореняет очень глубоко — не только «в православной традиции, которой <...> принадлежит» поэт, но и во «всех тех традициях, которые [она] с таким вниманием изучает». Голубович прочитывает Седакову в очень широких контекстах, вписывает её в линии, восходящие не только к Осипу Мандельштаму, не только к Эзре Паунду и Стефану Малларме, но и, например, к Хуану де ла Крусу. И ещё гораздо более того — эту мысль, именно поэтическую, не теряя из виду её поэтической природы, Голубович для полного её понимания ставит в контекст философской работы минувшего столетия (вообще, насколько можно понять, в её представлении поэзия и философия, с переходными формами между ними, скажем, эссеистикой, см., например, главу о «Двух путешествиях», — один континуум; это интересный, плодотворный взгляд): «Я не мыслю, — говорит она, — своего ответа без опыта продумывания XX века, работ Жака Лакана и Жака Деррида, без “Логико-философского трактата” Витгенштейна, без школы мысли и перевода Владимира Бибихина <...> Без всего, что нужно, чтобы говорить о современности — от Вальтера Беньямина до Томаса Стернза Элиота и Гастона Башляра и Антонио Негри, Алана Бадью и Чарльза Сандерса Пирса, Жиля Делёза, потому что всё это — пульсирующие точки нового состояния мира, в котором мы живём, который называем современностью, или постмодерном, причём именно те точки, где это состояние мира “мыслит само себя”».

На некоторых — важных — участках предпринятая автором работа понимания принимает вид того, что хочется назвать апофатическим литературоведением: исследователь тщательно отсекает самонапрашивающиеся, но ложные пути читательского воображения, показывая, чем исследуемые тексты не являются (как бы расчистка мыслительных завалов, устранение инерций). «Это не визионерские путешествия в рай или в ад, в земли чистые и нечистые, это и не привычные экзотические путешествия за границу для набора впечатлений» (говорит она о книге «Два путешествия»); «Каждое стихотворение — не повествование и не иллюстрация» (о текстах, составляющих цикл «Тристан и Изольда»). Но всё это — лишь для того, чтобы как можно точнее сфокусировать взгляд на том, что такое эта поэзия сама по себе.

При этом, говоря о конкретных текстах, Голубович постоянно и принципиально выходит за рамки обсуждаемого предмета (сам предмет, впрочем, таков, что то и дело к этому побуждает), высказывая многое глубокого о поэзии вообще, о сущности её как исторического явления и шире — об отношениях человека со смыслом, в частности, воплощаемым поэтически. Всё это высказывается как бы по ходу дела, иной раз важные мысли вообще отправляются в подстрочные сноски, — так происходит, например, мысль о «скандале с <...> отношением к поэзии», устроенным Михаилом Гаспаровым, «посчитавшим всю поэзию на счётах и показавшим, что привычные на слух сочетания мелодий стиха — это уже готовый театральный реквизит». В сноsku автор книги отправляет целый историко-культурный сюжет — мысль о том, что «в целом такой подход к поэзии не несёт в себе откровенного бунтарства. <...> Если брать музыку, то такой анализ — обычная практика среди музыкантов. То, что у нас это было воспринято как “деконструкция всей поэзии”, говорит о том, что поэзия во многом лишена профессионального статуса. Музыка трудна — её изучают с детских музыкальных школ. Её ощущают как отдельную стихию, у которой есть своя история и законы существования. Она влияет на тело — пальцы, посадку. Поэзия когда-то была такой же <...> и от этого она обретала ещё одно смысловое измерение». То есть это мысль о глубоком и сущностном родстве поэзии и музыки и исторической судьбе этого рода, умудрившегося оказаться забытым с далеко идущими культурными последствиями такого забвения. «...Сам шок от такой атаки — историчен. И принятие вызова такой атаки всерьёз — тоже исторично».

Разговор о стихах Седаковой таким образом, не выпуская из внимания своей основной темы, сохраняя её в своём центре, разворачивается, в конечном счёте, в размышление об устройстве культуры (по крайней мере, европейской, в качестве несомненной части которой рассматривается и русская) в целом, об этапах её становления. В частности, много глубокого, очень нетривиального говорится о состоянии постмодерна, одной из важнейших — пожалуй, даже ключевых — фигур которого признаётся Ольга Седакова. Голубович формулирует особенности её работы — и поэтической, и переводческой, и исследовательской: один из объектов рецензирования здесь — словарь «Трудные места из богослужения», — одновременно резко-индивидуальные — и совершенно вписывающиеся в специфически постмодерные культурные задачи, в смыслообразующие процессы, характерные именно для ныне переживаемой эпохи. Размышления этого рода рассыпаны по собранным в книгу текстам: мы находим их не только в главе «Постмодерн в раю», давшей название всей книге, но и, например, в толковании «Тристана и Изольды», где сказано много важного о структурировании смыслового поля постмодерна. Голубович показывает, как Седакова осваивает и осуществляет открываемые постмодерном недоосвоенные, незамеченные, недопонятые возможности.

Кстати говоря: чувствуется большой соблазн осмысливать тексты, составляющие книгу, именно как главы. Написанные в разное время как будто по разным поводам и принадлежа как будто к разным жанрам (где рецензия на книгу, где размышления над отдельными текстами, где общие рассуждения о «политике художественной формы», где ответ на чужую статью¹, а где и вообще восполнение другого текста, который оказался утрачен), они — части целого, связанные друг с другом общими проблемами и сквозными интуициями. Голубович и сама говорит: «...Это какая-то одна мысль, которая старается продумать себя». В пределе, это мысль о целом культурном состоянии (в нём, в свою очередь, автор видит ещё и новую антропологию, «“новый строй” души»), — творчество же Седаковой сообщает такой рефлексии устойчивый центр, вокруг которого она собирается.

В принципе, и то и другое — и анализ творчества Ольги Александровны, и связанные с этим, стимулируемые этим культурологические соображения — вполне возможно было бы выстроить систематически, получив в качестве результата традиционную монографию, а то и целых две. Выбранный Ксенией Голубович способ организации мысли и текста видится, однако, гораздо более органичным. Во-первых, получается цельность со множеством точек входа в неё, множеством ракурсов видения, дающих объёмную картину. Во-вторых, при всей своей цельности это — открытая структура, и к ней всегда могут быть — и наверняка будут — дописаны новые главы.

¹ См.: Владимир Бондаренко. Остров озарений Ольги Седаковой. — «ДН», 2006, №4; Ксения Голубович. Встреча в Венеции: О статье В.Бондаренко «Остров озарений Ольги Седаковой». — «ДН», 2006, № 9. — Прим. ред.

Правила игры

Борис Минаев

Добро пожаловать в Берлин

Фильм Боба Фосса «Кабаре» стал частью советской (или, вернее, постсоветской) культуры в конце 1980-х годов, когда появились видеокассеты, и мало того, что они появились как техническое изобретение, они появились еще и как продукт — пиратскую видеокассету с американским фильмом можно было купить в ларьке, на вешевом рынке, в каком-нибудь странном «отделе» гастронома, у спекулянтов, в общем, где угодно — или не покупать, а смотреть в «видеосалоне». Было такое явление культуры, где люди платили небольшие деньги и смотрели американские фильмы на маленьком экране, на видеокассетах формата VHS в самых разных экзотических местах: в подвалах и полуподвалах, на квартирах или даже в каких-то «залах отдыха» вокзалов и аэропортов.

Как тогда смотрелся фильм Фосса?

Как откровение. Может быть, кто-то с этим не согласится, но для меня это было именно так. Во-первых, в классическом советском дискурсе «победа над фашизмом» и еврейская тема никогда не связывались так прямо. Израиль оставался враждебной страной. И если показывали Освенцим и другие лагеря смерти в нашем кино — речь шла не о евреях, а об «узниках нацизма» вообще (что, кстати, было даже почти «историческим подходом», ведь рядом с евреями сидели и другие узники, просто их не сжигали в печах).

Это было первое откровение.

Второе — это тема предвоенного или, вернее, «предфашистского» Берлина — эпоха нищеты, злачных заведений, отчаяния с весельем пополам или веселья от отчаяния, все это было читающей публике известно по романам Ремарка — но тут *все это* было показано с такой вещественностью, остротой деталей, с такой яркостью, что захватывало дух.

Оказалось, что гитлеровскому режиму, гитлеровской идеологии, гитлеровской системе могут противостоять не только солдаты великой советской армии, не только наши подпольщики и разведчики, но и самые что ни на есть заурядные обыватели: певичка из кабаре, ее любовник, лавочник еврейского происхождения, да кто угодно вообще.

Оказалось, что они, берлинские жители, *можен* не видели Гитлера. И даже порой довольно открыто.

Конечно, на первом плане было совсем другое — удивительная музыка, фантастическая хореография, пластика, мелодраматический сюжет, сама режиссура Фосса, его камера, яркие кадры...

Но вслед за этим — и не фоном, а именно глубинной основой, холстом, на который кладутся краски — была философия фильма, оглушительная, совершенно нам незнакомая, — о том, как в реальности рождался фашизм, как это все было в Германии 1930-х годов.

И вот «Кабаре» совсем недавно стал спектаклем на московской сцене, в Театре Наций. Воплотился в театральную премьеру — именно сейчас. Купить билеты

практически невозможно. Мне трудно даже назвать другой спектакль, который мог бы соперничать сегодня с «Кабаре» по зрительскому успеху.

И тут возникает целый ряд проблем, с которыми сталкивается новый зритель — через 50 лет после выхода фильма в прокат и примерно через 35 после того, как его стало можно свободно смотреть у нас. Как все это воспринимать, «прочитывать»?

С одной стороны, те, кто навсегда полюбил Лайзу Минелли, Майкла Йорка и незабываемого Джоэла Грея в роли конферансье, — будут безуспешно искать отдельные линии и мотивы, которые есть в фильме и которых вообще нет в спектакле. Спектакль, конечно же, не фильм. Он отсылает, скорее, к бродвейской постановке «Кабаре», но и тут, наверное, нет полного соответствия — в каждой стране и в каждую эпоху знаменитый мюзикл играется по-своему. (И это торжественно подчеркивается театром в афише — «с абсолютно оригинальной режиссурой, новой сценографией и хореографией».)

С другой стороны, те, кто вообще не смотрел старый фильм и просто «пришел на хороший мюзикл», будут удивлены этой атмосферой мрачного бурлеска, безысходной печали и тяжелыми ассоциациями, которые возникают сами собой. Для легкого мюзикла «тяжеловато», для тяжелой философской драмы — чересчур ярко и музикально.

И тем не менее спектакль четко «попадает» в зрителя.

Почему?

Почему, когда звучит реплика: «Все наладится! Уверяю вас, все наладится!» — произносимая евреем, хозяином фруктовой лавки (Александр Сирин), который наотрез отказывается от идеи уезжать из Берлина, бежать из страны, спасать себя (хотя штурмовики уже пришли, уже разбили витрины, уже унесли товар, уже избивают людей на улицах), — почему в этот момент зрители замирают в своих креслах?

Почему они так невесело смеются на реплике фрау Шнайдер (Елена Шанина): «Если ты не против, значит, ты за?»

Почему с такой охотой вступают в диалог с конферансье (Денис Суханов), когда он спрашивает: «Вам какой анекдот рассказать — на 5 лет, на 10, или на 15?»

Откуда во мне это сочувствие, когда конферансье восклицает, командуя кордебалетом: «Не дерзим, не высказываемся! Танцуем!»

И этот бешеный танец — о чём он?

И почему простая фраза, которую то и дело по разным поводам бросают со сцены: «Добро пожаловать в Берлин!» — тоже чем-то царапает?

Дмитрий Мережковский когда-то писал о Серванте: «В органическом, непроизвольном процессе творчества гений, помимо воли, *помимо сознания*, неожиданно для самого себя приходит иногда к таким комбинациям чувств, образов и идей, глубину и значительность которых дано оценить только отдаленным поколениям читателей». Замечательная мысль: да, бывают произведения, которые целиком помещаются в свою эпоху (и очень важные, очень популярные произведения), а бывают те, полный смысл которых открывается лишь в будущем.

Видимо, именно так и происходит сейчас с «Кабаре».

И дело не в каких-то очевидных деталях, совпадающих в разные времена (да и сам Боб Фосс, когда создавал свой мюзикл в конце 1960-х, наверняка ведь метил не только в Германию и нацистов, но и в современную ему Америку, в которой в конце 60-х кипели порой кровавые политические страсти).

Дело в общем горизонте идей, которые выплывают из каркаса этой вроде бы простой истории.

Режиссер Евгений Писарев, наверное, совсем не хотел, чтобы за рисунком спектакля маячила тень великого фильма, не очень хотел превращать его в политический памфlet — и это чувствуется. Ну, скажем, в старом фильме само кабаре показано чрезвычайно эстетично — все эротично, но очень элегантно, танцы красивы, музыкальные номера Кандера и Эбба — верх мелодичности и вкуса. Все в некой эротической дымке и все поражает воображение. Бродвей, что тут скажешь. В драме Писарева акцент другой — грязный бурлеск, похабные движения, как нарочно

подобранные антиэстетические позы и костюмы, вся эта слишком натуральная и неопрятная телесность тянет зрителя совсем в другую сторону. Отвратительная, душная, потная атмосфера настоящего борделя. Как отсюда может родиться «сопротивление», какие тут герои?

Скорее, это о другом — о том, что обычные люди, кожей ощущающие наступление больших перемен, плывущей под их ногами почвы, чувствующие инстинктивный страх перед историей, вдруг начинают безудержно веселиться, праздновать, наслаждаться жизнью, пытаясь поймать последний миг счастья. И в этом стремлении есть, конечно, и что-то истерическое, и что-то человеческое.

И еще один смысл этого грубого натурализма — которого, может быть, не было в фильме: в эпоху общенародного экстаза, радостного сплочения вокруг вождя — искусство сырое, пошлое, и даже грязное является чем-то вроде таблетки, очищающей организм.

Лучше уж бордель, чем парад.

В фильме Фосса основная нагрузка ложилась на лирический сюжет (певичка Салли и заезжий англичанин — в спектакле Театра Наций Юлия Чуракова и Сергей Кемпо) — здесь все нити в руках у конферансье. Он главный автор, главный режиссер всего. В фильме конферансье эксцентричен, обаятелен, блестящий и по-цирковому ловок — в спектакле долговязый, нелепый, вызывающий, отчаянно-горький, мрачный и грубый персонаж Дениса Суханова — нет, не просто рассказчик или резонер, как положено по либретто, он и есть тот *человек эпохи жутких перемен*, который знает, что идет в пропасть и не может туда не идти. Конферансье Суханова влеком своим высоким долгом — он должен в этот исторический час развлекать обреченных на смерть. Это абсолютно экзистенциальная задача, так удивительно обрамленная запахом пота и нестираных трусов, атмосферой разврата, безнадеги и забвения.

Песня о нации, встающей с колен, о родине, которая из мрака возвращается в свет — почти очищена режиссером Писаревым от деталей, так памятных нам по фильму. Нет ни красивого мальчика из гитлерюгенда, запевающего первые такты, ни леса рук, поднятых в фашистском приветствии. Это просто «народная» песня — торжественная, величавая, необычайно красивая, плывущая над театральным залом гимном всеобщей патриотической любви. И это не о Германии, это обо всех странах, встающих с колен, объединенных идеей поквитаться за национальное унижение, лелеющих свою обиду, — а таких стран много, и будет еще больше.

Вообще одна из сильных сторон спектакля в Театре Наций — невероятно бережная работа с музыкой, с вокалом, с каждым звуком (и здесь, конечно, надо отметить работу музыкального руководителя и дирижера Евгения Загота), ну и самое главное — с текстами. Они возникают в виде титров на черных экранах, и оказывается, слова песен важны не менее, чем диалоги и реплики, как, впрочем, и положено в мюзикле.

Последняя сцена — черный глухой занавес, падающий сверху, безжалостно закрывающий от нас всех персонажей, сидящих в ряд на стульях у края сцены. Жутко.

Все эти люди из предвоенного Берлина — обречены. Им некуда бежать от страшной воронки, от катастрофы, в которую засасывает целую большую страну.

И тем не менее, многие из них остаются людьми. Несмотря ни на что.

«Горизонт идей», который разворачивается здесь, на сцене Театра Наций, — действительно оказывается довольно широк. Но — отчасти неуволим. Он оставляет место для «воздуха» — наших собственных мыслей и невысказанных пока чувств.

Плывущая под ногами историческая почва, обреченность национальных обид, одинокая позиция человека, который не может уехать, просто сбежать за горизонт беды, печаль и веселье «последнего времени».

Но есть ли у них надежда? Хочется спросить в конце этого спектакля, вызвав на поклоны конферансье.

Он ответит: «Конечно, есть. А вы сомневаетесь?»

Summary

Andrey Vereschagin. The Eye

The plot of this long-short inquiry-story is based on hunting the provenance of the mysterious videoclip NJ-108-Y. Those who are watching it are going crazy and injure themselves. The protagonist, a painter from St-Petersburg, is trying to find out who and why has made this clip. In the course of investigation he gets known about the longstanding experiments of the secret services designed for psychological impact and goes mad himself. The chapters of this detective story are straying from pseudo-scientific article to news notes, from chat conversations to a classical play with the entangled plot.

Poetry

The eternal question for poets: what is Life?

Denis Balin, one of the debutants of this issue, correlates the real life and the life in the social network: "One click only from "like" to "repost" and one wink only to God's Judgement". "My life is a box of white light filled with birds' voices", — states Lubov Kolesnik. For Maria Zatonskaya who appears on DN's pages for the first time Life is "when some object coincides with itself". Konstantin Komarov is looking for the answer in the lives of the Russian classical poets.

Under the heading "Poet about poet" we present the last poems by Natalya Arishina, our long-standing friend and author who recently left us and the essay of Yourij Ryashentsev on her lyrics "which have been inspiring great confidence into the readers".

Gennadij Prashkevich, Alexei Burov. Correspondence

The sea of questions and no answers. "Whom are we permanently and patiently talking with? With the beloved woman? With the friend? With the enemy? With our inner voice, that is with ourselves? I come to the mirror. Who is it there in the dark depth? Me? But if so, why don't I answer my own questions?" — is trying to understand the prosaist G. Prashkevich in his next letter to his regular conversation partner. "We want to hear something missing until now and very important. What might it be? — takes up physicist A. Burov. — After the Gospel what other Good News can add wisdom, fortitude, virtues and the air of freedom to us?"

Evgenij Abdullaev. Annual review

"Formerly the air warfare was being waged by pilots among which there were aces. Now the warplanes are being displaced by drones — it's easier, cheaper and no need for piloting skills since no need for pilots as such. The same in poetry. As if the sky over it where aces used to show their skills now is filled with drones — poems no one knows by whom and from where launched". Traditionally in our March issue the literary critic E. Abdullaev is meditating over the poetical collections of the last year.

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Журнал «Дружба народов»

МОЖНО ВЫПИСЫВАТЬ С ЛЮБОГО МЕСЯЦА ВО ВСЕХ ОТДЕЛЕНИЯХ ПОЧТЫ РОССИИ.

Подписной индекс в каталоге «ГАЗЕТЫ. ЖУРНАЛЫ» — **70250**

Подписной индекс в зеленом каталоге «ПРЕССА РОССИИ» — **91826**

Электронную версию «ДН» можно приобрести на

<http://дружбонародов.ком>

Журнал продается в московских магазинах:

«Фаланстер» (Москва, ул. Тверская, 17,

вход с Малого Гнездникова переулка)

«Бункер» (Покровка, 17; ежедневно с 12 до 22)

Вёрстка: Елена ЖИРНОВА

Корректура: Елена ЛАПШИНА

Дизайн обложки: Степан ЛУКЬЯНОВ

ИЗДАНИЕ ОСУЩЕСТВЛЕНО ПРИ ПОДДЕРЖКЕ
МИНИСТЕРСТВА ЦИФРОВОГО РАЗВИТИЯ, СВЯЗИ
И МАССОВЫХ КОММУНИКАЦИЙ РФ
И ФОНДА «РУССКИЙ МИР»

Общероссийская
литературная Премия
«Дальний Восток»
им. В.К. Арсеньева

**3 приза
по 500 000 р.
в трёх
номинациях**

- Длинная проза
- Короткая проза
- Проза для детей

Прием заявок
с 1 февраля
2023 года

18+

премияарсеньева.рф

Министерство культуры
 Российской Федерации

Министерство культуры
 Российской Федерации
 по регионам Дальнего Востока и Арктики

Корпорация развития
Дальнего Востока и Арктики

Инвестиционная
организация
«Фонд развития
специального инвестпроекта»

Фонд развития
специального инвестпроекта

4/2023

Читайте:

**Дмитрий Исакжанов. Роман
«Проскинитарий»**

«Истлевшие газеты, поблёкшие рекламные листовки, пакеты, рассыпающиеся в пыль от избытка ультрафиолета уже через месяц, пожелтевшие стаканчики из Макдональдса — всё движется в знойном воздухе словно само собой, то собираясь в изломанные цепочки, то разбиваясь на отдельные островки и снова выстраиваясь в прихотливые узоры. Какой бы орнамент из них ни сложился, он одинаково хорошо вплетается в бесконечно однообразный ритм кварталов. Можно весь день идти, оставляя следы на песке, и не встретить никого, кто разделил бы со мной моё восхищение неизменностью изменяемого, никого, кто бы понял меня. Иногда я плачу. Положив лицо в сложенные ковшом ладони, я тычусь в них мокрыми губами, как в отпотевшую изнанку гермошлема...»